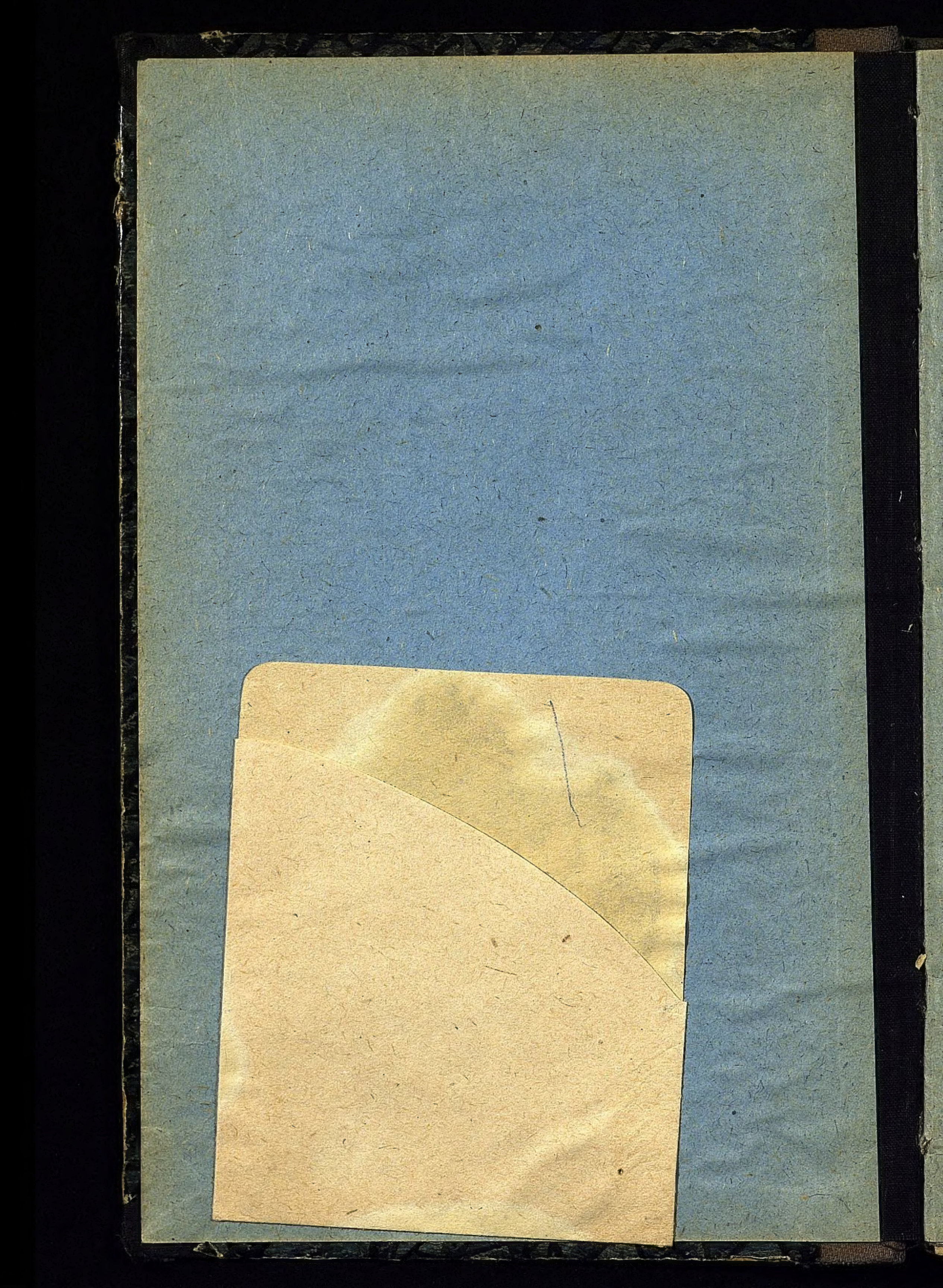
Эр1 / 848
Пуришкевич, В. М.
Дневник члена гос-й Думы.......
....

В. ПУРИШКЕВИЧ

MCMXXIV

[illegible] фонда

Обложка работы Авецвечарак
Тираж изданія 2500 экземпл.

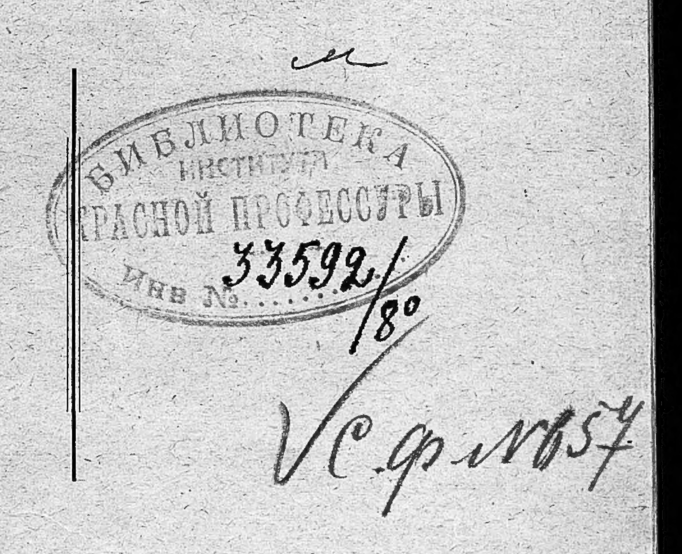
Типографія „Дзинтарс", Рига, Елизаветинская 22.

ЭР1 848
9(47)19 (1053)

ДНЕВНИК

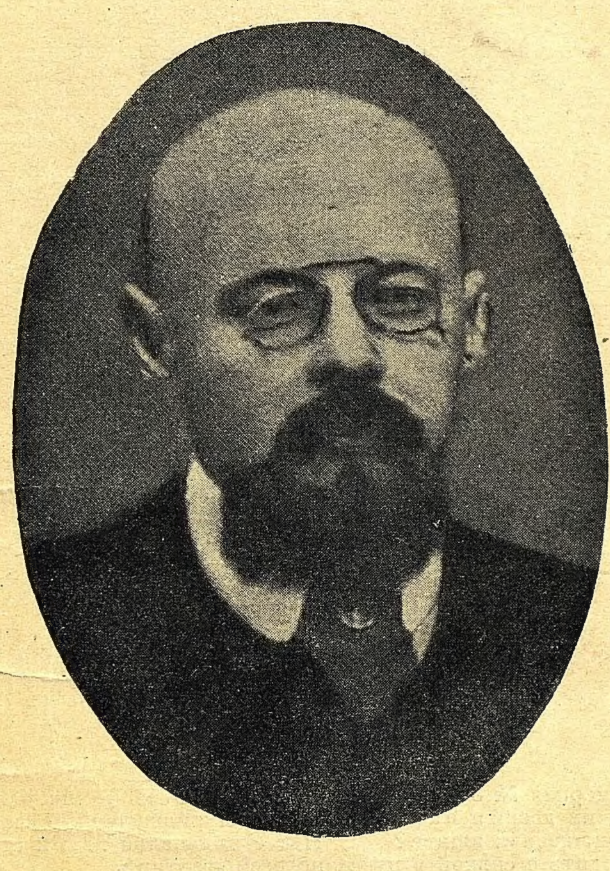
Члена
Государственной
Думы

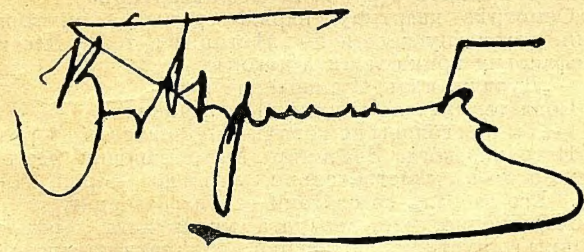
ВЛАДИМІРА МИТРОФАНОВИЧА
ПУРИШКЕВИЧА

Издательство
NATIONAL REKLAMA
РИГА

Тип. „Дзинтарс“ Рига, Елисаветинская 22.

Снимок произведен весною 1917 года.

Вскорѣ послѣ февральской революціи Влад. Митрофанович сбрил бороду и усы, и стал совершенно неузнаваем. Передают, что когда по приказу Керенскаго наряд милиціи и солдат явился к депутату на его квартиру

Шпалерная № 32, для его ареста, Пуришкевич лично открыл им двери и на вопрос: дома ли Пуришкевич, отвѣчал: „Пуришкевича ищите? . . . Нѣт его, канальи . . .“ и стал их водить с свѣчой в руках по всей квартирѣ.

Осмотрѣв квартиру, наряд, громыхая винтовками стал ни с чѣм спускаться по лѣстницѣ; тогда Владимир Митрофанович крикнул им ь догону:

—„Дураки, вѣдь Пуришкевич я.“

Солдаты сначала усумнились, заявив:

—„Ты нам головы не морочь—Пуришкевич с бородой.“

И только когда Владимир Митрофанович растолковал, что это он дѣйствительно, только сбрил бороду и усы. Его забрали со словами — Там разберут.

Характерно, что депутата монархиста корниловца из тюрьмы выпустили большевики, послѣ захвата ими власти.

Послѣ чего Пуришкевич немедленно выѣхал на юг, гдѣ отдался всецѣло бѣлому движенію и через год заразился сыпным тифом и скончался. От сыпного тифа погиб тогда-ж его старшій сын юноша. Дальнѣйшая судьба его жены и второго сына до настоящаго времени не извѣстна.

НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНѢ

I. часть

---

19 ноября, 1916 года.

Сегодня я провел день глубочайших душевных переживаній.

За много лѣт впервые я испытал чувство нравственнаго удовлетворенія и сознанія честно и мужественно выполненнаго долга: я говорил в Государственной Думѣ о современном состояніи Россіи; я обратился к правительству с требованіем открыть Государю истину на положеніе вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить монарха о грозящей Россіи опасности со стороны темных сил, коими кишит русскій тыл, —сил, готовых использовать и переложить на Царя отвѣтственность за малѣйшую ошибку, неудачу и промах его правительства в дѣлах внутренняго управленія, в эти безконечно тяжелые годы бранных испытаній, ниспосланных Россіи Всевышним.

А мало-ли этих ошибок, когда правительство наше — все сплошь калейдоскоп бездарности, эгоизма, погони за карьерой; лиц, забывших о родинѣ и помнящих о своих интересах, живущих одним лишь сегодняшним днем.

Как мнѣ безконечно жаль Государя, вѣчно мятущагося в поисках людей, способных занять мѣсто у кормила власти, и не находящаго таковых; и как жалки мнѣ тѣ, которые, не взвѣшивая своих сил и опыта, в это отвѣтственное время дерзают соглашаться занимать посты управленія, движимые честолюбіем и не проникнутые сознаніем отвѣтственности за каждый свой шаг на занимаемых постах.

В теченіе двух с половиной лѣт войны я был политическим мертвецом: я молчал, и в дни

случайных наѣздов в Петроград, посѣщая Государственную Думу, сидѣл на засѣданіях ея простым зрителем, человѣком без всякой политической окраски. Я полагал, как и полагаю сейчас, что всѣ домашнія распри должны быть забыты в минуты войны, что всѣ партійные оттѣнки должны быть затушеваны в интересах того великаго общаго дѣла, котораго требует от всѣх своих граждан, по призыву Царя, многострадальная Россія; и только сегодня, да, только сегодня, я позволил себѣ нарушить мой обѣт молчанія и нарушил его не для политической борьбы, не для сведенія счетов с партіями других убѣжденій, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножію трона тѣм думам русских народных масс и той горечи обиды великаго русскаго фронта, которыя накопляются и растут с каждым днем на всем протяженіи Россіи, не видящей исхода из положенія, в которое ее поставили царскіе министры, обратившіеся в маріонеток, нити от коих прочно забрали в руки Григорій Распутин и Императрица Александра Федоровна, этот злой геній Россіи и Царя, оставшаяся нѣмкой на русском престолѣ и чуждая странѣ и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попеченія.

Тяжело записывать эти сроки, но дневник не терпит лжи: живой свидѣтель настроеній русской арміи от первых дней великой войны, я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаянія Царскаго имени в войсковых частях, и увы! не только среди офицерской, но и в толщѣ солдатской среды,—и причина тому одна—Григорій Распутин.

Его роковое вліяніе на Царя через посредство Царицы и нежеланіе Государя избавить себя и Россію от участія этого грязнаго, развратнаго и продажнаго мужика в вершеніи государственных дѣл, толкающих Россію в пропасть, откуда нѣт возврата.

Боже мой! Что застилает глаза Государя? Что не дает ему видѣть творящееся вокруг?!

Историческое выступленіе В. М. Пуришкевича в Госуд. Думѣ 19-го ноября 1916 г.

(Зарисован с натуры худ. Животовским тот момент, когда Родзянко пытается остановить оратора).

„Я не могу покинуть ряды правых, ибо я сам правый. Но бывают моменты, когда нельзя говорить забравшись на уѣздную или губернскую колокольню, а надо бить в набат с колокольни Ивана Великаго Как раньше, так и теперь во мнѣ горит безконечная любовь к родинѣ, безпредѣльная вѣрноподаннѣйшая преданность к моему государю". Так начал свою знаменитую рѣчь 19 нояб. 1916 г. в Государст. Думѣ, послѣ деклараціи Правительства Пуришкевич и послѣ яркаго наброска бичующей картины развала тыла „министерской чехарды", закончил словами:

„Зло идет от тѣх темных сил, от тѣх вліяній, которыя двигают на мѣста тѣх или других лиц, которые не способны и не могут их занимать.

Ночи послѣднія не могу спать, даю Вам честное слово Лежу с открытыми глазами и мнѣ представляется цѣлый ряд теллеграмм, свѣдѣній, записок, то к одному, то другому министру, чаще всего к Протопопову."

Родзянко: „Прошу вас не развивать этой темы".

„Я позволю сейчас обратиться помимо Думы, я обращаюсь к Совѣту Министров. Если у министров долг выше карьеры, то идите к Царю и скажите, что дальше так быть нельзя. Это не бойкот власти, это долг ваш перед Государем. Если вы вѣрноподданные, если слава Россіи, ея могучее будущее тѣсно и несравненно связано с блеском царскаго имени, вам дороги, ступайте туда в Царскую Ставку, кинтесь в ноги Царю и просите позволенія открыть глаза на ужасную дѣйствительность . ."

Родзянко: „Еще раз прошу вас не развивать этой темы."

Да не будут внушителями исторических судеб Россіи люди воспитанные на нѣмецкія деньги и нашедшіе себѣ пріют в разнаго рода учрежденіях.

„Да исчезнут с нашего горизонта, в ужасное переживаемое нами время и дни, требующіе величайшей осмотрительности и правительств. такта и Андронников и Варнава и Мордарій и Маносевич и всѣ эти господа, которые составляют позор русской жизни. Вѣрьте мнѣ, я знаю что моими словами говорит вам вся Россія без различія партій, вѣроисповѣданій, желающая счастья Царю, церкви своей, своему народу, Россія безкорыстная в дни скорби, но неспособная говорить, как всегда говорить холопским языком, но честно несущая к подножію трона слова горькой и неподкрашенной правды—во имя блага Царя и народа— Россія Пожарскаго и Якова Долгорукова, Кузьмы Минина и Ивана Сусанина, Россія стоящая на стражѣ своих великодержавных задач и неспособная мириться с картинами государств. разрухи, учиненной излетѣвшими к верхам власти продажными единицами из среды своего правящаго класса.

Господа, нужно просить Государя и вы его вѣрноподданные слуги, призванные к исполненію его воли, вы первые отвѣтите за теченіе русла государственнаго корабля, об'единенные с нами туда в ставку Государя просить!"—

Как жалки его министры, скрывающіе истину и под давленіем себялюбивых интересов играющіе судьбами династіи! Когда этому конец и будет ли?

Что заставляет молчать русских сановников и лиц, приближенных Царю при дворѣ?

Трусость. Да, только одна безпредѣльная трусость и боязнь утратить свое положеніе, и в жертву этому приносятся интересы Россіи.

Они боятся сказать Государю правду.

Яснѣе, чѣм когда-либо, понял я это 3-го ноября, когда, возвращаясь с поѣздом моим с Румынскаго фронта, я был приглашен Государем в Могилевѣ к обѣду и дѣлал доклад ему о настроеніях наших армій в районѣ Рени, Браилова и Галаца.

Помню, как сейчас, перед обѣдом блестящую шумливую толпу великих князей и генералов, поджидавших вмѣстѣ со мною выхода Государя к столу и дѣлившихся впечатлѣніями военных событій и событій внутренней жизни Россіи... Один за другими они подходили и заговаривали со мною: вы дѣлаете доклад Царю? Вы будете освѣщать ему положеніе дѣл? Скажите ему о Штюрмерѣ. Укажите на пагубную роль Распутина. Обратите его вниманіе на разлагающее вліяніе того и другого на страну. Не жалѣйте красок, Государь вам вѣрит, и ваши слова могут оказать на него соотвѣтствующее впечатлѣніе.

— Слушаюсь, ваше Высочество! Хорошо, генерал! — отвѣчал я то одному, то другому, направо и налѣво, а в душѣ у меня становилось с каждым мгновеніем все тяжелѣе и печальнѣе: как, думал я, неужели мнѣ, проводящему всю войну на фронтѣ и живущему одними только военными интересами наших армій, приходится сказать Государю о том, о чем ежедневно ваш долг говорить ему, ибо вы в курсѣ всего того, что продѣлывает Распутин и его присные над Россіей, прикрываясь именем Государя и убивая любовь и уваженіе к нему в глазах народа.

Почему вы молчите? Вы, ежедневно видящіе Государя, имѣющіе доступ к нему, ему близкіе. Почему толкаете на путь откровеній меня, приглашеннаго Царем для других цѣлей и столь далекаго сейчас от событій внутренней жизни Россіи и от политики, которую проводят в ней калифы на час ее, появляющіеся и лопающіеся, как мыльные пузыри, бездарные министры.

Трусы! — думал я тогда. Трусы! — убѣжденно повторяю я и сейчас.

Жалкіе себялюбцы, все получившіе от Царя, а неспособные даже оградить его от послѣдствій того пагубнаго тумана, который застлал его духовныя очи и лишил его возможности, в чаду придворной лести и правительственной лжи, правильно разбираться в истинных настроеніях его встревоженнаго народа.

И вот я сказал, — и тогда ему в ставкѣ и сейчас в Государственной Думѣ, на всю Россію, — горькую истину, и как вѣрный, неподкупный слуга его, принеся в жертву интересам родины личные мои интересы, освѣтил ту правду, которая от него скрывалась, но которую видѣла и видит вся скорбная Россія.

Да, я выразил то несомнѣнно, что чувствуют лучшіе русскіе люди, без различія партій, направленія и убѣжденій. Я это понял, когда сходил с трибуны Государственной Думы послѣ моей двухчасовой рѣчи.

Я это понял из того потока привѣтствій, рукопожатій и неподдѣльнаго восторга, который сквозил на всѣх лицах обступившей меня послѣ моей рѣчи толпы, — толпы, состоящей из представителей всѣх классов общества, ибо Таврическій дворец в день 19-го ноября был переполнен тѣм, что называют цвѣтом націи в смыслѣ культурности, общественнаго и офиціальнаго положенія.

Я знаю, что я высказал то, что чувствовала Россія.

Я знаю, что ни одного фальшиваго звука не было в моей рѣчи.

Я чувствую, что в ней не сквозила хамская наглость Гучкова, но что вся, проникнутая чувством вѣрноподданнѣйшей любви, она должна показать Государю, что вся Россія, от крайняго праваго крыла до представителей лѣвых партій, не лишенных государственнаго смысла, одинаково оцѣнивает создавшееся положеніе и одинаково смотрит на тот ужас, который представляет собою Распутин, в качествѣ неугасимой лампады в царских покоях.

Да, все, что находилось сегодня в Таврическом дворцѣ, на скамьях, внизу и на хорах, все это были мои единомышленники, и только три—четыре человѣка на всю Государственную Думу, с Марковым и Замысловским во главѣ, остались чуждыми тѣм чувствам, которыми жили мы, взывавшіе к Государю и просившіе у него избавить и себя, и Россію от той новой казни египетской, какую представляет собою Распутин.

Но что нужды? Кому больше, чѣм самим себѣ, вредят эти патріоты казеннаго образца, готовые стать на запятки ко всякой власти и любовно пестуемые людьми, типа Протопопова, Штюрмера, Воейкова и компаніи, знающими им цѣну, а вѣрнѣе, расцѣнивающими их в тот или другой момент жизни государства, сообразно обстановкѣ и обстоятельствам.

Когда я выходил из Таврическаго дворца, уставшій, истомленный и обезсилѣвшій от рукопожатій и привѣтствій, меня нагнал в Екатерининской залѣ Кауфман-Туркестанскій, состоящій главным уполномоченным Краснаго Креста при ставкѣ Государя и отъѣзжающій завтра в ставку, и, обнявши меня, сказал, что распорядился доставить себѣ один экземпляр стенограммы моей рѣчи, какую повезет Государю и лично передаст ему.

Возвратившись домой, узнал дома от жены любопытную подробность.

Послѣ окончанія моей рѣчи, к ней, сидѣвшей на хорах, подходило много дам высшаго петроградскаго круга и аристократіи, просивших

передать мнѣ сочувствіе по поводу всего мною сказаннаго, и в числѣ этихъ дам подошла баронесса Икскюль-фон-Гильденбант, одна из самых ярых поклонниц Распутина, в салонѣ коей он постоянно бывает запросто, как свой человѣк, и просила жену мою также принять от нее по адресу моему горячій привѣт и „восхищеніе" всѣм мною сказанным и вмѣстѣ с тѣм просить меня в один из ближайших дней не отказать отобѣдать у нея вмѣстѣ с нѣкоторыми ея друзьями.

Мы долго хохотали над этим приглашеніем, цѣль котораго для меня сразу стала ясной: почтенная баронесса, очевидно, хотѣла свести меня с Распутиным, будучи увѣренной, что и я поддамся его гипнозу и послѣ свиданія с ним окажусь его фанатичным поклонником.

20 ноября.

Сегодня весь день я буквально не имѣл покоя, сидя дома и работая у своего письменнаго стола: телефон мой трещал с утра до вечера, знакомыя и незнакомыя лица выражали сочувствіе всему мною сказанному вчера; и должен признаться, что степень этого сочувствія поднялась до такого градуса, что дальнѣйшее пребываніе у себя в кабинетѣ мнѣ сдѣлалось невыносимым; нѣт положенія болѣе глупаго, по-моему, чѣм молчаливо выслушивать похвалы себѣ, не смѣя перебить говорящаго и разливающагося соловьем в твою пользу.

Безконечное число лиц заносило мнѣ сегодня свои визитныя карточки в знак сочувствія.

Среди них была масса от членов Государственнаго Совѣта и, что мнѣ особенно дорого, от старика графа С. Д. Шереметьева, котораго я привык любить и уважать наравнѣ с покойным, близким мнѣ А. А. Нарышкиным, ибо оба они рыцари без страха и упрека.

Из звонивших по телефону меня заинтриговал один собесѣдник, назвавшійся князем Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстон.

Великій князь Дмитрій Павлович.

Единственный сын Вел. Кн. Павла Александровича, разстрѣлянного большевиками в 1918 году, и его первой супруги, греческой принцессы Александры Георгіевны, скончавшейся от родов вслѣд за рожденіем сына. Брат Вел. Кн. Маріи Павловны, бывшей в замужествѣ за вторым сыном шведскаго короля, герцогом Зюдерманландским, а послѣ развода вышедшей замуж за поручика стрѣлков Императорской Фамиліи, князя Путятина, проживающими нынѣ в Лондонѣ.

Родился в Петербургѣ в 1890 году. Получив домашнее образованіе, вышел корнетом лейб-гвардіи в Конный полк, которым нѣкогда командовал отец. Красивый, статный юноша, любимец Царя, одно время лелѣявшаго мысль выдать за него свою старшую дочь Ольгу. Популярный по преимуществу в кругах гвардейской молодежи, пріобрѣл широкую извѣстность своим активным участіем в убійствѣ одной из самых мрачных фигур самодержавнаго режима, Распутина, послѣ чего подвергся опалѣ и был выслан, одновременно с своим личным другом и единомышленником, молодым князем Ф. Юсуповым графом

Сумароковым-Эльстон, на Персидскій фронт. Там, в рядах коннаго корпуса генерала князя Баратова, его застала революція. С развалом арміи и торжеством большевизма, выѣхал в Европу и проживает в Парижѣ. Является одним из кандидатов на россійскій трон, но держится в тѣни и живет частным человѣком.

После обычных привѣтствій, он, не удовлетворившись этим, просил разрѣшенія побывать у меня в один из ближайших дней, по возможности скорѣе, для выясненія нѣкоторых вопросов, связанных, как он сказал, с ролью Распутина при дворѣ, о чем по телефону говорить „не удобно".

Я просил его заѣхать завтра, в 9 час. утра.

Любопытно узнать, о чем он хочет говорить, и что ему нужно.

21 ноября.

Сегодня, ровно в 9 час. утра, ко мнѣ пріѣхал князь Юсупов.

Это молодой человѣк лѣт 30, в формѣ пажа, выполняющій, очевидно, военный ценз на званіе офицера.

Мнѣ он очень понравился и внѣшностью, в которой сквозит непередаваемое изящество и порода, и, главным образом, духовной выдержкой. Это, очевидно, человѣк большой воли и характера: качества, мало присущія русским людям, в особенности из аристократической среды.

Он просидѣл у меня болѣе двух часов.

„Ваша рѣчь не принесет тѣх результатов, которых вы ожидаете, — заявил он мнѣ сразу.— Государь не любит, когда давят на его волю, и значеніе Распутина, надо думать, не только не уменьшится, но, наоборот, окрѣпнет, благодаря его безраздѣльному вліянію на Александру Федоровну, управляющую фактически сейчас государством, ибо Государь занят в ставкѣ военными операціями".

„Что же дѣлать?" — замѣтил я. Он загадочно улыбнулся и, пристально посмотрѣв мнѣ в глаза немигающим взлядом, процѣдил сквозь зубы — „устранить Распутина".

Я засмѣялся.

„Хорошо сказать, — замѣтил я, — а кто возьмется за это, когда в Россіи нѣт рѣшительных людей, а правительство, которое могло бы

это выполнить само и выполнить искусно, держится Распутиным и бережет его, как зѣницу ока".

„Да, — отвѣтил Юсупов, — на правительство разсчитывать нельзя, а люди все-таки в Россіи найдутся. „Вы думаете?" — „Я в этом увѣрен, и один из них перед вами".

Я вскочил и зашагал по комнатѣ.

„Послушайте, князь, этим не шутят. Вы мнѣ сказали то, что давным-давно сидит гвоздем в моей головѣ. Я понимаю не хуже вашего, что однѣми думскими рѣчами горю не помочь, но утопающій хватается за соломинку, и я за нее схватился. Выход, о котором вы говорите, не представляется для меня неожиданным, больше того: нѣсколько лѣт тому назад, при жизни покойнаго В. А. Дедюлина, бывшаго, как вы знаете, дворцовым комендантом, я спеціально ѣздил к нему в Царское Село, состоя с ним в близких отношеніях, исключительно затѣм, чтобы убѣдить его в необходимости немедленно ликвидировать Распутина, создав для этого подходящую обстановку, ибо уже и тогда мнѣ было ясно, что Распутин является роковым человѣком для династіи и, естественно, для Россіи".

„И что же? — спросил Юсупов. „Как видите, ничего: Распутин жив и по сей день. Дедюлин, очевидно, не дерзнул взяться за это дѣло, ибо ужас положенія в том, что масса высших сановников наших, типа Саблеров, Раевых, Добровольских, Протопоповых, Штюрмеров, Воейковых, строят свою карьеру на Распутиных, и малѣйшая оплошность лица, которое пожелало бы избавить Россію от этой язвы, стоила бы головы иниціатору, с одной стороны, и с другой— содѣйствовала бы вящщему укрѣпленію значенія при дворѣ этого гада".

„Вы правы, — замѣтил Юсупов. — Знаете ли вы, что Распутин охраняется сыщиками, поставленными со стороны трех учрежденій".

„Что вы!"

„Да, да. Его охраняют шпики от министерства императорскаго двора, по желанію Им-

ператрицы, шпики от министерства внутренних дѣл и шпики от... отгадайте, от кого еще?"

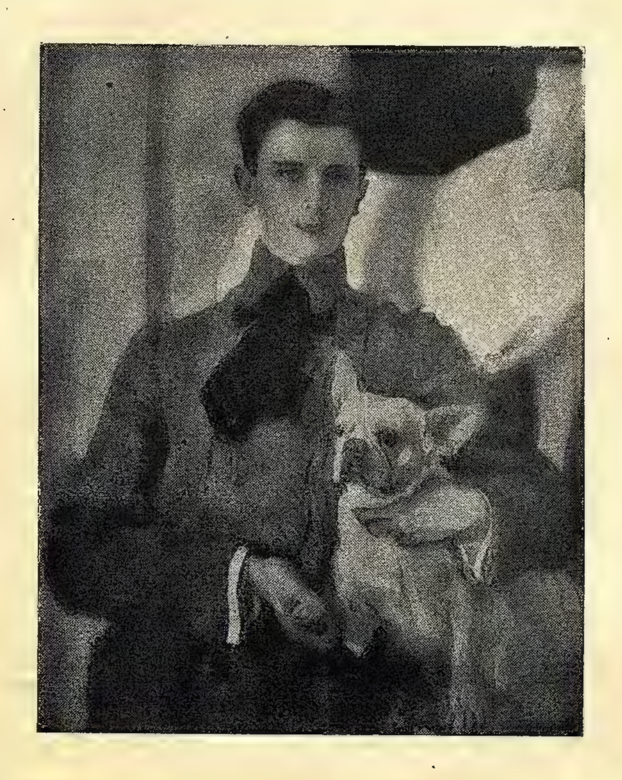
„Не сумѣю вам сказать!"

„Не удивляйтесь!.. и шпики от банков".

Я усмѣхнулся. „Князь, — замѣтил я, — я перестал удивляться чему бы то ни было в Россіи. Я ничего не ищу, ничего не добиваюсь и, если вы согласны принять участіе в дѣлѣ окончательнаго избавленія Россіи от Распутина, то вот вам моя рука, обсудимте всѣ возможности этой операціи и возьмемся за ея выполненіе, если найдем еще нѣсколько подходящих лиц, не привлекая к дѣлу никого из слуг в цѣлях соблюденія тайны".

„Двоих я могу уже вам указать, — с живостью замѣтил Юсупов, пожимая мнѣ руку.— Если вы свободны сегодня, пріѣзжайте ко мнѣ, они у меня будут, и вы с ними познакомитесь. Мы обсудим вопрос, и если четырех нас окажется мало, то подыщем еще кого-либо из наших друзей, а я вам сообщу мой план, исполнимость коего будет находиться в прямой зависимости от степени душевнаго спокойствія Григорія Ефимовича и желанія его посѣтить мой дом вечером в один из ближайших дней".

На этом мы разстались.

Князь Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

(С знаменит. портрета худ. Сѣрова.)

Юсуповы-Княжевы — пресѣкающiйся княжескiй род. От военноначальника, бывшаго на службѣ Тамерлана, и владѣтельнаго Нагайскаго князя (умер в началѣ XV вѣка), Едигея Мангита в третьем поколѣнiи родился Муса-мурза, сын котораго Юсуп-мурза (умер 1556 г.) был родоначальником дома Юсуповых.

У него было два сына Иль-мурза и Ибрагим, которых отправил в Москву убiйца их отца, дядя Измаил.

Потомки их в послѣднiе годы царствованiя Алексѣя Михаиловича приняли святое крещенiе и писались князя Юсуповы-Князево, а с конца XVIII вѣка просто князья Юсуповы. Выжила одна только младшая вѣтвь князей от Ибрагима. Григ. Дмитрiевич (1676—1730) начал служить при Петрѣ Великом стольником; участвовал в Азовском походѣ, сражался со шведами под Полтавой и Выборгом; при Екатеринѣ I был сенатором, при Петрѣ II первым членом Гос. Воен. Коллегiи.

Сын его Борис Григорьевич (1696—1759) в царствованіе Анны Іоановны был московским губернатором, при Елизаветѣ Петровнѣ сенатором, президентом коммерц-коллегіи и главн. директ. корпуса.

Сын его Никол. Борисович (1750—1831) был посланником в Туринѣ, потом сенатором и министром удѣлов, а при Александрѣ I—член госуд. совѣта.

По смерти внука его, князя Николая Борисовича (1827—1890) Высочайше разрѣшено именоваться князем Юсуповым - графом Сумароковым-Эльстон гвардіи поручику, графу Фел. Феликс. Сумарокову-Эльстон с тѣм, что княжескій титул и фамилія Юсупов переходит только к старшему в родѣ.

В 1915 году ген.-маіор Фел. Фел. Юсупов был назначен главноначальствующим г. Москвы.

Сын его (изображ. на портретѣ), женат на дочери Вел. Князя Александра Михаиловича — Иринѣ.

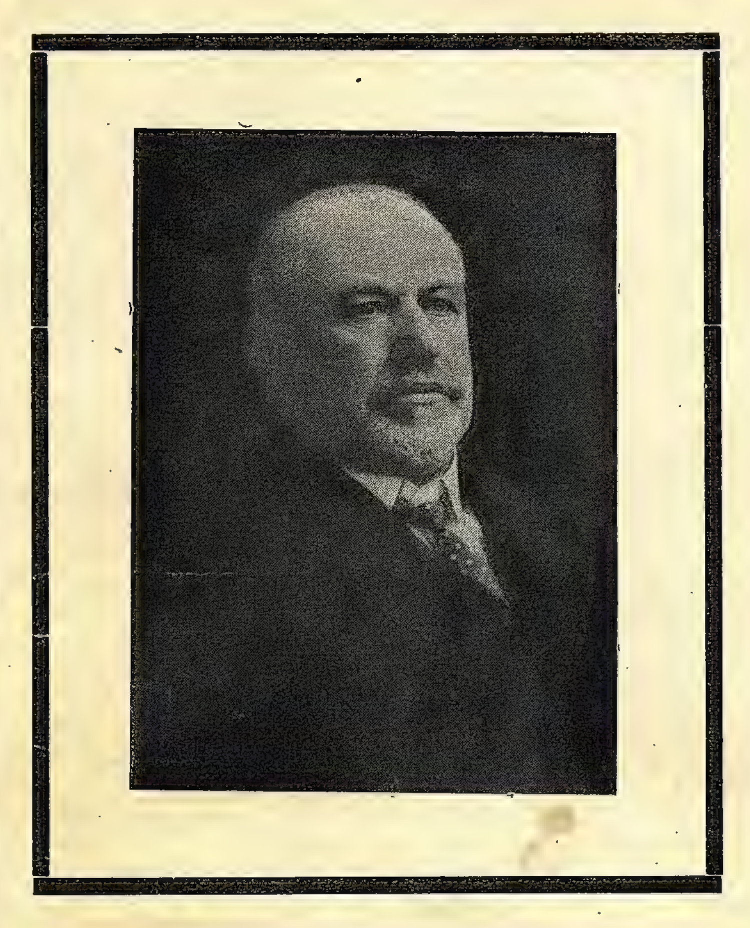
Род князей Юсуповых записан в V ч. род. книг губ. Орловской и С.-Петербургской.

Юсуповы обладали до революціи несчетными огромнѣйшими богатствами и их имѣніе Ильинское и дом в Москвѣ у Красных ворот являлись как бы музеями—хранилищами старины и роскоши. Им принадлежала самая лучшая в мірѣ колекція драгоцѣнных камней.

В настоящее время князь Юсупов находится в Америкѣ.

ЗАГОВОР

II. часть

† **Михаил Владимирович Родзянко.**

Послѣдній предсѣдатель, послѣдней IV Государственной Думы. Крупный земледѣлец Екатеринославской губерніи, дѣйств. стат. совѣтник, камергер Высочайшаго Двора, октябрист по партійной принадлежности. В послѣдній, предреволюціонный період игравшій большую роль, настойчиво и твердо убѣждавшій Монарха, во имя спасенія Родины и Трона, даровать конституцію. При Временном правительствѣ принужден был совершенно отстать в сторону, с большевицким переворотом выѣхал на юг, принял участіе в корниловском походѣ, с крушеніем бѣлаго движенія выѣхал в Сербію, гдѣ, в одиночествѣ и нищетѣ, закончил 25 янв. 1924 г. свои дни, 65 лѣт от роду. Похоронен на счет королевства Сербіи.

22 ноября.

Вчера вечером я был у Юсупова. Я пріѣхал в 8 час., когда он был еще один.

Через полчаса вошел молодой офицер Преображенскаго полка, поручик С., показавшійся мнѣ человѣком мало подвижным, но энергичным, а еще через 10 минут не вошел, а влетѣл в комнату высокій статный красавец, в котором я немедленно узнал великаго князя Дмитрія Павловича.

Мы познакомились друг с другом и, не откладывая дѣла в долгій ящик, принялись за обсужденіе вопроса о способѣ ликвидаціи Распутина.

Выяснилось, что Распутин давно ищет познакомиться с молодой графиней П., очень извѣстной Петроградской красавицей, бывающей в домѣ Юсуповых.

„Графини сейчас в Петроградѣ нѣт, — заявил нам хозяин Ф. Ф. Юсупов, — она в Крыму и в Петроград даже не собирается, но при послѣднем посѣщеніи моем Распутина я заявил ему, что графиня на-днях возвращается в Петроград, гдѣ будет нѣсколько дней, и что, если он, Распутин, хочет, то я могу его с нею познакомить у себя в домѣ в тот вечер, когда графиня будет у моих родных.

Распутин с восторгом принял это предложеніе и просил заблаговременно только предупредить его о днѣ, когда у нас будет графиня, дабы в свою очередь устроиться так, чтобы в этот день „она“, т.-е. Императрица, не позвала бы его в Царское Село.“

„Вы видите, господа, — добавил Юсупов, — что при этом условіи покончить с Распутиным

не составит труда; вопрос лишь в том, каким способом от него избавиться, как обезопасить себя от слѣжки шпиков, дабы подозрѣнія, послѣ смерти Распутина, не пали на нас, и куда дѣвать его труп".

Послѣ продолжительнаго обсужденія поставленных Юсуповым вопросов, мы пришли к единогласному заключенію о необходимости покончить с Распутиным только путем отравленія его, ибо мѣстоположеніе дворца Юсуповых на Мойкѣ, как раз против полицейскаго участка, расположеннаго по ту сторону рѣки, исключало возможность стрѣльбы из револьвера, хотя бы и в стѣнах подвальнаго этажа, в коем помѣщалась столовая молодого Юсупова, куда он предполагал провести Распутина, привезя его к себѣ во дворец в намѣченный день.

Вмѣстѣ с тѣм стало совершенно очевидным, что четырех лиц недостаточно для удачнаго выполненія намѣченной операціи, в виду нежеланія нашего привлекать к дѣлу кого-либо из прислуги и необходимости имѣть своего вѣрнаго шоффера, без коего все дѣло казалось нам неосуществимым.

Я предложил взять в качествѣ таковового старшаго врача моего отряда, работавшаго в теченіе двух лѣт со мной на войнѣ, д-ра С. С. Лазаверта. Предложеніе мое было принято, и, побесѣдовав на тему о политическом положеніи Россіи еще полчаса, мы разстались, уговорившись собраться 24 ноября, в 10 часов вечера, в моем поѣздѣ, стоявшем на товарной станціи Варшавскаго вокзала, откуда я намѣревался, пополнив мой отряд Краснаго Креста всѣм необходимым, в средних числах декабря двинуться на Румынскій фронт, в Яссы, для работы в районѣ наших армій этого фронта.

24 ноября.

Сегодня я провел весь день в раз'ѣздах с д-ром Лазавертом, озабочиваясь пополненіем мо-

его поѣзда всѣм необходимым перед от'ѣздом его на фронт.

Был в главном управленіи Креста, гдѣ царит обычная безтолочь и занимаются интригами, орденами и писаніем бумаг в ущерб живому дѣлу.

В 12 час. дня заѣхал к принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, у котораго завтракал послѣ обычнаго доклада; от принца проѣхал в Государственную Думу.

Как безконечно глубоко я уважаю этого старика благороднаго, чистаго, честнаго, самоотверженно служащаго святому дѣлу помощи раненым.

Он напоминает мнѣ моего отца и по характеру и по темпераменту; я отношусь к нему с сыновней преданностью и любовью и знаю, что он в свою очередь также меня любит и глубоко вѣрит мнѣ.

Да он горячка, он вспыльчив, он подвержен вспышкам минутнаго гнѣва, толкающаго его иногда на безразсудныя рѣшенія, в коих он потом сам первый кается и готов извиниться перед всяким, кого незаслуженно обидѣл, как бы ни был мал тот, который стал жертвой его внезапнаго гнѣва, — но он весь чистота, весь кристалл, его благородная душа ищет только добра и блага. Я не знаю, что было бы с санитарным дѣлом на фронтѣ, если бы принц А. П. Ольденбургскій по временам не исправлял бы властно и не карал бы жестоко тѣх, которые в личных интересах и в погонѣ за чином или орденом принимают всѣ мѣры к сокрытію санитарных безобразій и недочетов в дѣлѣ помощи раненым и больным солдатам, — недочетов, которые так ярко и выпукло бросаются в глаза всякому, кто вникает в наше военно-санитарное дѣло при посѣщеніи нашего западнаго и восточнаго фронтов.

Конечно, вокруг принца цѣлая орава недостойных людей: взяточников, проходимцев, карьеристов, изучивших его слабыя стороны и подыгрывающихся под них.

Многое из того, что он дѣлает, в силу дурных совѣтов, яйца выѣденнаго не стоит, хотя и обходится в большіе деньги, но все это пустяки сравнительно с тою пользою, которую приносит фронту этот глубокій старик, вѣчно кипящій юношеским пылом и молодою энергіей, безконечно добрый в душѣ, о чем свидѣтельствует одна только его старческая улыбка, когда в рѣдкія минуты он видит, что начатое им дѣло, порученное честному человѣку, приносит желанные плоды.

Сегодня у меня было пренепріятное столкновеніе во время доклада у принца с главным инспектором санитарной части сѣвернаго фронта Двукраевым, правою рукою Евдокимова, дорожащаго этим типом молодого, но из ранних.

Вот, признаться, тройка, которую я давно сбросил бы с Тарпейской скалы: Евдокимова, — главнаго медицинскаго инспектора, и двух его пристяжных — Гюбенета, западнаго фронта и Двукарева, сѣвернаго; сколько зла приносят они нашим арміям — и не перечесть, а самое главное и ужасное зло — это вѣчное их стремленіе скрыть истину и ставить палки в колеса учрежденіям Краснаго Креста, работающим на фронтѣ, ибо им кажется, что каждый отряд не их вѣдомства, работающій в наших арміях, эвакуирующій и питающій раненых, является живым укором их дѣятельности, свидѣтельствуя о малой ее продуктивности и слабой постановкѣ.

Мое столкновеніе с Двукраевым на этой почвѣ закончилось тѣм, что я обозвал его профессіональным лгуном при принцѣ, за что Двукраев вызвал меня на дуэль, предусмотрительно оговорившись, что будет драться по окончаніи войны, ибо теперь не время.

Я в отвѣт только засмѣялся ему в глаза и заявил, что своих слов обратно не беру, а совѣтую ему больше думать о наших раненых, чѣм о способах скорѣйшаго полученія новых орденов, которые сыплются на него дождем за доклады о фиктивном благополучіи санитарной части на ввѣренном ему сѣверном фронтѣ.

Принц остановил дальнѣйшій обмѣн любезностей между нами, сухо распрощавшись с Двукраевым, и мы пошли завтракать.

Что будет дальше — не знаю; по всѣм вѣроятіям, Двукраев постарается воспретить мнѣ в'ѣзд на сѣверный фронт в районѣ дѣйствующих армій, ибо я, по его мнѣнію, вижу то, чего видѣть мнѣ не полагается, и не могу согласиться с системой прикрывать безобразія и работать под девизом: „все обстоит благополучно."

Только в восемь часов вечера пріѣхал я к себѣ на поѣзд, на Варшавскій вокзал, и прошел в вагон-библіотеку, чтобы распорядиться и приготовить все нужное к нашему совѣщанію, начало котораго назначено было мною сегодня на 10 часов.

Отпустив санитаров и шофферов из поѣзда, спустив шторы в вагонѣ-библіотекѣ, я стал ждать.

Ровно в 10 часов в автомобилѣ Дмитрія Павловича пріѣхал он сам с Юсуповым и поручиком С.

Я познакомил их с д-ром Лазавертом, и мы приступили сообща к дальнѣйшему обсужденію нашего плана, при чем князь Юсупов показал нам полученный им от В. Маклакова ціанистый кали как в кристаликах, так и в распущенном уже видѣ в небольшой склянкѣ, которую он в теченіе всего пребыванія своего в вагонѣ то и дѣло взбалтывал.

Засѣданіе наше длилось около двух часов, и мы сообща выработали слѣдующій план:

В назначенный день, или вѣрнѣе ночь, мы всѣ собираемся у Юсупова ровно в 12 часов ночи. В половинѣ перваго, приготовив все, что нужно в столовой у Юсупова, помѣщающейся в нижнем этажѣ его дворца, мы поднимаемся наверх, в его кабинет, откуда он, Юсупов, выѣзжает к 1 ч. ночи за Распутиным на Гороховую в моем автомобилѣ, имѣя шоффером д-ра Лазаверта.

Привезя Распутина к себѣ, Юсупов проводит его прямо в столовую, под'ѣхав со двора, при чем шоффер должен вплотную подогнать авто-

мобиль к входной двери с таким расчетом, чтобы с открытіем дверцы автомобиля силуеты выходящих из него не были бы видны сквозь рѣшетку на улицу кому-либо из проходящей публики как по эту сторону Мойки, так и по ту, гдѣ в № 61 находится полицейскій участок и помимо всего могут прогуливаться шпики, ибо нам неизвѣстно, увѣдомляет ли всегда и увѣдомит ли на этот раз также Распутин своих тѣлохранителей, гдѣ он проводит добрую половину ночи.

По пріѣздѣ Распутина в дом Юсупова, д-р Лазаверт, скинув с себя шофферскіе доспѣхи, по витой лѣстницѣ, ведущей от входа мимо столовой в гостиную князя, присоединяется к нам, и мы, т.-е. Дмитрій Павлович, я, С. и Лазаверт, становимся на верху у витой лѣстницы на всякій случай, дабы оказать помощь находящемуся внизу, в столовой, Юсупову в случаѣ необходимости, если бы внезапно дѣло пошло не так как нужно.

Послѣ смерти Распутина, которая, по нашим соображеніям, должна была бы наступить через десять-пятнадцать минут по его прибытіи во дворец и в зависимости от дозы выпитаго им в мадерѣ яда, князь Юсупов подымается на верх к нам, послѣ чего мы всѣ спускаемся в столовую и, сложив в узел возможно большее из одежды Распутина, передаем это поручику С., который, облачившись в Распутинскую шубу (С. по комплекціи и росту в шубѣ может быть принят шпиками, коих мы все-таки опасались, за Распутина, прикрыв лицо поднятым воротником) и взяв узелок вещей Распутина, выходит с великим князем во двор и садится в автомобиль, на коем д-р Лазаверт опять за шоффера; автомобиль направляется к моему поѣзду на Варшавскій вокзал, гдѣ к этому времени в моем классном вагонѣ должна быть жарко затоплена печь, в каковой моя жена и жена д-ра Лазаверта должны сжечь все то из одежды Распутина, что привезут С. с великим князем.

Вслѣд за сим Лазаверт и его пассажиры погружают мой автомобиль на платформу, входя-

щую в состав поѣзда, и за сим пѣшком или на извощиках отправляются на Невскій во дворец великаго князя Сергѣя Александровича, откуда, сѣв в автомобиль великаго князя Дмитрія Павловича, возвращаются в этом автомобилѣ на Мойку, во дворец Юсупова и, опять-таки со двора, под'ѣхав вплотную к дому, поднимаются в гостиную, гдѣ князь Юсупов и я должны поджидать их возвращенія.

Вслѣд за сим, спустившись всѣ вмѣстѣ в столовую, мы обворачиваем труп в какую-либо подходящую матерію и, уложив мумію в крытый автомобиль великаго князя, отвозим его в заранѣе намѣченное мѣсто и бросим в воду, привязав к тѣлу цѣпями двухпудовыя гири, дабы труп не всплыл случайно на поверхность через какую-либо прорубь, хотя это представлялось нам едва ли возможным, ибо вслѣдствіе жестоких морозов все в Петроградѣ и его окрестностях — рѣки, рѣчки и каналы — были покрыты толстым слоем льда, и приходилось подумать и подыскать мѣсто, свободное от ледяной коры, куда мы могли бы опустить труп убитаго Распутина. На этом закончилось наше засѣданіе.

Для дальнѣйшей разработки деталей мы рѣшили собраться 1-го декабря вновь у меня в поѣздѣ, также в 10 час. вечера; до этого времени сдѣлать основательную рекогносцировку в окрестностях Петрограда тѣх мест, которыя могли оказаться подходящими для погребенія в водѣ Распутина, при чем я взялся об'ѣхать окрестности с д-ром Лазавертом в качествѣ шоффера на своем автомобилѣ, а Юсупов на автомобилѣ великаго князя, управлять коим взялся Дмитрій Павлович, дабы даже в этих поѣздках не прибѣгать к помощи наших шофферов-солдат.

В 12 час. ночи мы распрощались друг с другом и раз'ѣхались по домам, при чем я взял на себя еще порученіе купить цѣпи и гири на Александровском рынкѣ для задуманнаго предпріятія.

26 ноября.

Сегодняшній день опять калейдоскоп впечатлѣній и, по обыкновенію, с самаго утра.

Сижу и разбираюсь в корреспонденціи — звонок, подают пакет от предсѣдателя совѣта правой фракціи профессора Левашева. Вскрываю: бумага с просьбой, чтобы я вернулся в лоно правой фракціи, в коей я занимал мѣсто члена совѣта до 18 ноября и из коей вышел наканунѣ моей думской рѣчи: мотив — в столь тяжелые времена такіе люди, как я, особенно цѣнны для фракціи.

Прочел я бумагу, свернул ее, спрятал и мнѣ стало безконечно больно, горько и обидно.

Я понял между строк этого письма причину, заставившую г-на Левашева, Маркова и компанію обратиться ко мнѣ с призывом и просьбой о моем возвращеніи.

Дѣло до нельзя просто: эти господа увидѣли, что рѣчь моя в Думѣ 19-го ноября была отраженіем всего того, что думает и чувствует вся честная Россія, всѣ в ней государственно настроенные умы, без различія партій и направленій.

Марковы, Замысловскіе и Левашевы поняли, что их тройка пресмыкающихся пред всякой властью, какою бы она ни была, осталась одинокою; что правые в Россіи не с ними, а со мною; что я являюсь выразителем желаній и чаяній русскаго народа, а не они, лижущіе сапоги Протопопова и ставшіе его горячими поклонниками с момента, когда этот проходимец стал, на горе Царя и Россіи, министром внутренних дѣл и благосклонно улыбнулся их бездарному органу „Земщинѣ," неспособной подняться до критики власти, и исключительно смотрящей в руку министра внутренних дѣл, подкармливающаго ее из государственнаго сундука в размѣрѣ, зависящем от степени преданности и низкопоклонства ея писак министру внутренних дѣл и его политикѣ.

Как мнѣ памятно послѣднее засѣданіе фракціи перед моей рѣчью, засѣданіе 18 ноября в

нашей фракціонной комнатѣ 36 в Государственной Думѣ, гдѣ я конспективно изложил всю мою рѣчь фракціи и просил сдѣлать мнѣ честь говорить в Думѣ от ея имени, в чем мнѣ было отказано.

По лицам сидѣвших я видѣл, что три четверти — мои горячіе сторонники; но развѣ фракція у нас свободна в выраженіи своих взглядов: она в большей своей части терроризована Марковым, который вкупѣ с Замысловским не дают ей думать самостоятельно и честно, по-своему, обращая, в особенности крестьян, в какое-то думское быдло, а в рѣдкіе моменты, когда это быдло возмущается и хочет думать по-своему, угрожают членам Думы тѣм, что в случаѣ неугоднаго для правительства голосованія Думы по тому или другому вопросу, послѣдняя будет разогнана, и отвѣтственность за ея разгон ляжет на членов нашей фракціи, которые своими голосами дали перевѣс голосующим в Думѣ несогласно с видами правительства, и крестьянство, опасаясь сдѣлать-ли ложный шаг или даже просто лишиться званія члена Думы, покоряется марковским доводам и становится игрушкой его услужающей правительству роли.

А в результатѣ — что?

А то в результатѣ, что лѣвые и кадеты получают в руки новый козырь, чтобы дискредитировать правых в Россіи, говоря не без основаній народу: „поглядите, люди добрые! Кто они, эти правые! Губернатор крадет на мѣстах, — они его прикрывают, полагая, что это способ оберечь престиж власти, дѣятельность коей видна всѣм, с нею соприкасающимся. Министр-подлец толкает Россію к гибели, обманывает Государя на каждом шагу, и это на мѣстах всѣ видят, а они кадят министру и расточают ему фиміам тѣм гуще, чѣм свободнѣе по собственному усмотрѣнію распоряжается этот министр десятимилліонным фондом.“

Нѣт, мнѣ такая политика, так называемых правых оріентацій, так сказать, собственнаго кар-

мана, мнѣ она глубоко омерзительна, и я совершенно неспособен мириться съ тѣмъ, чтобы марали мнѣ мои государственные идеалы люди, въ представленіи коихъ Россія олицетворяется шитымъ мундиромъ говорящаго отъ ея имени подлеца на любомъ отвѣтственномъ министерскомъ посту, добравшагося до власти, обманувшаго Государя и распоряжающагося государственнымъ сундукомъ: такихъ господъ я, какъ правый, по моему глубокому разумѣнію, обязанъ безжалостно разоблачать, и это разоблаченіе всей честной Россіей будетъ пониматься не какъ попытка дискредитировать власть, а какъ намѣреніе оздоровить ее въ корнѣ и сдѣлать неповаднымъ для другихъ недостойныхъ тянуться къ кормилу государственнаго корабля.

Вотъ мысли, которыя вихремъ крутились у меня въ головѣ сегодня, послѣ прочтенія пригласительной бумаги фракціи вернуться въ ея лоно.

Само собою разумѣется, я оставлю этотъ призывъ безъ отвѣта. Съ г. г. Марковымъ, Замысловскимъ и Левашевымъ мнѣ не по пути.

Намъ не столковаться все равно ни въ будущемъ, ни въ особенности сейчасъ, въ тяжелые годы войны, когда нужно прилагать всѣ усилія къ духовному объединенію русскихъ гражданъ, внѣ всякой зависимости отъ того, какой они націи и религіи, а ставя въ упоръ только каждому вопросъ: „любишь-ли ты Россію и Государя, и хочешь-ли ты искренно побѣды нашего оружія надъ упорнымъ и сильнымъ врагомъ?“

Г г. Марковымъ, Замысловскимъ, въ ихъ политическихъ, партійныхъ шорахъ, не подняться выше своей уѣздной колокольни въ тотъ день, когда на Россію нужно глядѣть съ колокольни Ивана Великаго и сумѣть многое забыть, простить и со многимъ, во имя любви къ общей родинѣ, душевно примириться . . .

Около 12 час. дня, ко мнѣ позвонили по телефону изъ дворца великаго князя Кирилла Владиміровича и передали, что его высочество проситъ меня заѣхать къ нему сегодня по важному дѣлу около 2-хъ часовъ.

Я отвѣтил, что буду, и рѣшил поѣхать, хотя великій князь Кирилл, как и оба милые его братья, всегда внушали мнѣ чувство глубочайшаго отвращенія, вмѣстѣ с их матерью великой княгиней Маріей Павловной, имени коей я не мог слышать хладнокровно на фронтѣ в теченіе всего моего пребыванія там с первых дней войны.

Я чувствую, что Владиміровичи и их мамаша, оставшаяся закоренѣлой нѣмкой и германофилкой, не только вредят нашим арміям на фронтѣ, но и безпрестанно подкапываются под Государя, прикрываясь идейными мотивами блага Россіи.

Они не оставили мысли о том, что корона Россіи когда-нибудь может перейти к их линіи, и не забыть мнѣ разсказа Ивана Григорьевича Щегловитова о том, как в бытность его министром юстиціи, к нему однажды разлетѣлся великій князь Борис Владимірович с цѣлью выясненія вопроса: имѣют-ли по законам Россійской Имперіи право на престолонаслѣдіе они, Владиміровичи, а если не имѣют, то почему?

Щегловитов, ставшій послѣ этого разговора с великим князем Борисом предметом их самой жестокой ненависти и получившій от них кличку Ваньки Каина, раз'яснил великому князю, что прав у них на престолонаслѣдіе нѣт вслѣдствіе того, что великая княгиня Марія Павловна, мать их, осталась и послѣ брака своего лютеранкой.

Борис уѣхал, не солоно хлебавши, но через нѣкоторое время представил в распоряженіе Щегловитова документ, из коего явствовало, что великая княгиня Марія Павловна из лютеранки уже обратилась в православную . . .

В два часа дня я входил в под'ѣзд дворца великаго князя Кирилла на улицѣ Глинки и через нѣсколько минут был им принят.

Офиціальным мотивом приглашенія меня, как я понял из первых слов его разговора, было желаніе его жены Викторіи Федоровны, милѣйшей и умнѣйшей женщины, родной сестры румынской королевы Маріи, дать мнѣ нѣсколько

порученій к румынской королевѣ, в виду отъѣзда моего с санитарным поѣздом на Румынскій фронт через Яссы; но, в сущности, это было лишь претекстом для нашего свиданія со стороны великаго князя, а хотѣлось ему, видимо, другого: он желал, повидимому, освѣщенія с моей стороны настроенія тѣх общественных групп, в которых я вращаюсь, а попутно ему хотѣлось раскусить, отношусь-ли я лично отрицательно лишь к правительству Императора, или же оппозиціонность моя подымается выше.

Повидимому, мое направленіе его не удовлетворило: он понял, что со мною разсуждать и осуждать Государя не приходится, и очень быстро прекратил этот разговор, который сам начал в этой области.

Я прошел с ним к Викторіи Федоровнѣ и, посидѣв у нея 1/4 часа, обѣщал направить к ней мою жену, которой великая княгиня хотѣла поручить сдѣлать нѣкоторыя закупки для румынской королевы.

Выходя из дворца великаго князя, я, под впечатлѣніем нашего с ним разговора, вынес твердое убѣжденіе, что он вмѣстѣ с Гучковым и Родзянко затѣвает что-то недопустимое, с моей точки зрѣнія, в отношеніи Государя, но что именно — я так и не мог себѣ уяснить.

28 ноября.

Сговорившись по телефону с Юсуповым, заѣхал к нему сегодня в 1 час дня, дабы вмѣстѣ с ним осмотрѣть то помѣщеніе в нижнем этажѣ его дворца, которое должно стать ареной нашего дѣйства в день ликвидаціи Распутина.

Под'ѣхал я с главнаго под'ѣзда и пришел в кабинет князя сквозь невѣроятный строй челяди, толпящейся у него в передней.

„Послушайте, князь, — говорю ему, — неужели вся эта орава так и останется сидѣть в

передней, с ливрейным арапом во главѣ, в предстоящую нам ночь Распутинскаго раута?“

Он засмѣялся. „Нѣт, — говорит, — успокойтесь, останутся лишь два дежурных на главном под'ѣздѣ, а все остальное будет отпущено вмѣстѣ с арапом.“

Мы пошли с Юсуповым в столовую, помѣщающуюся, как я сказал, в полуподвалѣ его дворца.

Там работали люди, проводившіе электричество.

Столовая пока имѣет еще вид довольно растерзанный; в ней идет полный ремонт; но помѣщеніе это для пріема дорогого гостя крайне удобное, глухое и, мнѣ думается, сужу по толщинѣ стѣн, что, если бы даже пришлось здѣсь стрѣлять, то звук от выстрѣла не был бы слышен на улицѣ, ибо окна, — их два в компатѣ, — крайне малы и находятся почти на уровнѣ тротуара.

Послѣ осмотра помѣщенія, мы поднялись вновь наверх, в гостиную князя, и через четверть часа я поѣхал в Государственную Думу с цѣлью повидаться с В. А. Маклаковым, болѣе тѣсное участіе коего в нашем предпріятіи казалось нам с Юсуповым полезным, хотя Юсупов и полагал, что Маклаков не согласится на активную роль.

Поймав Маклакова в Думѣ, я, как говорится, сразу взял быка за рога и, усѣвшись с ним рядом у бюста Императора Александра II, заявил ему, что для успѣха нашего дѣла нас мало, и что крайне желательно его участіе как в нашем послѣднем совѣщаніи по этому вопросу, так и в выполненіи намѣченнаго плана.

Маклаков на меня воззрился, впился в меня взглядом и послѣ продолжительнаго молчанія заявил, что едва ли он может быть полезен, как активный дѣятель, в самой ликвидаціи Распутина, но что послѣ таковой, если что-либо у нас выйдет негладко и мы попадемся, он не только готов помочь нам юридическим совѣтом, но и охотно

выступит нашим защитником на судѣ, если дѣло дойдет до такового.

Вмѣстѣ с тѣм, прозондировав у меня приблизительный день, когда мы должны осуществить намѣченное, он как-то радостно объявил мнѣ, что даже независимо от своей воли лишен возможности стать болѣе тѣсным соучастником нашим, ибо к этому времени должен выѣхать в Москву, гдѣ ему придется пробыть около недѣли.

„Но вот о чем я вас горячо прошу, — с живостью добавил он, — если дѣло удастся, не откажите немедленно послать мнѣ срочную телеграмму, хотя бы такого содержанія: „когда пріѣзжаете". Я пойму, что Распутина уже не существует, и что Россія может вздохнуть свободно."

Я вздохнул. Типичный кадет, — подумал я, но мнѣ ничего не оставалось другого, как согласиться на его просьбу, и мы разстались.

29 ноября.

Все утро провел в хлопотах: сначала ѣздил в Александровскій рынок с женой на извозчикѣ покупать гири и цѣпи, каковыя с большими предосторожностями мы свезли на поѣзд и размѣстили частью в аптекѣ, а частью за книгами в вагонѣ-библіотекѣ, во избѣжаніе любопытства нашей поѣздной прислуги.

Затѣм в 1 час дня, послѣ завтрака, я выѣхал с Лазавертом на моем автомобилѣ осматривать окрестности Петрограда, согласно рѣшенія нашего послѣдняго совѣщанія.

Лазаверт сѣл за шоффера, и мы прокатались без малаго четыре часа по жестокому морозу, всматриваясь в каждую прорубь Невы, рѣченок и болот под Петроградом и оцѣнивая степень их пригодности для намѣченнаго дѣла.

В началѣ шестого, продрогшие и иззябшие, возвратились мы домой и еле отогрѣлись большими дозами tincturae coniaci. В сущности из всего нами осмотрѣннаго подходящими, по моему, ока-

―――――――――――――――――――――――――――――――――

зались лишь два мѣста: одно — плохо освѣщаемый по ночам канал, идущій от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу, в каковом каналѣ есть небольшая прорубь, и другое — за предѣлами города на Старой Невкѣ у моста, ведущаго к островам.

Интересно знать, что высмотрѣли Юсупов с великим князем, и не привлекли-ли их вниманія эти же проруби?

30 ноября.

Видѣл доспѣхи, пріобрѣтенные д-ром Лазавертом сегодня за 600 руб., по моему порученію: шофферская доха, нѣчто в родѣ папахи с наушниками и шофферскія перчатки.

Лазаверт облачался во все это при мнѣ и выглядит типичным шоффером — хлыщеватым и нахальным. Все купленное он свез до времени в гостиницу Асторію, в которой живет в дни наших наѣздов в Петроград.

1 декабря.

Сейчас 1 час ночи. Только что из поѣзда моего уѣхали великій князь, Юсупов и поручик С.

Мы намѣчали дальнѣйшія детали задуманнаго.

Юсупов и я хотѣли бы приблизить момент его осуществленія и закончить все не позже 12 декабря; но, оказывается, у великаго князя Дмитрія Павловича всѣ вечера вплоть до 16 декабря разобраны, а на вечер, который, по словам Юсупова, был болѣе всего подходящим для выполненія нашего плана, у Дмитрія Павловича была назначена какая-то пирушка с офицерами-однополчанами и ни отмѣнить ее, ни перенести на другой срок великій князь не мог, так как, оказывается, сам назначил день этого собранія, и какая-либо перемѣна его могла бы вызвать толки.

Из слов Юсупова я понял, что Распутин проявляет чрезвычайное нетерпѣніе скорѣе по-

знакомиться с интересующей его дамой, и сам напоминает и торопит его по телефону не откладывать дѣла в долгій ящик.

Юсупов был на днях у Распутина и сообщил ему, что заранѣе увѣдомит о днѣ свиданія, но что сейчас еще в точности опредѣлить этот день не может, ибо графиня, интересующая Григорія Ефимовича, еще не пріѣхала и проѣдет в Царское Село через Петроград не раньше средних чисел декабря.

„Я заѣзжал к Распутину, — заявил нам Юсупов, — главным образом для того, чтобы уяснить себѣ вопрос: оповѣщает-ли вообще Распутин, выѣзжая в свои ночныя похожденія, шпиков о мѣстѣ своего пребыванія по ночам, и в частности, намѣрен-ли он увѣдомить их о том, что будет у меня".

„К сожалѣнію, — добавил князь, — этот вопрос остается для меня и по-сейчас открытым, ибо ни сам Распутин, ни его любимая секретарша, фрейлина Головина, почти круглыя сутки проводящая у него в квартирѣ, опредѣленнаго отвѣта мнѣ не дали".

„Как он к вам относится, Феликс? — спросил Юсупова великій князь, — вы пользуетесь его довѣріем?"

Юсупов разсмѣялся: „О, вполнѣ! Я внѣ подозрѣнія. Я ему очень нравлюсь. Он сѣтует, что я не занимаю административнаго поста и обѣщает сдѣлать из меня большого государственнаго человѣка".

„Ну и вы?" . . . многозначительно взглянув на Юсупова и затягиваясь папиросой, кинул ему великій князь.

„Я? — потупившись, опустив рѣсницы и приняв иронически-томный вид, отвѣтил Юсупов, — я скромно заявил ему, что чувствую себя слишком малым, неопытным и неподготовленным для службы на административном поприщѣ, но что я до нельзя польщен столь лестным обо мнѣ мнѣніем извѣстнаго своею проницательностью Григорія Ефимовича".

Фотографическій портрет Императора Николая II с собственноручной надписью, который В. Пуришкевич свято хранил при себѣ до самой смерти.

Импер. Николай Александрович род. 6 мая 1868 года в Царском Селѣ и злодѣйски-мученически убіенный в 1918 году в Екатеринбургѣ, гдѣ до этого царская семья, с нѣсколькими вѣрными слугами содержалась большевиками в домѣ купца Юпатова. Там она терпѣла дурное обращеніе и прошла через настоящую нравственную пытку.

В ночь с 16 на 17 іюля (нов. стиль) 1918 г. всѣ эти несчастные в числѣ 11 человѣк — были отведены в подвальное помѣщеніе и перебиты из револьверов, трупы были увезены в лѣс и сожжены, при чем предварительно головы членов царской фамиліи были отдѣлены от туловищ и заспиртованы и отправлены в цинковом ящикѣ в Москву.

Разстрѣлом руководил парикмахер Юровскій, полномочный комиссар сов. правительства.

На слѣдующій день погибли всѣ члены царской фамиліи, которые находились в заточеніи в окрестностях Перми. Брат Государев Михаил Александрович исчез уже раньше.

Нѣсколько других членов дома Романовых раздѣлили трагическую участь Государя шесть мѣсяцев спустя в Петроградѣ.

Мы всѣ разсмѣялись.

— C'est ravissant, mais c'est vraiment ravissant, *) — нѣсколько раз воскликнул великій князь.

Перед самым концом нашего совѣщанія нами было рѣшено, в цѣлях отвести подозрѣніе шпиков, если таковые будут увѣдомлены Распутиным о мѣстѣ его пребыванія в вечер посѣщенія им юсуповскаго дворца, еще сдѣлать слѣдующее: Распутин, как извѣстно, постоянно кутит по ночам в Вилла Родэ с женщинами легкаго поведенія; в этом учрежденіи он считается завсегдатаем, своим человѣком и хорошо извѣстен всей прислугѣ, посему нами было рѣшено, чтобы в момент, когда великій князь с поручиком С. отправятся послѣ смерти Распутина на вокзал в мой поѣзд сжигать там одежду убитаго, поручик С. из телефонной будки Варшавскаго вокзала позвонил в Вилла Родэ, вызвал завѣдывающаго этим учрежденіем и спросил: прибыл ли уже Григорій Ефимович? Здѣсь ли он? И в каком кабинетѣ?

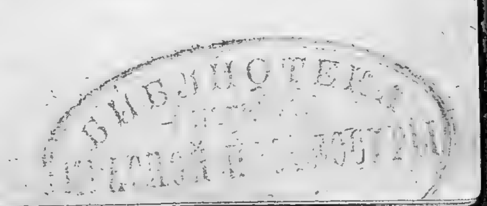
Дождавшись отвѣта, — само собой разумѣется должен был послѣдовать отрицательный,—С. кладет трубку, но предварительно, как бы про себя, у трубки и так, чтобы его слышал завѣдывающій Вилла Родэ, произносит: „Ага! Так его еще нѣт, ну, значит, сейчас пріѣдет!"

Продѣлать это мы признали необходимым на случай, если бы нити исчезновенія Распутина привели бы сыск ко дворцу Юсупова.

У нас был готовый отвѣт: да, Распутин был здѣсь, провел с нами часть вечера, а затѣм заявил, что ѣдет в Вилла Родэ.

Естественно, что судебныя власти обратились бы к администраціи Вилла Родэ с вопросом: был ли здѣсь Распутин, и сразу выяснилось бы, что его здѣсь ожидали, что о нем освѣдомлялись, что спрашивали, когда он пріѣдет, и если Распутин не пріѣхал, а исчез, то это вина не наша, а самого Григорія Ефимовича, который, очевидно,

*) Это восхитительно.

БИБЛІОТЕКА

избрал себѣ сотоварищем для кутежа человѣка, ни нам, ни полиціи, неизвѣстнаго.

Расходясь, мы рѣшили назначить выполненіе нашего плана в ночь с 16 на 17 декабря и, во избѣжаніе могущих возникнуть подозрѣній, собраться еще лишь один раз опять у Юсупова 13 или 14-го декабря, сговорившись между собою по телефону словами: „Ваня пріѣхал".

4 декабря.

Сегодня утром получил записку от редактора „Историческаго Вѣстника", милѣйшаго Б. Б. Глинскаго, с просьбой непремѣнно прибыть на засѣданіе Об-ва „Русской Государственной Карты", коего я состою предсѣдателем, а он товарищем предсѣдателя.

Засѣданіе состоится завтра, в $8^1/_2$ час., в экономическом клубѣ на Самсоніевской. Я отвѣтил Глинскому, что непремѣнно буду.

Невольно, при чтеніи записки Глинскаго, припомнилась мнѣ исторія возникновенія этого Об-ва, мною созданнаго при обстановкѣ, в высшей степени трудной.

Бог мой! С какими муками рождаются в Россіи чистыя, хорошія, національныя, патріотическія учрежденія. Попробуй начать что-либо кадеты, русская власть, из боязни прослыть ретроградом, дает жизнь самым нелѣпым, самым анти-государственным учрежденіям и организаціям, а постучись к этой же власти правый, котораго вообще труднѣе раскачать к дѣятельности, чѣм лѣваго, и, кромѣ препон, препятствій и палок в колеса, такой правый ничего другого у правительства не найдет. Стоит вдуматься в то, что продѣлывают с народом, перевоспитывая его на свой лад хотя бы „лигой образованія", ея учебниками, ея учителями, кадеты, эта вреднѣйшая партія в Россіи, этот вѣчно тлѣющій очаг русской революціи. И что же? Борется ли с этим правительство? Ничего подобнаго! А если и борется, то только мертвыми циркулярами мини-

стерства просвѣщенія; живой воды от него не жди, а между тѣм в характерѣ народнаго образованія в государствѣ таятся зерна как его расцвѣта, так и его гибели; зато с каким остервенѣніем взялась русская правящая власть кромсать и калѣчить устав созданнаго мною Филаретовскаго об-ва народнаго образованія, цѣлью коего я намѣтил активную борьбу дѣлом, а не словом с растлѣвателями лиги образованія, для которых образованіе народа не есть цѣль, а лишь средство к достиженію преступной цѣли — революціонализаціи народных масс. И так всегда, всюду и во всем. Чего стоило мнѣ проведеніе устава Об-ва „Русской Государственной Карты" послѣ побѣдоносной войны.

Казалось бы, что может быть болѣе патріотичнаго, болѣе отвѣчающаго моменту! Ан, нѣт! Мѣсяцы проходили в канцелярской волокитѣ, и правительственное veto[1]) Дамокловым мечом повисло над моим проектом, а между тѣм вся Германія покрыта сѣтью об-в подобных тому, которое я задумал, хотя там они неизмѣримо менѣе необходимы, чѣм у нас в Россіи, ибо германское правительство и, в частности, министерство иностранных дѣл в Германіи, національны, а наши правители и зевсы, возсѣдающіе на Мойкѣ со времени Нессельроде, за рѣдкими исключеніями, давно забыли о том, какой они національности и чьи интересы представляют, заботясь лишь о красотѣ стиля, à-la Горчаков, своих нот и дипломатических бумаг, художественно выполняемых на французском языкѣ не без перцу билибинскаго остроумія.

Россія и русскіе интересы у них на заднем планѣ, и любой англичанин или нѣмец, а сейчас уже и японец, подкурив русскому дипломату, как слѣдует, могут обвести его вокруг своего пальца и заставить поступиться насущнѣйшими интересами и потребностями Россіи в любой момент.

Как сейчас, помню мой визит к Штюрмеру

[1]) Запрет.

на острова лѣтом (он жил в Елагином дворцѣ по должности премьер-министра) в один из моих пріѣздов в Петроград с фронта.

Штюрмер принял меня дружески, но скривил невѣроятную рожу, когда я ему об'яснил, с нужною осторожностью, чтобы не задѣть нашего министерства иностранных дѣл, цѣль и задачи проектируемаго мною об-ва.

„Германія,—заявил я Штюрмеру,—покрыта сѣтью аналогичных учрежденій; задача каждаго из них нарисовать народу карту будущих границ Германіи с сѣвера, юга, востока и запада, в случаѣ побѣдоноснаго окончанія ею войны".

„Общество, которое я создаю, и в которое войдут писатели, ученые, публицисты, профессора всѣх партій и направленій, будет также имѣть цѣлью нарисовать русскому народу будущую карту Россіи и обосновать исторически, географически и этнографически ея возможныя границы, дабы в момент заключенія нами мира русскій народ понимал бы, чего он имѣет право требовать, а русская дипломатія могла бы в своих притязаніях на ту или другую территорію опираться на волю русскаго народа, принесшаго столь большія жертвы отечеству в годину брани и имѣющаго, в силу этого, нравственное право быть сознательным вдохновителем русской дипломатіи, которая, опираясь на волю народную, может говорить тверже на мирном конгрессѣ, увѣреннѣе и с тою властностью, которая должна быть присуща представителям Россіи".

Штюрмер слушал меня, и когда я кончил, заявил: „конечно, В. М., это об-во не может принести вреда, хотя явится, как бы, органом контроля в момент мирных переговоров наших над дипломатическим вѣдомством, мною возглавляемым, но и существенной пользы от таковового общества я не вижу." „Дѣло в том,—добавил он мнѣ многозначительно,—что я, как министр иностранных дѣл, вызвал уже к себѣ профессора Дмитрія Ивановича Иловайскаго и просил его набросать мнѣ схему наших территоріальных пріобрѣтеній

**† Его Импер. Высочество, принц
Александр Петрович Ольденбургскій,**

член Госуд. Совѣта, ген. от инфантеріи и ген. ад'ютант. Род 21 мая 1844 г.; при рожденіи зачисл. прапорщиком в лейб-гвард. Преображенскій полк.

С 1870 г. командует этим полком; в 1876 г. получает первую бригаду той же дивизіи, с которой совершает кампанію 1876—78 г., участвуя в рядѣ сраженій — в отрядѣ Гурко. С 1885—1889 г. состоит командиром гвардейскаго корпуса.

Извѣстен, как организатор и покровитель цѣлаго ряда благотворительных и научно-просвѣтительных учрежденій.

Импер. институт экспериментальной медицины обязан своим существованіем иниціативѣ и щедрым пожертвованіям принца.

Сгорѣвшій в Петроградѣ при большевиках Народный дом имени императора Николая II был его дѣтищем.

В період великой войны был Высочайше назначен Верховным Начальником Военно-Санитарной и Эвакуаціонной части. Первый насадитель курортнаго дѣла на черноморско-кавказском побережьѣ.

на Западѣ, дабы явиться во всеоружіи в дни мирных переговоров".

Как ни серьезен был предмет нашего разговора, но при упоминаніи имени Д. И. Иловайскаго, которому Штюрмер уготовил мѣсто нимфы Эгеріи при своей особѣ по иностранным дѣлам, я не мог не улыбнуться. И в самом дѣлѣ, можно ли себѣ представить роль, болѣе жалкую роли русскаго уполномоченнаго на будущем мирном конгрессѣ, натасканнаго 80-лѣтним Д. И. Иловайским, почти впавшим уже в дѣтство от преклонных лѣт и, естественно, совершенно неспособным оріентироваться в современной европейской конъюнктурѣ, и в той роли, которую должна занять Россія, как славянская держава, среди народов Европы по окончаніи міровой войны.

Мы разстались с Штюрмером холоднѣе, чѣм встрѣтились, и лишь нѣсколько мѣсяцев спустя, благодаря содѣйствію товарища моего по Думѣ и моего пріятеля, министра внутренних дѣл А. Н. Хвостова, я добился утвержденія устава моего Об-ва „Государственной Карты", которое и оказалось в высшей степени жизненным, заинтересовав собою виднѣйших представителей нашей общественной и политической мысли всѣх направленій.

Вот что припомнилось мнѣ при чтеніи приглашенія Глинскаго пріѣхать завтра на засѣданіе общества . . .

Весь день ѣздил по дѣлам снабженія моего поѣзда, который должен прибыть в Румынію в блестящем видѣ, ибо, говорят, наша армія там нуждается рѣшительно во всем.

Достал: сапоги для солдат, благодаря содѣйствію принца Ольденбургскаго; цѣннѣйшіе медикаменты, которые передали мнѣ американцы; массу бѣлья, раздобытаго графиней Мусин-Пушкиной, и, наконец, пріобрѣл еще для вагона-библіотеки цѣлую серію русских и иностранных классиков и библіотеки для солдат, которыя раздам по полкам нашим воинам на чужбинѣ.

Возвратился домой поздно невѣроятно уставшим, но безконечно счастливым удачей всѣх моих в этой области начинаній.

Вечером, по обыкновенію, читал оды Горація в подлинникѣ, в коих каждый раз нахожу все новыя и новыя красоты. Он положительно никогда, мнѣ кажется, неспособен прискучить.

Что за прелесть, напримѣр, ода:

Odi profanum vulgus[1]) или, O navis referent in mare te novi fluctus.[2]).

Какая жалость, что латинскій язык, этот язык богов, в таком загонѣ в нашей средней школѣ!

5 декабря.

Утром заѣхал, как всегда, в Государственную Думу получить почту, ибо, если просрочить два-три дня, то набирается столько писем со всей Россіи, что не успѣваешь в них толком разобраться, и подчас дѣльное пробѣгаешь не с должным вниманіем.

Разговорился с членом Государственной Думы графом Капнистом, шедшим на засѣданіе какой-то думской комиссіи.

По обыкновенію, вопрос коснулся того, что составляет сейчас ужас Россіи — политики Протопопова.

— Нѣт, граф, — замѣтил я, — я все-таки удивляюсь не тому, что Протопопову предложен был пост министра внутренних дѣл, а тому, что он его принял, вѣдь как никак он кажется человѣк с мозгами и должен же понять, что не ему с его административным опытом вести в такое время управленіе русскаго государственнаго корабля.

— Вы плохо его знаете, — замѣтил с живостью Капнист. — Во-первых, он крайне самонадѣян, а во-вторых, честолюбив. Представьте,

[1]) Ненавижу невѣжественный народ.

[2]) О, корабль, новыя волны несут тебя в море.

что он мнѣ сказал на днях в отвѣт на мой ему попрек, что он не у мѣста.

„Да, — говорит, — тебѣ хорошо говорить, ты граф, ты Капнист, ты богат, у тебя деньги куры не клюют, тебѣ нечего искать и не к чему стремиться; а я в юности давал уроки по полтиннику за час, и для меня пост министра внутренних дѣл — то положеніе, в котором ты не нуждаешься."

— А, — добавил Капнист, — как вам нравится такая идеологія?

Я пожал плечами: „Пошляк! считающій, повидимому, что министерскіе посты должны быть удѣлом пробивающих себѣ дорогу, внѣ зависимости от их талантов, и что они должны являться компенсаціей нѣкогда судьбою обойденным."

Днем заѣзжал на Мойку в склад бѣлья императрицы, находящійся в вѣдѣніи жены военнаго министра Сухомлиновой. Дѣло в том, что в головных отрядах моих на фронтѣ устраиваются бани для солдат, и поэтому сколько бѣлья ни возьми из Петрограда, все это оказывается мало.

Я не выношу Сухомлинову, эту, по моему, международную авантюристку типа Маріи Тарновской; но дѣло прежде всего и, как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Полгода тому назад сестра моя, работавшая в складѣ императрицы в Зимнем дворцѣ и отказавшаяся от работы только послѣ того, как разговорным языком там стал почти исключительно нѣмецкій, посовѣтовала мнѣ обратиться к завѣдывающей складом княжнѣ Оболенской с просьбой дать мнѣ извѣстное количество бѣлья.

Я послѣдовал ея совѣту и, по указанію княжны Оболенской, послал телеграмму императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, в коей изложил мою просьбу, но, как и слѣдовало ожидать (я расчитывал, что дѣло обойдется без императрицы и ограничится простым распоряженіем Оболенской), Александра Федоровна, которая меня терпѣть не может, в просьбѣ моей отказала, о чем я и получил отвѣт через графа Ростовцева.

Отвѣт очень обидный, ибо в нем было сказано, что императрица своими курьерами посылает періодически бѣлье в армію.

Я мысленно назвал себя дураком за то, что обратился, хотя и не для себя, с просьбой к Александрѣ Федоровнѣ: курьеры, которые дѣйствительно развозят бѣлье по арміям, раздают его тыловым армейским учрежденіям, которыя по горло всѣм снабжены в ущерб босому и голому фронту, снабженіем исключительно коего я занимаюсь, разсылая и развозя медикаменты, бѣлье, сапоги, табак и книги по окопам.

У Сухомлиновой на Мойкѣ работает цѣлый муравейник дѣвиц и дам. Работа, видимо, спорится, но что скверно, так это то, что тут же, в качествѣ ад'ютантов, невѣдомо для каких порученій, примостилось NN-ое количество тыловых прапоров ускореннаго выпуска из богатых семейств всяких званій; все это ходит в защитных френчах, пороху никогда не нюхало и нюхать не будет.

По временам в этот склад в кургузой тужуркѣ петанлерчиком, чинно сходит военный министр Сухомлинов, находящійся, очевидно, — сужу по манерѣ обращенія с ним его жены, — в безконечном ей подчиненіи и рѣшительно на все смотрящій ея глазами.

Раздобыв бѣлья у Сухомлиновой, проѣхал к принцу Ольденбургскому по весьма важному вопросу: русская армія в послѣднее время на всѣх фронтах несла большія потери от нѣмецких удушливых газов; я выяснил на фронтѣ одну из причин этого ужаснаго явленія: она заключается в том, что почтенное интендантство наше періодически посылает в полки противогазовыя маски Зелинскаго в обрѣз, т.-е. по числу солдат в полку, не давая возможности полкам имѣть хотя бы самый минимальный излишек масок, в качествѣ запаса.

В результатѣ получается слѣдующее: полк в составѣ 4000 штыков получил сегодня, допустим, 4000 предохранительных масок, которыя

и поступили, как предмет обмундированія, ко всѣм рядовым. На завтра бой. Полк потерял на полѣ сраженія треть или четверть своего состава. Через недѣлю пришло пополненіе, снабдить его масками полк не может, а на просьбу о снабженіи полкового командира сверху, справившись по своим вѣдомостям, отвѣчают, не считаясь с боевою дѣятельностью полка за это время: „Ваш полк такого-то числа снабжен полностью противогазовыми масками и дать больше сейчас не можем иначе, как в ущерб другим частям". Сегодня пришла бумага, а завтра нѣмцы, выпустив ядовитые газы, истребляют пришедшее в полк пополненіе, не имѣющее масок.

Принц А. П. Ольденбургскій отнесся в высшей степени сочувственно к изложенному мною, обѣщал исхлопотать мнѣ для раздачи, гдѣ нужно, на фронтѣ 25.000 масок Зелинскаго и, независимо от того, указать интендантству, чтобы впредь в полки посылалось масок с расчетом на пополненіе каждаго полка.

Лишь в 7 часов я возвратился домой, пообѣдал и в 8½ час. входил на засѣданіе О-ва Русской Государственной Карты.

Глинскій хотѣл мнѣ, как предсѣдателю Общества, уступить предсѣдательство на засѣданіи, но я отказался. Как человѣк слишком опредѣленных политических взглядов, называемых крайними правыми, я не люблю отпугивать своею особою от создаваемых мною учрежденій людей умных, полезных, но недостаточно политически мужественных, и посему, выполняя всю черную работу в том дѣлѣ, которое я создаю, я первое мѣсто и казовую роль всегда предоставляю людям, которые хотят и могут работать, но политическая окраска коих не столь опредѣленна и ярка, как моя; и чуждый мелкаго честолюбія, я вижу, как дѣло, мною созданное, двигается, не отпугивая, а притягивая к себѣ других полезных и нужных людей.

Сегодня, в виду соединеннаго собранія секцій Общества по персидской, турецкой, австрій-

ской и германской границам, собралось очень много народу. Я застал А. А. Башмакова, Д. И. Вергуна, профессора Ф. И. Успенскаго, профессора Жилина, А. Ф. Васильева и много незнакомых мнѣ лиц статских и военных в генеральских погонах, фамиліи коих я так и не узнал. Дѣло в том, что предсѣдателями секцій кооптируются в каждую нужные люди, активные работники и знатоки вопроса, и упомнить всѣх представляется затруднительным.

Засѣданіе затянулось. Было крайне интересно, но чего я не люблю, так это привычек нѣкоторых из наших знатоков произносить длинныя рѣчи по вопросам, ясным для всѣх присутствующих, с исключительною цѣлью блеснуть своею освѣдомленностью.

Удивительно создан русскій человѣк, средній русскій человѣк, дѣлающій исторію Россіи; он никогда не может добиться положительных, реальных результатов, предпринимая что-либо, ибо всего ему мало, и он вѣчно вдается в крайности. В Россіи нѣт лучшаго способа провалить какое-нибудь дѣло, прочно и хорошо поставленное и твердо обоснованное, как предложить нѣчто большее тому, что намѣчено к осуществленію. Толпа, и даже не простая, а интеллигентная толпа, непремѣнно ухватится за „благодѣтеля“, внесшаго свой корректив в разумное, осуществимое, но в сравнительно скромное предложеніе, и все пойдет к чорту.

Вот уже дѣйствительно le mieux [1]) у нас в Россіи est l'ennemi du mal [2]). И Гракхи с первых же шагов были бы забросаны у нас каменьями. Стоило послушать только, что говорил сегодня на засѣданіи извѣстный славянофил, дядька Черномор, как я его называю, длиннобородый А. Ф. Васильев, чтобы понять, до каких абсурдов можно довести дѣло, отдай мы его в руки ученым теоретикам славянофильскаго лагеря. Когда Ва-

---

[1]) Лучшее.

[2]) Есть враг худого.

сильев заговорил о будущих русских границах на западѣ и стал проводить нашу с Австріей в будущем пограничную межу, и я, и многіе из присутствующих буквально не могли удержаться от смѣха, хотя он каждое территоріальное пріобрѣтеніе наше старался так или иначе обосновать либо исторически, либо географически, либо этнографически.

— Афанасій Васильевич! — говорю я ему, — вѣдь вы рисуете прямо фантастическія границы; нужно дать такую карту, которая была бы пріятна русскому народу, но и пріемлема для Европы и признана нашими союзниками, а вѣдь на то, что вы рисуете, может пойти только сумасшедшій из них.

Он на меня воззрился: „Что нам, говорит, Европа, вѣдь и здѣсь живут славяне, вѣдь и это исконное наше", и тычет пальцем по картѣ.

Предсѣдателю послѣ часовой рѣчи Васильева с трудом удалось остановить фонтан его политическаго блудословія и фантастических славянских грез, послѣ чего засѣданіе опять вошло в русло продуманнаго обсужденія наших пограничных линій на востокѣ и западѣ по проекту карт, составленных спеціалистами из числа членов общества.

В 12 час. ночи, до окончанія засѣданія, я покинул его и возвратился домой.

7 декабря.

Начались засѣданія экстреннаго с'ѣзда Об'единеннаго дворянства.

Цѣль занятій: выработка и поднесеніе всеподданнѣйшаго адреса Государю, с указаніем на грозную опасность, которой подвергается и династія, и Россія, вслѣдствіе вліянія на всѣ органы государственнаго управленія безотвѣтственных темных сил, т. е., иначе говоря, Распутина и всей его придворной и чиновнобюрократической клики. Жить становится с каждым днем все болѣе и болѣе невыносимо.

Государь совершенно не видит или не хочет видѣть той пропасти, в которую толкает родину его злой генiй — Александра Федоровна.

Я вслушиваюсь в рѣчи дворян на собранiи, которое чрезвычайно многолюдно, ибо вернулся в лоно обратно об'единеннаго дворянства цѣлый ряд губернiй, отдѣлившихся было раньше, вслѣдствiе принципiальных разногласiй с совѣтом об'единеннаго дворянства по вопросам политическаго характера, и мнѣ становится понятным все болѣе и болѣе, что адрес дворянства будет проникнут и чувством глубокой вѣрноподданнѣйшей преданности и чувством достойной смѣлости, исключающей возможность звуков холопскаго раболѣпiя и попыток затушевать горькую дѣйствительность.

Рѣчи дворян на собранiи полны достоинства, проникнуты глубочайшею скорбью и забвенiем всяких личных интересов сословiя, считающаго своим нравственным долгом, в это тяжелое время, сказать царю правду без обиняков, ту правду, которую видит и знает весь русскiй народ, но которую от царя скрывают льстецы, лицемѣры и придворные холопы в расшитых золотом мундирах.

Предсѣдательствует на собранiи князь Куракин, умный, дѣльный и проникнутый глубоким патрiотизмом человѣк.

Диссонансов в рѣчах почти не слышится, стушевались обычные типы, столь примелькавшiеся на очередных засѣданiях об'единеннаго дворянства, почитающiе гвоздем его работы об'единительный дворянскiй обѣд у Контана или у Медвѣдя.

Не видно ни астраханскаго дворянина Сергѣева, ни болтуна дворянина Павлова: они исчезли, стушевались, им здѣсь сегодня не мѣсто, ибо дворянство не просит ничего для себя, не говорит о своих нуждах и сословных интересах, а, как первое сословiе Имперiи, идет к царю от имени его народа, с цѣлью оберечь самого царя, как первую святыню русской государственности.

Великій Князь Александр Михаилович,

четвертый сын Вел. Князя Михаила Николаевича, б. предсѣдателя Государственн. Совѣта, — внук Императора Николая I.

Во время великой войны был назначен Верховным Начальником Авіаціи, имѣл главную квартиру в Кіевѣ, гдѣ его и захватила революція. Означенная фотографія запечатлѣла момент, когда князь по приказу Керенскаго был вынужден оставить свой пост.

Справа от него ген. Фогель, и с другой стороны ген. Барсов.

На дочери вел. князя, красавицѣ Иринѣ Александровнѣ женат князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон.

Вел. князь в настоящее время проживает в Англіи, отошел от политики и отдался всецѣло оккультизму.

Я рѣдко видал большее единодушіе, чѣм наблюдаемое мною на знаменательном, историческом сегодняшнем с'ѣздѣ.

Граф А. А. Бобринскій, этот осторожный политик, тонкій, умный и честный придворный человѣк, и проницательный В. И. Гурко говорят одинаковым языком со скромным дворянином из далекаго медвѣжьяго угла Россіи, пріѣхавшим с накопившимся чувством душевной боли и горечи.

Да, дворянство не умерло, как ни хоронят его перья газетных писак кадетскаго лагеря, и не может быть того, чтобы царь не внял голосу своих слуг, с риском для себя идущих к нему с горькими словами неприкрашенной вѣрноподданнической правды.

Рѣдкіе голоса протеста общему настроенію вызывают гадливое чувство к говорящим, которые, очевидно, и в данное время хотят что-либо заполучить для себя, подыгрываясь к тѣм темным силам, против которых ополчается дворянство, в полном единеніи со всѣм русским народом.

Рѣчь сенатора Охотникова, выступившаго в такой роли порицателя дворянских настроеній, встрѣчена была глубоким молчаніем собранія, собранія, раскусившаго, что в Охотниковѣ говорит холоп, а не вѣрноподданный честный царскій слуга.

Я слушал его, когда он говорил, и зная этого „финансиста" по акцизу и многія темныя стороны его дѣятельности в прошлом, с омерзѣніем вглядывался в эту бритую физіономію, поучавшую дворянство понятіям долга, чести и вѣрноподданнѣйшей преданности.

Превосходно говорил В. Гурко, не без ноты, но дѣльно гр. Олсуфьев и гр. Мусин-Пушкин.

Во время перерыва я записался, намѣреваясь также коснуться нѣкоторых положеній проекта адреса, составленнаго спеціальной комиссіей из членов совѣта об'единеннаго дворянства и представителей губерній.

В концѣ рѣчи своей я хотѣл переименовать лиц, которыя могли бы с честью в данное время занять отвѣтственные министерскіе посты; но В. Гурко, которому я сообщил о своем намѣреніи, испуганно схватил меня за рукав и стал просить, Боже упаси, этого не дѣлать: „Вѣдь вы знаете, результаты получатся как раз обратные: Государь подумает, что мы его хотим учить, и перечисленныя вами лица, вмѣсто того, чтобы стать у власти, сразу попадут в разряд политических мертвецов с похоронами по первому разряду. Вы знаете, царь терпѣть не может указаній; ради Бога, в интересах дѣла, откажитесь от своего намѣренія“.

Я согласился с ним и, подойдя к предсѣдательскому столу, вычеркнул свою фамилію из списка ораторов.

Послѣ незначительных преній, послѣ перерыва, проект всеподданнѣйшаго адреса, прочтенный князем Куракиным под гром аплодисментов, не смолкавших, по крайней мѣрѣ, пять минут в залѣ, был с самыми небольшими измѣненіями принят всѣм собраніем, голосовавшим по губерніям, и дворяне стали расходиться молча с сознаніем честно исполненнаго большого патріотическаго долга.

Во время самого голосованія адреса вниманіе мое привлекла одна фигура, нравственная физіономія коей стала предо мною на этом собраніи во весь свой неприглядный рост. Это фигура новооскольскаго, Курской губерніи, предводителя дворянства, блестящаго современнаго поэта-памфлетиста Мятлева.

Кто из проживающих в Петроградѣ, посѣщающих великосвѣтскіе салоны и гостиныя, не списывал порою там для себя того или другого моднаго стихотворенія Мятлева, затрогивавшаго всегда очень зло и остроумно русскія общественныя и политическія болячки и не щадившаго в своих стихотвореніях даже царя.

„Как... вы не читали послѣдняго стихотворенія Мятлева?!.“ — удивленно спрашивают вас

обыкновенно X, У, Z, и немедленно кто-либо из присутствующих в салонѣ вынимает из записной книжки клочек бумаги с послѣдним из произведеній поэта, преимущественно памфлетическаго характера.

„Вот,—говорят вам,—спишите для себя“, и вы тут же списываете стихотвореніе, которое ходит по рукам анонимкой и облетает не только весь Петроград в кратчайшій срок, но весьма быстро и всю Россію.

Рѣзко и зло бичует сатира Мятлева все то, что считает достойным своего вниманія, выставляя порою в крайне смѣшном видѣ и не щадя самого Императора.

Послѣднее обстоятельство всегда меня до нельзя раздражало, ибо, по моему крайнему разумѣнію, царь не может фигурировать в сатирических произведеніях, как бы талантливы онѣ ни были, ибо это затрогивает престиж того, кто в глазах народа должен стоять на высоком пьедесталѣ, и чье имя не может трепаться в балаганѣ. Так думал я раньше, так думаю и сейчас.

„Дерзкій и наглый человѣк“, думал я о Мятлевѣ в то время, как окружающіе меня при чтеніи его произведеній произносили: „Как ловко пишет“, или—„отдѣлал, бестія, ну и смѣльчак!“ И вот сегодня, на дворянском с'ѣздѣ, я увидѣл, что из себя, в нравственном смыслѣ, представляет этот „смѣльчак“, поэт Мятлев: явившись на с'ѣзд в роли курскаго губернскаго предводителя, в виду отсутствія милѣйшаго князя Л. И. Дундукова-Из'единова, Мятлев, почувствовав, что принятіе адреса Курскою губерніей дѣлает его болѣе всего отвѣтственным за голосованіе вслѣдствіе занятаго им случайно положенія, стал прилагать всѣ усилія к тому, чтобы курское дворянство высказалось против принятія адреса, отредактированнаго спеціальной комиссіей дворянскаго с'ѣзда, ибо по мнѣнію его, Мятлева, дворянство таким языком царю говорить не может.

Я положительно ушам своим не вѣрил, видя его мятущимся среди своих дворян и упрашива-

ющим их не присоединяться к другим губерніям, единодушно высказавшимся за адрес.

„Так вот ты кто!—с гадливым чувством повторял себѣ я,—из-за угла, анонимно в памфлетах высмѣивать царя и трепать его имя ты считаешь возможным, а здѣсь возвысить свой голос со всѣм дворянством открыто, честно и прямо — не по тебѣ. Холоп,—думал я,—дрожащій за свои камергерскіе штаны и боящійся утерять свой камергерскій ключ, и когда? в такое время!..“

9 декабря.

В городѣ передаются самые фантастическіе слухи о перемѣнах на высших правительственных постах. Сегодня пріѣзжал в Думу, гдѣ по рукам уже ходит телеграмма, посланная, как говорят, Распутиным императрицѣ Александрѣ Федоровнѣ, пребывающей в ставкѣ; апокриф-ли эта телеграмма, или дѣйствительно существует такая, но из уст в уста передается ея текст: „пока Дума думает да гадает, у Бога все готово: первым будет Иван, вторым назначим Степана“. Об'ясняют это так: Щегловитов намѣчается Распутиным на пост премьера, и Белецкій министром внутренних дѣл. Так ли это или нѣт, увидим в ближайшем будущем. Все может быть, ибо каждый день приносит нам все новые и новые сюрпризы.

Александра Федоровна распоряжается Россіей, как своим будуаром, но назначаемые на министерскіе посты, благодаря ей и Распутину, люди чувствуют себя настолько непрочно, что даже не переѣзжают на казенныя квартиры, а остаются на своих частных.

Наше время напоминает страницы царствованія Павла Петровича: никто не может быть увѣрен в завтрашнем днѣ, и люди, взысканные милостью сегодня, завтра могут очутиться на улицѣ.

† Н. А. Хвостов.

Орловскій помѣщик, сын сенатора, род. 1871 г. Службу начал по судебному вѣдомству, был вице-губернатором в Вологдѣ и губернатором в Нижнем-Новгородѣ, гдѣ высказал себя крайним реакціонером и антисемитом.

Управленіе его отличалось полным произволом, за что был Столыпиным в 1910 г. уволен.

В 1912 г. избран от Орловской губерніи в Госуд. Думу и примкнул в крайней правой фракціи; в качествѣ ея лидера поддерживал весьма строгую партійную дисциплину.

В 1915 г. назначен Министром Внутр. дѣл, обладая недюжинным умом и волей, а болѣе того отличаясь хитростью и полной неразборчивостью в средствах, первое время имѣл большое вліяніе при Дворѣ, но не сойдясь с Распутиным, задумал его убить, или по крайней мѣрѣ, изолировать его от Двора и на этой почвѣ столкнулся с своим товарищем С. Бѣлецким, ставленником Распутина, был уволен и лишился всякого вліянія.

В первый же день революціи по приказу Керенскаго был арестован и заключен в „Кресты", в іюнѣ 1918 г. переведен в Москву и разстрѣлян большевиками совмѣстно с своим политическим соперником сенатором Бѣлецким.

Я не в состояніи без боли видѣть все это и мысленно задаю себѣ вопрос: „Неужели Государь не в силах заточить в монастырь женщину, которая губит его и Россію, являясь злым геніем русскаго народа и династіи Романовых? Неужели Государь не видит, куда она толкает нас? Как дискредитирует она монархическій принцип и позорит самое себя, будучи, в чем я увѣрен, чистой в отношеніях своих к Распутину, который сумѣл околдовать ее лишь на религіозной почвѣ". А что говорят! „Царь с Егоріем, а царица с Григоріем", вот что собственными ушами я слышал вчера в группѣ молодых солдат, проѣзжая по Загородному, мимо казарм Семеновскаго полка. Каково это слышать нам, монархистам, а можно-ли наказать пошляка, балагура, говорящаго вслух о том, что молча с горечью наблюдают всѣ.

Боже мой! Чѣм бы я ни занимался, гдѣ бы я ни был, с кѣм бы я ни был, о чем бы я ни говорил, — червем точит меня мысль вездѣ и всюду: жив он—этот позор Россіи, каждый час можно ожидать какой-либо новой неожиданности, каждый день он марает все болѣе и болѣе царя и его семью. Уже грязная клевета черни касается, на этой почвѣ, чистых и непорочных великих княжен—царских дочерей, а этот гад, этот хлыст забирает что день, то больше и больше силы, назначая и смѣщая русских сановников и обдѣлывая через шарлатанов, в родѣ Симановича и князя Михаила Андронникова, свои грязныя денежныя дѣла.

Все то чистое и честное, что по временам дерзает возвысить свой голос у царскаго трона против него, подвергается немедленной немилости и опалѣ. Нѣт того административнаго поста, как бы высок он ни был, который гарантировал бы безопасность вельможѣ, дерзнувшему указать царю на недопустимость дальнѣйшаго вліянія Распутина на ход русской политики и государственных дѣл. Гдѣ честнѣйшій и благороднѣйшій А. Д. Самарин, занимавшій пост оберпрокурора Святѣйшаго Синода? Он уволен. Он

оказался не на мѣстѣ, ибо не мог мириться с ролью исполнителя распутинской воли; не мог терпѣть на епископских постах монахов в родѣ Варнавы, Мардарія и Путяты, и на мѣсто его посажен через Распутина какой-то директор женских курсов Раев, темная и совершенно неизвѣстная личность, а в помощники ему для вершенія дѣл церкви, тѣми же путями, прошел юродивый князь Жевахов, вся заслуга коего в том, что он успѣл понравиться Елизаветѣ Федоровнѣ своей брошюркой о святителѣ Іосафѣ Горденко, доводящемся Жевахову каким-то дальним родственником по отцовской или материнской линіи.

Гдѣ начальник дворцовой канцеляріи князь Владимір Орлов? Он высказался против Распутина и должен был немедленно покинуть двор.

Гдѣ генерал В. Ф. Джунковскій? Его постигла та-же участь, несмотря на тѣсную близость его к царю.

Гдѣ флейлины княжны Орбеліани и Тютчева, бывшая столько лѣт воспитательницей великих княжен?

Их нѣт при дворѣ, ибо онѣ дерзнули поднять свой голос против Распутина.

В силѣ лишь тот, кому покровительствует этот гад, и, само собою разумѣется, первое мѣсто поэтому при дворѣ занимают Мессалина Анна Вырубова и прощалыга-аферист дворцовый комендант Владимір Воейков.

Государь попал совершенно под вліяніе своей супруги; он считает вмѣшательством в свои семейныя дѣла всякое напоминаніе ему со стороны вѣрнѣйших и честнѣйших его слуг о тлетворной роли Распутина при дворѣ. Бог мой, как я понимал при чтеніи воспоминаній Бисмарка его ненависть к императрицѣ — женѣ Вильгельма.

Бывшій министром путей сообщенія Рухлов мнѣ как-то говорил, что, когда однажды он, во время своего доклада в Царском Селѣ царю, коснулся имени Распутина в связи с каким-то во-

просом, государь немедленно перестал его слушать, стал барабанить пальцами по столу и, обернувшись лицом к саду, начал напряженно смотрѣть в окно.

Рухлов тотчас же понял, что дальнѣйшій разговор в этом направленіи может для него плохо окончиться и, прервав доклад по поднятому вопросу, связанному с именем Распутина, перешел к другому.

Честность, порядочность, идейность, самоотверженность сейчас не ставятся ни в грош, и у власти могут находиться лишь тѣ, которые в лучшем случаѣ способны закрыть глаза на все продѣлываемое Распутиным и готовы безпрекословно исполнять приказанія его чудовищно-безграмотных записок, разсылаемых день за днем в огромном количествѣ по всѣм вѣдомствам и административным учрежденіям Петрограда, начиная от министров и кончая мелкими чиновниками.

Неисполненіе воли Распутина, излагаемой в ультимативном тонѣ, влечет за собою, в ближайшем будущем, месть хлыста строптивому чиновнику и назначеніе на его мѣсто другого, послушнаго, податливаго и неспособнаго сопротивляться его волѣ.

Императрица Александра Федоровна, глядящая на все, на всѣх и на вся глазами Распутина, дѣлит служащих во всѣх правительственных учрежденіях на двѣ группы: „наши“ и „не наши.“

Первая поощряется всѣми мѣрами, вторую исподволь сплавляют, замѣщая опростанныя мѣста „нашими.“

Принц А. П. Ольденбургскій разсказывал на днях, на что он напоролся в ставкѣ, куда ѣздил с докладом к государю: прибыв в Могилев, он пожелал быть принятым молодой императрицей, проживающей в дни пребыванія своего в Могилевѣ не во дворцѣ с Императором, а в своем поѣздѣ на вокзалѣ.

Принц не мог быть принят царицей, ибо она еще спала, несмотря на сравнительно поздній час.

Освѣдомившись о причинѣ того, почему императрица почивает и не больна-ли она, принц получил отвѣт, что ея величество здорова, но вчера до глубокой ночи занимались с А. С. Вырубовой государственными дѣлами. Заинтересовавшись, что именно сейчас безпокоит императрицу, старик-принц узнал, что Александра Федоровна с фрейлиной Вырубовой отмѣчали добрую половину ночи плюсами и минусами по адрес-календарю чинов Петроградскаго бюрократическаго міра, раздѣляли их на своих сторонников и на противников.

Честный и благородный принц долго не мог прійти в себя от изумленія и горечи, удостовѣрившись, что сообщенное ему было неоспоримым фактом.

Что ждет нас завтра? Вот вопрос, который в правѣ поднять всякій мало-мальски вдумывающійся в причины той политической арбакадабры, которая царит сейчас в Россіи. Я лично впереди просвѣта не вижу никакого, ибо воля Государя скована, а при этом условіи не может быть никакой устойчивости в политическом курсѣ, и это ярко и выпукло понял я из одного факта, сравнительно мелкаго, но в высшей степени характернаго.

3-го ноября, во время доклада моего Государю в Могилевѣ о всем том, чего я свидѣтелем был на румынском фронтѣ, в районѣ Рени, Браилова, Галаца, характеризуя обстановку, я остановился на дѣятельности адмирала М. М. Веселкина, в теченіе почти двух лѣт войны занимавшаго крупный военно-административный пост в этом районѣ, ставшаго большим знатоком создавшейся здѣсь у нас военной обстановки и проявившаго недюжинный административный талант и кипучую энергію по снабженію наших войск всѣм необходимым, что было крайне цѣнно, т. к. румыны, вступив с нами в союз, перед самым об'явленіем войны центральным державам, рѣшив, что мы их снабдим нужным, продали с большим для себя барышом рѣшительно все, что

имѣли как в смыслѣ продовольствія, так и в смыслѣ военнаго снаряженія . . . Австріи, расчитывая, что от нас получат необходимое; в результатѣ этой их финансовой операціи у них в Румыніи стало хоть шаром покати, и русскіе арміи оказались в безвыходном положеніи, которое усугублялось вспыхнувшей, вдоль устья Дуная, холерой и ужасающим состояніем одноколейнаго, поляковской постройки, желѣзнодорожнаго пути по русской территоріи, совершенно неприспособленнаго к выполненію задач военнаго времени и не удовлетворявшаго самым минимальным запросам продовольственнаго, военнаго, санитарнаго и перевязочнаго характера наших армій, которыя нуждались, живя в полуодѣтом, полуобутом и полуголодном состояніи.

Веселкин работал здѣсь, не покладая рук и днем и ночью, вникая рѣшительно во все, чуждый буквоѣдства, формализма и канцелярщины; и не один десяток тысяч русских солдат, пріѣзжавших сюда в изможденном от голода видѣ, был обязан ему духовной и физической поддержкой.

Невѣроятный ругатель и сквернослов, как большинство русских моряков, но человѣк безконечно доброй души и отзывчивый, Веселкин принимал героическія мѣры к снабженію наших армій всѣм необходимым, а необходима была даже телефонная проволка для связи наших штабов, ибо подлецы-румыны даже всю свою проволоку запродали наканунѣ вступленія с нами в союз своим будущим противникам.

Веселкин говорил мнѣ в бытность мою в Рени, что собирается в Могилев к Государю с цѣлью доложить ему о безобразіях всего здѣсь происходящаго, вслѣдствіе отсутствія нужных мостов через Дунай и неприспособленности желѣзнодорожнаго пути, каковой может быть приведен в должный вид в кратчайшій срок, если наши тыловые инженеры-юпитеры за это горячо примутся.

„Без этих мѣр, — добавил мнѣ Веселкин, — нам на этом фронтѣ успѣха не добиться никогда.“

Государь Императоръ, бывшій в Рени задолго до моего пребыванія здѣсь и видѣвшій работу Веселкина, котораго очень любил, оцѣнил ее, что видно из слов его частной телеграммы императрицѣ, о каковой телеграммѣ мнѣ передавали в Рени мѣстныя почтово-телеграфныя власти.

Государь телеграфировал Александрѣ Федоровнѣ так: „Видѣл Мишу Веселкина, он оказывает неоцѣнимыя услуги мѣстному краю" и т. д., и т. д. Большая телеграмма Государя царицѣ, посланная из Рени, была частнаго характера и была подписана „Ники" или „Никс."

И вот в день доклада моего Государю 3-го ноября, когда я описывал обстановку этого фронта и коснулся благотворной дѣятельности Веселкина, Государь до нельзя оживился, был чрезвычайно доволен моею его характеристикой и, перебивая мой доклад, сказал:

„Да, да, я давно знаю Веселкина, это прекрасный, дѣльный администратор, на своем мѣстѣ, в особенности при данной боевой обстановкѣ, я очень его цѣню и крайне им дорожу. Мнѣ пріятен ваш отзыв о нем."

Это было 3-го ноября в Могилевѣ, а 7-го того же ноября произошло слѣдующее в Петроградѣ: в 11 час. утра я входил в Государственную Думу, направляясь в бюджетную комиссію, гдѣ происходило засѣданіе.

На пути, в Екатерининском залѣ, навстрѣчу мнѣ идет морской министр И. К. Григорович, мы здороваемся, и с первых же слов послѣдній спрашивает:

„В. М., вы давно с фронта и откуда?"

Едва я успѣл открыть рот и сказать „сегодня, с Румынскаго", как Григорович, перебивая меня, хватает сочувственно за плечо и с горечью восклицает:

„Да? А бѣдный-то наш М. М. Веселкин!"

„Что такое?"— спрашиваю.

„Уволен",— уныло говорит мнѣ Григорович.

„Не может быть! Зачѣм же вы это сдѣлали?— восклицаю я, — когда он там так полезен,

так необходим, и Государь, знающій о его работѣ, самаго лестнаго о нем мнѣнія".

Григорович горько усмѣхнулся.

„В том-то и дѣло, что уволил его не я, и что морское министерство узнало об этом послѣдним, а уволен он прямо со ставки вчера невѣдомо, по каким проискам и за что и на мѣсто его уже назначен адмирал Ненюков".

„Послушайте, — говорю, — Иван Константинович, вы мнѣ разсказываете что-то, поистинѣ, несуразное: вѣдь Государь еще 3-го ноября мнѣ его хвалил".

„Да, — замѣтил с удареніем Григорович, — но вѣдь это было 3-го, а сегодня у нас 7-е, и вы знаете лучше, чѣм кто-либо другой, что у нас в Россіи сейчас оцѣнка личности, в особенности стоящей на административном посту, совершается не по дѣятельности администратора, а происходит от настроеній в „сферах".

Я вздохнул, пожал плечами, и мы разстались.

Можно-ли надѣяться на какой-либо „курс" в Россіи, при наличности явленій, подобных этому?

10 декабря.

Слыхал сегодня, что главноуполномоченный Краснаго Креста при ставкѣ Государя Кауфман-Туркестанскій уволен со своего мѣста. Увольненіе произошло, говорят, на почвѣ распутинских интриг, ибо императрица Александра Федоровна крайне возмутилась тѣм, что Кауфман не только сочувственно отозвался Государю о моей рѣчи 19-го ноября, но и привез стенограмму ея для прочтенія Его Величеству.

11 декабря.

Сегодня заѣзжал в Думу с цѣлью просить членов Думы осмотрѣть мой санитарный поѣзд перед отправленіем его на Румынскій фронт.

Меня неоднократно просили многіе из сотоварищей, наслышавшись, как они говорили, хорошаго о моих отрядах на фронтѣ, ознакомить их с постановкой у меня дѣла.

Я пригласил членов Думы пожаловать на Варшавскій вокзал в 9 час. утра 17 декабря, когда я вечером собираюсь выѣхать на фронт.

Выбрал я этот день нарочно, ибо, если в ночь на 17 удастся благополучно покончить с Распутиным, то не может быть ничего лучшаго, как через нѣсколько часов послѣ этого, как ни в чем ни бывало, показывать мой поѣзд большому числу людей, интересущихся дѣлом, и имѣть возможность отвлечь свои мысли от кошмара пережитой ночи.

Вопрос лиш в том, выдержат-ли мои нервы и смогу-ли я поспать хоть нѣсколько часовъ в тѣ часы ночи, которые останутся мнѣ для сна, послѣ кончины Распутина и перед посѣщеніем поѣзда членами Думы?

А поѣзд мой посмотрѣть стоит: я с гордостью и удовлетвореніем смотрю на результат моих хлопот по его снабженію, и мнѣ сладко думать, что все это я раздам там, на позиціях, на чужбинѣ, родным героям: солдату и офицеру, стоящим на стражѣ русской чести и проводящим безсмѣнно третій год войны бок о бок в тѣсном братском единеніи друг с другом, неся равныя лишенія и живя в одинаковых условіях в суровых окопах.

12 декабря.

Сегодня был на засѣданіи совѣта главнаго управленія Краснаго Креста. Вот учрежденіе, поражающее косностью: толковых всего лиш два или три человѣка и среди них Ордин и человѣчек себѣ на умѣ Чаманскій, вертящій там всѣм и играющій первую скрипку, конечно, не без большой выгоды для себя.

Славный предсѣдатель Ильин спеленат, как младенец, и на положеніи не то бонзы, не то Далай-Ламы, остальные частью статисты, на ролях свадебных генералов, а частью просто превосходительная шантрапа, привыкшая считать за дѣло только бумагу под номером и чуждая всякой отзывчивости живому и великому дѣлу милосердія.

Чего стоит одна лишь фигура барона А. Ф. Майндорфа, с котораго песок сыпится уже, повидимому, лѣт 20, и который, тѣм не менѣе, в совѣтѣ Креста, все еще на положеніи активнаго дѣятеля.

Просидѣл я с полчаса, прослушал безконечные дебаты о том, дать ли или не дать пособіе в 40 руб. сестрам X., У., Z. Меня стошнило от этой дѣловитости, и я уѣхал.

13 декабря.

Сегодня утром звонок в телефон: „Ваня пріѣхал", значит, мы собираемся.

В 10 час. я был у Юсупова, куда пріѣхал с д-ром Лазавертом. Дмитрій Павлович и поручик С. были уже там.

Юсупов доложил нам, что Распутин согласился пріѣхать к нему 16-го вечером, и что все идет в этом отношеніи превосходно.

Мы вновь повторили друг другу выработанный нами план дѣйствія, рѣшив, по смерти Распутина, бросить труп его в Старую Невку, гдѣ мѣсто уединеннѣе в ночные часы, чѣм вдоль канала, идущаго от Фонтанки к Царскосельскому вокзалу.

В добавленіе к раньше нами намѣченному, мы рѣшили поставить большой граммофон в тамбурѣ, ведущем из гостиной князя, находящейся на верху, к его столовой, куда, по пріѣздѣ, прямо должен пройти Распутин, помѣщающейся, как я уже сказал, в полуподвальном этажѣ дворца.

Граммофон будет поставлен у витой лѣстницы рупором к ней, и в момент прибытія Распутина во дворец граммофон будет заведен, ибо, хотя граммофон и слабое, и пріѣвшееся развлеченіе, но, тѣм не менѣе, развлеченіе; игрой его будут достигнуты двѣ цѣли: во-первых, Распутин может подумать, что собравшееся на верху дамское общество слушает музыку, и вслѣдствіе этого молодая графиня, знакомства с коей он так жаждет, не может к нему тотчас же сойти, а во-вторых, игра граммофона могла бы заглушить наши голоса, если бы мы прослушали стук под'ѣзжающаго автомобиля и продолжали бы громко бесѣдовать между собою на верху.

Закусив и выпив чаю, в 11 час. мы раз'ѣхались по домам, при чем Юсупов, перед самым моим от'ѣздом, вынул из письменнаго стола средней величины двухфунтовую каучуковую гирю, подобную тѣм, коими дѣлают ручную комнатную гимнастику.

„Как вам это нравится?“—спросил он меня.

„А для чего вам это?“

„Так, — замѣтил он многозначительно, — на всякій случай, этот подарочек я получил от В. А. Маклакова; мало ли что случится!“

„Н-да!“— протянул я.

Мы распрощались, и я уѣхал.

14 декабря.

Сегодня, в виду предстоящаго от'ѣзда на фронт, я перевез мою семью в поѣзд, ибо на время Рождественскихъ каникул сыновей моих беру санитарами, а жену мою, прошедшую уже курсы сестер милосердія и все прошлое лѣто состоявшую старшею сестрою на одном из главных пунктов моего отряда, беру работать в качествѣ сестры милосердія на том перевязочно-питательном пунктѣ, который я разверну в Румыніи. Переѣзд их занял у меня сегодня большую половину дня.

Послѣ обѣда я распрощался окончательно с моею городской квартирой и занял обычное купэ в вагонѣ моего санитарнаго поѣзда.

15 декабря.

Д-р Лазаверт, купив кисть и краску защитнаго цвѣта, весь день сегодня, облачившись в кожаный фартук, провозился над автомобилем, который будет служить нам завтрашнюю ночь и привезет высокаго гостя.

На всѣх автомобилях моего отряда большими красными буквами стоит написанным мой девиз: „Semper idem". [1]). Приходится замазывать надпись, ибо, в противном случаѣ, по этой надписи нити слѣдствія сразу привели бы судебныя власти, при случайно неудачливом оборотѣ дѣла, к Юсуповскому дворцу и к моему поѣзду.

К вечеру автомобиль оказался в порядкѣ. Завтра придется лишь поднять на нем верх и заблаговременно отпустить по квартирам в город шофферов, под предлогом дать им попрощаться с семьями перед от'ѣздом, назначенным мною на 17-е декабря вечером, а в сущности освободиться от их назойливаго любопытства и разспросов о том, куда ѣдет д-р Лазаверт поздно ночью, не желая пользоваться их услугами. И без того сегодня, когда он возился у автомобиля, поѣздная прислуга, окружив его со всѣх сторон, то и дѣло спрашивала его, зачѣм он вымарывает надпись. Лазаверт очень удачно отбрехался: „Как тронемся в путь, ребята, — сказал он им, — опять надпишем по старому и будет так, как было, а завтра, ночью ѣду кутить с . . . ., — и он подмигнул, — а потом кататься на острова, и нельзя, чтобы видѣли автомобиль генерала, т.-е. мой, в такой час в неподходящем мѣстѣ". Любопытные этим удовлетворились и успокоились.

1) Всегда тот же.

16 декабря.

Сейчас 7 час. вечера. Я весь день не выѣзжал в город, а сидѣл и читал у себя в купэ, ибо распоряжаться уже нечѣм — поѣзд готов от'ѣзду, а видѣть посторонних людей мнѣ противно.

В 8½ час. на трамваѣ поѣду на малое засѣданіе городской думы, гдѣ просижу, чтобы убить время, до без четверти 12 ночи, когда к думской каланчѣ должен под'ѣхать Лазаверт, одѣтый шоффером, с пустым автомобилем, и отсюда я сѣв в него поѣду во дворец Юсупова.

Я чувствую величайшее спокойствіе и самообладаніе. На всякій случай беру с собою стальной кастет и револьвер мой, великолѣпную вещь системы „Sauvage"; кто знает, может быть, придется дѣйствовать либо тѣм, либо другим.

Не знаю почему, но у меня весь день сегодня вертится в головѣ стих оды Горація:

Tu ne quaesieris, scire nefas, quem mihi, quem tibi, Finem di dederint . . . Leuconoe! [1])

Да! Но только там дѣло шло совсѣм о другом, а наша Левконоя нѣсколько иного сорта . . ., да! Scire nefas! [2]). А впрочем, ждать не за горами . . .

18 декабря.

Глубокая ночь. Вокруг меня полная тишина. Плавно качаясь, уносится в даль мой поѣзд. Я ѣду опять на новую работу, в безконечно дорогой мнѣ боевой обстановкѣ, на далекой чужбинѣ, в Румыніи.

Я не могу заснуть; впечатлѣнія и событія послѣдних 48 часов вихрем проносятся вновь в моей головѣ, и кошмарная, на всю жизнь незабываемая ночь 16 декабря встает ярко и выпукло перед моим духовным взором.

Распутина уже нѣт. Он убит. Судьбѣ угодно было, чтобы я, а никто иной избавил от него

[1]) Не спрашивай, не выпытывай, Левконоя, нам знать не дано, какой конец уготовили тебѣ и мнѣ боги.

[2]) Знать не дано.

Царя и Россію, чтобы он пал от моей руки. Слава Богу, говорю я, слава Богу, что рука великаго князя Димитрія Павловича не обагрена этой грязной кровью—он был лишь зрителем и только.

Чистый, молодой, благородный, царственный юноша, столь близко стоящій к престолу, не может и не должен быть повинным, хотя бы и в высоко патріотическом дѣлѣ, но в дѣлѣ, связанном с пролитіем чьей бы то ни было крови, пусть эта кровь будет и кровью Распутина.

Как ни тяжело, но нужно постараться привести в порядок мои мысли и занести в дневник с фотографической точностью весь ход происшедшей драмы, имѣющей столь большое историческое значеніе.

Как ни тяжело, но постараюсь воскресить событія и занести их на бумагу.

В половинѣ 10-го 16 декабря я покинул мой поѣзд на Варшавском вокзалѣ и на трамваѣ отправился в городскую думу.

Под'ѣжаю и вижу, что зал не освѣщен; швейцар сообщает мнѣ, что засѣданіе не состоялось за неприбытіем законнаго числа гласных, а прибывшіе, подождав, разошлись.

„Братец, говорю, мнѣ некуда дѣваться, открой мнѣ кабинет товарища головы, дай бумаги, я напишу здѣсь нѣсколько писем, пока пріѣдет за мной мой автомобиль". Швейцар исполнил мою просьбу, и я около часа времени провел в писаніи писем нѣкоторым друзьям.

Без четверти 11-ть, т.-е. ровно за час до того времени, как я назначил Лазаверту заѣхать за мной в Думу, я запечатал послѣднее письмо и остался в нерѣшительности, что мнѣ дѣлать: одѣться и выйти на улицу с тѣм, чтобы там ждать автомобиль, было неудобно и могло вызвать какія-либо подозрѣнія, ибо я был в военной формѣ, и могло показаться странным, что в двѣнадцатом часу ночи стоит без всякаго дѣла на панели в военной формѣ озирающаяся фигура.

Я рѣшился оставшееся время провести у телефона и, вызвав пріятельницу мою, артистку N., проболтал с нею до начала двѣнадцатаго.

Дальнѣйшее пребываніе в Думѣ было, однако, неудобным и я, одѣвшись, когда часы на думской каланчѣ пробили четверть двѣнадцатаго, вышел на панель, опустил письма в почтовый ящик и стал гулять по думскому переулку.

Погода была мягкая, мороз не превышал 2°—3°, и порошил рѣдкій мокроватый снѣг.

Каждая минута мнѣ представлялась вѣчностью, и мнѣ казалось, что каждый проходившій мимо меня, подозрительно меня оглядывает и за мною слѣдит.

Часы пробили половину двѣнацатаго, я положительно не находил себѣ мѣста; наконец, без десяти минут двѣнадцать я увидѣл вдали, со стороны Садовой, яркіе огни моего автомобиля, услыхал характерный звук его машины, и через нѣсколько секунд, сдѣлав круг, д-р Лазаверт остановился на панели.

— Ты опять опоздал!—крикнул я ему.

— Виноват!—отвѣтил он искательным голосом,—заправлял шину, лопнула по дорогѣ.

Я сѣл в автомобиль рядом с ним и, повернув к Казанскому собору, мы проѣхали по Мойкѣ.

Автомобиля моего рѣшительно нельзя было узнать с поднятым верхом, он ничѣм не отличался от других, встрѣчавшихся нам на пути.

Согласно выработанному нами плану, мы должны были под'ѣхать не к главному под'ѣзду Юсуповскаго дворца, а к тому малому, к которому Юсупов намѣревался подвезти и Распутина, для чего требовалось предварительно в'ѣхать во двор, отдѣлявшійся от улицы желѣзной рѣшеткой, с двумя парами таких же желѣзных ворот, которыя, по уговору должны быть к этому часу открытыми.

Под'ѣзжая ко дворцу, однако, видим, что обѣ пары ворот закрыты; полагая, что еще рано, мы, не уменьшая хода автомобиля, проѣхали ми-

мо дворца и там, замедлив ход, сдѣлали круг через площадь Маріинскаго театра и вновь вернулись на Мойку по Прачешному переулку. Ворота оказались опять закрытыми.

Я был внѣ себя. „Давай к главному под'ѣзду!—крикнул я Лазаверту.—Пройду через парадное, и когда откроют желѣзныя ворота, в'ѣдешь и станешь с автомобилем вон у этого малаго входа".

Я позвонил. Дверь открыл мнѣ солдат, и я, не сбрасывая шубы, оглянувшись, есть ли еще кто-либо в под'ѣздѣ (на скамейкѣ сидѣл еще один человѣк в солдатской формѣ, и больше не было никого), повернул в дверь налѣво и прошел в помѣщеніе, занимаемое молодым Юсуповым.

Вхожу и вижу: в кабинетѣ сидят всѣ трое.

— А!!—воскликнули они разом,—vous voila![1]). А мы вас уже пять минут как ждем, уже начало перваго.

— Могли бы прождать и дольше,—говорю,—если бы я не догадался пройти через главный под'ѣзд. Вѣдь ваши желѣзныя ворота к маленькой двери,—обратился я к Юсупову,—и по сію минуту не открыты.

— Не может быть,—воскликнул он,—я сію же минуту распоряжусь,—и с этими словами он вышел.

Я раздѣлся. Через нѣсколько минут в шоферском костюмѣ по лѣстницѣ со двора вошел д-р Лазаверт и Юсупов.

Автомобиль был поставлен на условленное мѣсто, у маленькой двери во дворѣ, послѣ чего мы впятером прошли из гостиной через небольшой тамбур по витой лѣстницѣ вниз в столовую, гдѣ и усѣлись вокруг большого обильно уснащеннаго пирожным и всякою снѣдью чайнаго стола.

Комната эта была совершенно неузнаваема; я видѣл ее при отдѣлкѣ и изумился умѣнію в та-

---

[1]) А вот и вы.

кой короткій срок сдѣлать из погреба нѣчто в родѣ изящной бомбоньерки.

Вся она была раздѣлена на двѣ половины, из коих одна ближе к камину, в котором ярко и уютно пылал огонь, представляла собою миніатюрную столовую, а другая, задняя, нѣчто среднее между гостиной и будуаром, с мягкими креслами, изящным диваном, перед коим на полу лежала громадная, исключительной бѣлизны, шкура-ковер бѣлаго медвѣдя. У стѣнки под окнами в полумракѣ был помѣщен небольшой столик, гдѣ на подносѣ стояло четыре закупоренных бутылки с марсалой, мадерой, хересом и портвейном, а за этими бутылками виднѣлось нѣсколько темноватаго стекла рюмок. На каминѣ, среди ряда художественных старинных вещей, было помѣщено изумительной работы распятіе, кажется мнѣ, выточенное из слоновой кости.

Помѣщеніе было сводчатым, в стилѣ старинных, расписных русских палат.

Мы усѣлись за круглым чайным столом, и Юсупов предложил нам выпить по стакану чая и отвѣдать пирожных до тѣх пор, пока мы не дадим им нужной начинки.

Четверть часа, в продолженіе коих мы сидѣли за столом, показались мнѣ цѣлою вѣчностью, между тѣм особенно спѣшить было не к чему, так как Распутин предупредил еще раньше Юсупова, что шпики всѣх категорій покидают его квартиру послѣ 12-ти ночи, и, слѣдовательно, толкнись Юсупов к Распутину до половины перваго, он как раз мог напороться на церберов, охранявших „старца".

Закончив чаепитіе, мы постарались придать столу такой вид, как будто его только что покинуло большое общество, вспугнутое от стола прибытіем нежданнаго гостя.

В чашки мы поналивали немного чаю, на тарелочках оставили кусочки пирожнаго и кэкса и набросали немного крошек около помятых нѣсколько чайных салфеток; все это необходимо было, дабы, войдя, Распутин почувствовал, что

† Великій князь Михаил Алекасндрович, с своей супругой графиней Брасовой, при посѣщеніи отряда Пуришкевича.

(Рѣдчайшая фотографія снята вовремя революціи).

Второй брат Царя, родивш. 22 ноября 1878 года. Послѣ скончавшагося от чахотки в Аббас-Туманѣ наслѣдника цесаревича, вел. князя Георгія Александровича, ставшій наслѣдником вплоть до рожденія царевича Алексѣя.

В 1898 году произведен в корнеты лейб-гвардіи Кирасирскаго Ея Вел. полка, гдѣ нес строевую службу и командовал эскадроном. Послѣ морганатическаго брака с женою сослуживца, г-жею Вульферт, урожденной Шереметьевской и получившей титул графини Брасовой, принял в командованіе 17 гусарскій Черниговскій полк, в г. Орлѣ. Назначенный через три года командиром Кавалергардскаго полка, за освященный церковью мезаліянс, подвергнут опалѣ, лишенію нѣкоторых прав и высылкѣ из предѣлов Россіи.

С началом великой войны возвращен и получил в командованіе дивизію Кавказских горцев, так называемую, „Дикую". За личное мужество пожалован орденом Св. Георгія 4 степени и назначен командиром 2-го кавалерій-

скаго корпуса. За мѣсяц до революціи получил назначеніе генерал-инспекторомъ кавалеріи и проживал в Петроградѣ. По настоянію Керенскаго, в мартѣ 1917 г. принужден был подписать отреченіе от Императорскаго Престола, с большевистским переворотом, подвергся преслѣдованію, высылкѣ и мученической смерти 21 іюня 1918 года, в районѣ Перми.

Цвѣтущій, высокій и красивый юноша вел. кн. Михаил, в молодые годы, невольно подкупал всѣх соприкасавшихся с ним своею изумительной простотой, доброжелательством, застѣнчивостью, цѣломудріем и скромностью. Достаточно развитой и образованный, владѣвшій в совершенствѣ языками, он добросовѣстно нес службу молодого офицера-кирасира, отбывал строевой ценз в Преображенском полку и в конной артиллеріи, в особенности увлекался конским спортом, скачками, охотой, любовь к чему раздѣляла и его сестра великая княгиня Ольга Александровна, послѣ развода с принцем Ольденбургским вышедшая замуж за поручика того же Лейб-гвард. Кирасирскаго Ея Вел. полка, Н. Н. Куликовскаго (нынѣ проживают с дѣтьми в Копенгагенѣ).

Яркою особенностью вел. кн. Михаила, было какое-то особое влеченіе к простой и скромной жизни, далекой блеска царскаго двора, церемоніалов, придворных этикетов пышности и помпы.

Все это его чрезмѣрно тяготило. Кромѣ имени и благородных черт характера, в нем было очень мало царственнаго. Ни широты горящаго ума, ни глубины дерзающаго духа, это был обыкновенный очень скромный человѣк средних дарованій, благожелательный, радушный, мягкій, волей судьбы вознесенный к самому подножію престола.

Счастливый семьянин, спортсмэн, прекрасный кавалерійскій офицер, гостепріимный и отзывчивый хозяин и помѣщик, он находил полное удовлетвореніе в этой жизни, далекій честолюбія и власти, никогда не помышляя о царском тронѣ, его чуждался, избѣгал. В послѣдній період он сильно постарѣл, от прежняго цвѣтущаго и румянаго юноши осталось очень мало, тяжелая болѣзнь (язва желудка) подтачивала неуклонно его силы. Он несомнѣнно был не долговѣчен, но духовный облик вел. князя Михаила сіял лучистой и подкупающей красотой.

он напугал дамское общество, которое поднялось сразу из столовой в гостиную наверх.

Приведя стол в должный вид, мы принялись за два блюда с пти-фурами. Юсупов передал д-ру Лазаверту нѣсколько камешков с ціанистым каліем, и послѣдній, надѣв раздобытыя Юсуповым перчатки, стал строгать яд на тарелку, послѣ чего, выбрав всѣ пирожныя с розовым кремом, (а онѣ были лишь двух сортов: с розовым и шоколадным кремом) и отдѣлив их верхнюю половину, густо насыпал в каждое яду, послѣ чего, наложив на них снятыя верхушки, придал им должный вид. По изготовленіи розовых пирожных, мы перемѣшали их на тарелках с коричневыми, шоколадными, разрѣзали два розовых на части и, придав им откусанный вид, положили к нѣкоторым приборам.

За сим Лазаверт бросил перчатки в камин, мы встали из-за стола и, придав нѣкоторый безпорядок еще и стульям, рѣшили подняться уже на верх. Но, помню, как сейчас, в эту минуту сильно задымил камин, в комнатѣ стало сразу угарно и пришлось провозиться по крайней мѣрѣ еще десять минут с очисткой в ней воздуха. Наконец, все оказалось в порядкѣ.

Мы поднялись в гостиную. Юсупов вынул из письменнаго стола и передал Дмитрію Павловичу и мнѣ по склянкѣ с ціанистым каліем в растворенном видѣ, каковым мы должны были наполнить до половины двѣ из четырех рюмок, стоявших внизу в столовой за бутылками, через двадцать минут послѣ от'ѣзда Юсупова за Распутиным

Лазаверт облачился в свой шофферскій костюм. Юсупов надѣл штатскую шубу, поднял воротник и, распрощавшись с нами, вышел.

Шум автомобиля дал нам знать, что они уѣхали, и мы молча принялись расхаживать по гостиной и тамбуру у лѣстницы вниз.

Было тридцать пять минут перваго. Поручик С. пошел провѣрить, в порядкѣ-ли граммофон и наложена ли пластинка; все было на мѣстѣ.

КАК Я УБИЛ РАСПУТИНА

III. часть

Вел. князь Кирилл Владимірович.

Старшій сын вел. князя Владим. Александровича и супруги его Маріи Павловны, рожд. принцессы Мекленбург-Шверинской, внук императора Александра II, род. в 1875 г. 30 сентября, в Царском Селѣ, окончил Морской кадетскій корпус, служил в гвардейском экипажѣ, участвовал в Русско-японской войнѣ (1904 — 1905 г.), и только чудом спасся в числѣ немногих при взрывѣ броненосца „Петропавловск". Разносторонне образованный и наблюдательный, не избѣгавшій общенія с людьми различных профессій и положеній и соприкасавшійся с дѣйствительной жизнью, движимый лучшими побужденіями, стремился воздѣйствовать на Царя своими обращеніями и просьбами в смыслѣ измѣненія режима и дарованія нѣкоторых либеральных реформ, на почвѣ конституціи. С паденіем строя и перехода власти к Временному революціонному комитету, составившемуся из членов Гос. Думы, первым, во главѣ гвардейскаго экипажа, выразил свою лойяльность и повиновеніе. Женат на принцессѣ Викторіи Федоровнѣ, имѣет сына и дочь.

В настоящее время проживает в Сен-Бріак на югѣ Франціи.

Является ближайшим претендентом на Русскій Императорскій престол.

Имѣет братьев Бориса и Андрея и сестру вел. княгиню Елену Владиміровну, в замужествѣ за принцем Николаем греческим.

Я вынул из кармана отдавливавшій его мой тяжелый „соваж" и положил его на стол Юсупова.

Время шло мучительно долго. Говорить не хотѣлось. Мы изрѣдка лишь перебрасывались отдѣльными словами и, посовѣтовавшись о том, можно-ли курить и не дойдет-ли дым сигары или папиросы вниз (Распутин не хотѣл, чтобы сегодня, в день его посѣщенія, у князя Юсупова были гости-мужчины), стали усиленно затягиваться: я сигарой, а С. и Дмитрій Павлович папиросами.

Без четверти час великій князь и я, спустившись в столовую, налили ціанистый калій, как было условлено, в двѣ рюмки, при чем Дмитрій Павлович выразил опасеніе, как бы Феликс Юсупов, угощая Распутина пирожными, не с'ѣл бы второпях розоваго и, наливая вино в рюмки, не взял бы по ошибкѣ рюмки с ядом. „Этого не случится,—замѣтил я увѣренно великому князю: Юсупов отличается, как я вижу, громадным самообладаніем и хладнокровіем".

Исполнив свое дѣло, мы вновь поднялись наверх, чутко прислушиваясь к малѣйшим звукам, доходившим с улицы.

„Ѣдут!" — полушопотом заявил я вдруг, отходя от окна.

Поручик С. кинулся к граммофону, и через нѣсколько секунд раздался звук американскаго марша „янки-дудль", который и посейчас, по временам, преслѣдует меня.

Еще мгновеніе, — слышим стук автомобиля уже во дворѣ, хлопающую дверцу автомобиля, топот стряхивающих снѣг ног внизу и голос Распутина: „Куда, милый?" За сим дверь от столовой закрылась за обоими пріѣхавшими, и через нѣсколько минут снизу по лѣстницѣ поднялся к нам д-р Лазаверт в своем обыкновенном костюмѣ, снявшій и оставившій внизу шофферскія доху, папаху, и перчатки.

Затаив дыханіе, мы прошли в тамбур и стали у перил лѣстницы, ведущей вниз друг за

другом в таком порядкѣ: первым к лѣстницѣ я, с кастетом в руках, за мною великій князь, за ним поручик С., послѣдним д-р Лазаверт. Мнѣ трудно опредѣлить, сколько времени в напряженнѣйшем ожиданіи провели мы, в застывших позах у лѣстницы, стараясь не дышать, не двигаться и, вслушиваясь буквально в каждый шорох, происходившій внизу, откуда доносились к нам голоса разговаривавших, то порою в видѣ односложных звуков, то в связной рѣчи, но разслышать того, что говорилось, мы не могли; полагаю, что мы простояли у лѣстницы не менѣе получаса, безконечно заводя граммофон, который продолжал играть все тот же „янки-дудль".

Того, чего мы ожидали, не произошло, а ожидали хлопанья пробок и откупориванія Юсуповым бутылок, стоявших, как я уже сказал, внизу. Это должно было стать показателем, что дѣло идет на лад, и что через нѣсколько минут послѣ того Распутин окажется трупом. Но... время шло, мирная бесѣда внизу продолжалась, а собесѣдники, очевидно, не пили и не ѣли ничего.

Наконец, слышим, дверь снизу открывается. Мы на цыпочках безшумно кинулись обратно в кабинет Юсупова, куда через минуту вошел и он.

— Представьте себѣ, господа,—говорит,—ничего не выходит, это животное не пьет и не ѣст, как я ни предлагаю ему обогрѣться и не отказываться от моего гостепріимства.

Что дѣлать?

Дмитрій Павлович пожал плечами: — „Погодите, Феликс: возвращайтесь обратно, попробуйте еще раз и не оставляйте его одного, неровен час, он поднимется за вами сюда и увидит картину, которую менѣе всего ожидает, тогда придется его отпустить с миром, или покончить шумно, что чревато послѣдствіями".

— А как его настроеніе?—спрашиваю я у Юсупова.

— „Н-не важное“,—протягивая, отвѣчает послѣдній: можете себѣ представить, он как будто что-то предчувствует.

— Ну, идите, идите, Феликс! — заторопил Юсупова великій князь. — Время уходит.

Юсупов опять спустился вниз, а мы вновь заняли в том же порядкѣ свои мѣста у лѣстницы.

Прошло еще добрых полчаса до нельзя мучительно уходившаго для нас времени, когда, наконец, нам ясно послышалось хлопанье одной за другой двух пробок, звон рюмок, послѣ чего говорившіе до этого внизу собесѣдники вдруг замолкли.

— Пьют,—прошептал мнѣ над самым ухом Дмитрій Павлович, —ну, теперь уже ждать не долго.

Мы застыли в своих позах, спустившись еще на нѣсколько ступеней по лѣстницѣ вниз. Но... прошло еще четверть часа, а мирный разговор идаже порою смѣх внизу не прекращались.

—Ничего не понимаю, разведя руками и обернувшись к великому князю, прошептал я ему. Что онъ заколдован что-ли, что на него даже ціанистый калій не дѣйствует!

Дмитрій Павлович пожал плечами. — Погодите, слышите, вот, кажется, уже внизу что-то не ладно.

И дѣйствительно, как будто послышался оттуда стон. Но это оказалось аберраціей слуха, и через минуту снизу опять послышалось мирное журчаніе рѣчи одного из собесѣдников и односложныя слова, повидимому, со стороны другого.

Мы поднялись по лѣстницѣ вверх и всею группою вновь прошли в кабинет, куда через двѣ или три минуты неслышно вошел опять Юсупов, разстроенный и блѣдный: — Нѣт, говорит, невозможно. Представьте себѣ, он выпил двѣ рюмки с ядом, съѣл нѣсколько розовых пирожных и, как видите, ничего; рѣшительно ни-

чего, а прошло уже послѣ этого минут, по крайней мѣрѣ, пятнадцать. Ума не приложу, как нам быть, тѣм болѣе, что он уже забезпокоился, почему графиня не выходит к нему так долго, и я с трудом ему об'яснил, что ей трудно исчезнуть незамѣтно, ибо там на верху гостей не много, но что, по всѣм вѣроятіям, минут через десять она уже сойдет; он сидит теперь на диванѣ мрачным и, как я вижу, дѣйствіе яда сказывается на нем лишь в том, что у него безпрестанная отрыжка и нѣкоторое слюнотеченіе.

— Господа, что вы посовѣтуете мнѣ? — закончил Юсупов.

— Возвращайтесь обратно, — замѣтили мы ему, — яд должен, наконец, сдѣлать свое дѣло, а если тѣм не менѣе дѣйствіе его окажется безрезультатными, поднимайтесь к нам по прошествіи пяти минут обратно, и мы рѣшим, как покончить с ним, ибо время уходит, теперь глубокая ночь, и утро может нас застать с трупом Распутина в вашем дворцѣ.

Юсупов медленно вышел и прошел вниз.

В это время я обратил вниманіе на то, что доктора Лазаверта нѣт среди нас. Еще нѣсколько раньше я замѣтил, что этот крѣпчайшаго тѣлосложенія человѣк чувствует себя от волненія положительно дурно: он то нервно шагал по кабинету, апоплексически краснѣя и в изнеможеніи опускаясь в глубокія кресла под окном, то хватался за голову, обведя нас всѣх блуждающим взглядом.

— „Что с вами, доктор?“ — спросил я его.

— „Мнѣ дурно! — отвѣтил он полушопотом, — у меня чрезвычайно напряжены нервы. Мнѣ кажется, я не выдержу. Я никогда не думал, что я так мало способен держать себя в руках. Повѣрите ли, меня сейчас может повалить пятилѣтній ребенок“.

Я крайне удивился, ибо, за все время пребыванія в моем отрядѣ д-ра Лазаверта, неоднократно работавшаго на передовых позиціях не только под орудійным, но и под пулеметным ог-

нем непріятеля, за что он был награжден двумя георгіевскими крестами, он проявил себя человѣком большой выдержки, самообладанія и несомнѣннаго мужества.

„Да, — подумал я, — храбрость там одно, а здѣсь совсѣм другое“.

— Гдѣ Лазаверт? — спросил я поручика С., по уходѣ Юсупова.

— Не знаю, — отвѣтил послѣдній,—должно быть, у автомобиля.

„Странно“ — подумал я и намѣревался уже спуститься за ним, как вдруг увидѣл его блѣдным, осунувшимся, входящим в дверь кабинета.

— „Доктор, что с вами?“ — воскликнул я.

— „Мнѣ стало дурно, — прошептал он, — я сошел вниз к автомобилю и упал в обморок, к счастью ничком, снѣг охладил мнѣ голову, и, только благодаря этому, я пришел в себя. Мнѣ стыдно, В. М., но я рѣшительно ни к чему не гожусь“.

— „Доктор, доктор! — проходя в это время мимо нас и качая головой, промолвил Дмитрій Павлович — вот не сказал бы“.

— „Ваше высочество,“ — разводя руками и как бы извиняясь, отвѣтил Лазаверт, „виноват не я, а моя комплекція“.

Мы оставили Лазаверта в покоѣ, предоставив его самому себѣ, и стали ждать.

Через минут пять Юсупов появился в кабинетѣ в третій раз:

— „Господа, — заявил он нам скороговоркой, — положеніе все то же: яд на него не дѣйствует, или ни к черту не годится; время уходит, ждать больше нельзя; рѣшим что дѣлать. Но нужно рѣшать скорѣе, ибо гад выражает крайнее нетерпѣніе тому, что графиня не приходит, и уже подозрительно относится ко мнѣ“.

— „Ну чтож, отвѣтил великій князь — бросим на сегодня, отпустим его с миром, может быть, удастся сплавить его как-нибудь иначе в другое время и при других условіях“.

— „Ни за что! воскликнул я. — Неужели вы не понимаете, ваше высочество, что выпущенный сегодня, он ускользнет навсегда, ибо развѣ он поѣдет к Юсупову завтра, если поймет, что сегодня был им обманут. Живым Распутин отсюда — отчеканивая каждое слово, полушопотом продолжал я, выйти не может, не должен и не выйдет".

— „Но как же быть?" — замѣтил Дмитрій Павлович.

— „Если нельзя ядом, — отвѣтил я ему, — нужно пойти ва-банк, въ открытую, спуститься нам или всѣм вмѣстѣ, или предоставьте мнѣ это одному, я его уложу либо из моего „соважа", либо размозжу ему череп кастетом. Что вы скажете на это?"

— „Да, замѣтил Юсупов, — если вы ставите вопрос так, то, конечно, придется остановиться на одном из этих двух способов".

Послѣ минутнаго совѣщанія, мы рѣшили спуститься вниз всѣм и предоставить мнѣ уложить его кастетом, а Лазаверту, на всякій случай, Юсупов в руки сунул свою каучуковую гирю, хотя первый и заявил ему, что он едва-ли будет в состояніи что-либо сдѣлать, ибо так слаб, что еле передвигает ноги.

Приняв это рѣшеніе, мы гуськом (со мною во главѣ), осторожно двинулись к лѣстницѣ и уже спустились было к пятой ступенькѣ, когда внезапно Дмитрій Павлович, взяв меня за плечо, прошептал мнѣ на ухо: attendez un moment[1]) и, поднявшись вновь назад, отвел в сторону Юсупова. Я. С. и Лазаверт прошли обратно в кабинет, куда немедленно вслѣд за нами вернулись Дмитрій Павлович и Юсупов, который мнѣ сказал:

— „В. М., вы ничего не будете имѣть против того, чтобы я его застрѣлил, будь что будет. Это и скорѣе, и проще".

— „Пожалуйста, — отвѣтил я, — вопрос не в том, кто с ним покончит, а в том, чтобы покончить и непремѣнно этою ночью".

[1]) Подождите минуту.

Не успѣл я произнести эти слова, как Юсупов быстрым рѣшительным шагом подошел к своему письменному столу и, достав из ящика его браунинг небольшого формата, быстро повернулся и твердыми шагами направился по лѣстницѣ вниз.

Мы молча кинулись вслѣд за ним и стали на старыя позиціи, поняв, что сейчас уже ждать придется не долго.

Дѣйствительно, не прошло и пяти минут с момента ухода Юсупова, как послѣ двух или трех отрывочных фраз, произнесенных разговаривавшими внизу, раздался глухой звук выстрѣла, вслѣд за тѣм мы услышали продолжительное .. а—а—а! —и звук грузно падающаго на пол тѣла.

Не медля ни одной секунды, всѣ мы, стоявшіе на верху, не сошли, а буквально кубарем слетѣли по перилам лѣстницы вниз, толкнувши стремительно своим напором дверь столовой: она открылась, но кто-то из нас зацѣпил штепсель, отчего электричество в комнатѣ сразу потухло.

Ощупью, ошарив стѣнку у входа, мы зажгли свѣт, и нам представилась слѣдующая картина: перед диваном, в части комнаты, в гостиной, на шкурѣ бѣлаго медвѣдя лежал умирающій Григорій Распутин, а над ним, держа револьвер в правой рукѣ, заложенной за спину, совершенно спокойным, стоял Юсупов, с чувством непередаваемой гадливости вглядываясь в лицо им убитаго „старца".

Крови не было видно: очевидно, было внутреннее кровоизліяніе, и пуля попала Распутину в грудь, но, по всѣм вѣроятіям, не вышла.

Первым заговорил великій князь, обратившись ко мнѣ.

— Нужно снять его поскорѣе с ковра, на всякій случай, и положить на каменныя плиты пола, ибо, чего добраго, просочится кровь и замарает шкуру, давайте, снимем его оттуда.

Дмитрій Павлович взял убитаго за плечи, я поднял его за ноги, и мы бережно уложили

его на пол ногами к уличным окнам и головою к лѣстницѣ, через которую вошли.

На коврѣ не оказалось ни единой капли крови, он был только немного примят упавшим тѣлом.

Молча окружили мы затѣм труп убитаго, котораго я сейчас увидѣл в первый раз в жизни и котораго знал до этой минуты только по фотографіям, из коих одну большую карточку, гдѣ Распутин был изображен в кругу своих поклонников из среды петроградской придворной аристократіи за чайным столом, полученную мною от командира 3-го стрѣлк. гвард. полка генерала А. П. Усова, я переснял в большом количествѣ экземпляров и с оскорбительною надписью для его поклонников, коих фамиліи подписал на карточках, роздал в концѣ ноября членам Государственной Думы и разослал по редакціям всѣх петроградских газет.

Сейчас я стоял над этим трупом, и меня волновали самыя разнообразныя и глубокія чувства; но первым из них, как теперь помню, было чувство глубочайшаго изумленія перед тѣм, как мог такой, на вид совершенно обыденный и отвратительный, типа Силена или Сатира, мужик, вліять на судьбы Россіи и на ход жизни великаго народа, страна коего, в сущности, представляет часть свѣта, а не государство.

Чѣм околдовал ты, негодяй — думал я, — и царя, и царицу?

Как завладѣл ты царем до такой степени, что твоя воля, стала его волею; что ты был фактическим самодержцем в Россіи, обратив помазанника Божьяго в послушнаго, безпрекословнаго исполнителя твоей злонамѣренной воли и твоих хищнических аппетитов. И стоя здѣсь, над этим трупом, я невольно припомнил разсказ Юсупова о том, чѣм угощал царя, через посредство своего пріятеля тибетскаго лѣкаря Бадмаева, Распутин.

— „Зачѣм ты, Феликс, — сказал как-то раз Распутин Юсупову, — не бываешь у Бадмаева

Великій Князь Борис Владимірович.

Второй сын Вел. князя Владиміра Александровича, третьяго сына Императора Александра II. Род. 12 ноября 1877 года.

Во время великой войны командовал лейб-гвардіи казачьим полком, позднѣе был назначен походным атаманом казачьих войск.

В настоящее время отошел от всякой политической дѣятельности и проживает в Парижѣ, гдѣ по свѣдѣніям американской прессы, открыл ресторан-кабарэ.

— нужный он человѣк, полезный человѣк, ты иди к нему, милой, больно хорошо он лѣчит травочкой, все только травочкой своею".

— „Даст он тебѣ махонькую, ма-ахонькую рюмочку настойки из травушки своей, и у — ! ух—! как бабы тебѣ захочется, а есть у него и другая настоечка, и того меньше рюмочку даст он тебѣ, попьешь ты этой настоечки в час, когда на душѣ у тебя смутно, и сразу тебѣ все пустяком покажется, и сам сдѣлаещься ты такой добренькой, до-обренькой, такой глу-упенькой и будет тебѣ все равным ровно".

— „Не этой-ли настойкою, — думал я, стоя над трупом Распутина, — угощал ты в послѣднее время постоянно русскаго царя, отдавшаго бразды правленія над великой Россіей и над своим народом Змѣю Горынычу — роковой для Россіи женщинѣ, супругѣ своей Александрѣ Федоровнѣ, возомнившей себя второю Екатериною Великою, а тебя, Государь, приравнявшею к Петру III и не постѣснявшейся в письмѣ своем к великой княгинѣ Викторіи Федоровнѣ написать ей, что бывают моменты в исторіи жизни народов, когда при слабоволіи законных их правителей женщины берутся за кормило правленія государством, ведомым по уклону мужскою рукою, и что Россія такіе примѣры знает"...

Я стоял над Распутиным, впившись в него глазами.

Он не был еще мертв: он дышал, он агонизировал.

Правой рукой своею прикрывал он оба глаза и до половины свой длинный, ноздреватый нос; лѣвая рука его была вытянута вдоль тѣла; грудь его изрѣдка высоко подымалась, и тѣло подергивали судороги. Он был шикарно, но помужицки одѣт: в прекрасныхъ сапогах, в бархатных на выпуск брюках, в шелковой богато расшитой шелками, цвѣта крем, рубахѣ, подпоясанной малиновым с кистями толстым шелковым шнурком.

Длинная черная борода его была тщательно расчесана и как будто блестѣла или лоснилась даже от каких-то специй.

Не знаю, сколько времени простоял я здѣсь; в концѣ концов, раздался голос Юсупова: „Ну-с, господа, идемте на верх, нужно кончать начатое“. Мы вышли из столовой, погасив в ней электричество и притворив слегка двери.

В гостиной, по-очередно поздравив Юсупова с тѣм, что на его долю выпала высокая честь освобожденія Россіи от Распутина, мы заторопились окончаніем нашего дѣла.

Был уже четвертый час ночи и приходилось спѣшить.

Поручик С. наскоро облачился поверх своей военной шинели и шикарную мѣховую шубу Распутина, надѣл его боты и взял в руки его перчатки; вслѣд за ним Лазаверт, уже нѣсколько оправившійся и как будто успокоившійся, облачился в шофферское одѣяніе, и оба они, предводительствуемые великим князем Дмитріем Павловичем, сѣли на автомобиль и уѣхали на нем к моему поѣзду с тѣм, чтобы сжечь одежду Распутина в моем классном вагонѣ, гдѣ к этому часу должна была топиться печь, послѣ чего им полагалось на извозчикѣ доѣхать до дворца великаго князя и оттуда на его автомобилѣ пріѣхать за тѣлом Распутина в Юсуповскій дворец.

Мы с Феликсом Юсуповым остались вдвоем и то не на долго: он через тамбур прошел на половину своих родителей, коих в Петроградѣ, как кажется, в это время не было, а я, закурив сигару, стал медленно прохаживаться у него в кабинетѣ на верху, в ожиданіи возвращенія уѣхавших соучастников, с коими предполагалось вмѣстѣ увязать труп в какую-либо матерію и перетащить на автомобиль великаго князя.

Не могу опредѣлить, долго ли продолжалось мое одиночество, знаю только, что я чувствовал себя совершенно спокойным и даже удовлетворенным, но твердо помню, как какая-то внутренняя сила толкнула меня к письменному столу

Юсупова, на котором лежал вынутый из кармана мой „соваж“, как я взял его и положил обратно, в правый карман брюк и как вслѣд за сим, под давленіем той же невѣдомой мнѣ силы, я вышел из кабинета, дверь от коего в тамбур была закрыта, и очутился в тамбурѣ совершенно без всякой цѣли.

Не успѣл я войти в этот тамбур, как мнѣ послышались чьи-то шаги уже внизу у самой лѣстницы, затѣм до меня долетѣл звук открывающейся в столовую, гдѣ лежал Распутин, двери, которую вышедшій, повидимому, не прикрыл.

„Кто бы это мог быть?“ — подумал я, но мысль моя не успѣла еще дать себѣ отвѣта на заданный вопрос, как вдруг снизу раздался дикій, нечеловѣческій крик, показавшійся мнѣ криком Юсупова: „Пуришкевич, стрѣляйте, стрѣляйте, он жив! он убѣгает!“

А-а!.. и снизу стремглав бросился вверх по лѣстницѣ кричавшій, оказавшійся Юсуповым; на нем буквально не было лица; прекрасные большіе голубые глаза его еще увеличились и были на выкатѣ; он в полусознательном состояніи, не видя почти меня, с обезумѣвшим взглядом, кинулся к выходной двери на главный коридор и пробѣжал на половину своих родителей, куда я его видѣл уходившим, как я уже сказал, перед от'ѣздом на вокзал великаго князя и поручика С.

Одну секунду я остался оторопѣвшим, но до меня совершенно ясно стали доноситься снизу чьи-то быстрые грузные шаги, пробиравшіеся к выходной двери во двор, т.-е., к тому под'ѣзду, от котораго недавно от'ѣхал автомобиль.

Медлить было нельзя ни одного мгновенья, и я не растерявшись выхватил из кармана мой „соваж“, поставил его на „feu“[1]) и бѣгом спустился по лѣстницѣ.

То, что я увидѣл внизу, могло бы показаться сном, если бы не было ужасною для нас дѣйствительностью: Григорій Распутин, котораго я

---

[1]) Огонь.

полчаса тому назад созерцал при послѣднем издыханіи, лежащим на каменном полу столовой, переваливаясь с боку на бок, быстро бѣжал по рыхлому снѣгу во дворѣ дворца вдоль желѣзной рѣшетки, выходившей на улицу, в том самом костюмѣ, в котором я видѣл его сейчас почти бездыханным.

Первое мгновеніе я не мог повѣрить своим глазам, но громкій крик его в ночной тишинѣ на бѣгу: „Феликс, Феликс, все скажу царицѣ!" . . . убѣдил меня, что это он, что это Григорій Распутин, что он может уйти, благодаря своей феноменальной живучести, что еще нѣсколько мгновеній, и он очутится за воротами на улицѣ, гдѣ, не называя себя, обратится к первому, случайно встрѣтившемуся прохожему с просьбой спасти его, так как на его жизнь покушаются в этом дворцѣ, и . . . все пропало. Естественно, что ему помогут, не зная, кого спасают, он очутится дома на Гороховой, и мы раскрыты.

Я бросился за ним в догонку и выстрѣлил.

В ночной тишинѣ чрезвычайно громкій звук моего револьвера пронесся в воздухѣ — промах.

Распутин поддал ходу; я выстрѣлил вторично на бѣгу — и . . . опять промахнулся.

Не могу передать того чувства бѣшенства, которое я испытал против самого себя в эту минуту.

Стрѣлок, болѣе чѣм приличный, практиковавшійся в тирѣ на Семеновском плацу безпрестанно и попадавшій в небольшія мишени, я оказался сегодня неспособным уложить человѣка в 20-ти шагах.

Мгновенія шли . . . Распутин подбѣгал уже к воротам, тогда я остановился, изо всѣх сил укусил себя за кисть лѣвой руки, чтобы заставить себя сосредоточиться, и выстрѣлом (в третій раз) попал ему в спину. Он остановился, тогда я уже тщательно прицѣлившись, стоя на том же мѣстѣ, дал четвертый выстрѣл, попавшій ему, как кажется, в голову, ибо он снопом упал ничком в снѣг и задергал головой. Я подбѣжал к нему и

Распутин в кругу великосвѣтских поклонниц.

Третья слѣва, рядом с извѣстн. авантюристом Мануиловым-Манусевичем — А. Вырубова.

Чрезвычайно любопытна обстановка распутинскаго дома, в которой протекал прiем поклонниц. . .

Распутин в туфлях, в рубашкѣ лиловаго цвѣта, опоясанный поясом с кистями. Лицо у него сѣрое с огромными синяками вокруг зеленоватых искрящихся глаз. Темные волосы подстрижены в скобку, борода мочалкой.

Первое впечатлѣнiе мрачнаго злого лица—тип преступный. Преобладающими чертами — грубая чувственность, животное сладострастiе. В общенiи с людьми — он сдержан, скрытен, должен отличаться постоянными недомолвками. Ни малѣйших слѣдов непосредственности, присущей людям из народа. Он привык вращаться в разнообразных слоях общества и имѣть дѣло с различными людьми. Искренности нѣт и слѣда, но играть в искренность он привык, как профессiонал — обманщик.

изо всей силы ударил его ногою в висок. Он лежал с далеко вытянутыми вперед руками, скребя снѣг и как будто бы желая ползти вперед на брюхѣ; но продвигаться он уже не мог и только лязгал и скрежетал зубами.

Я был увѣрен, что сейчас его пѣсня дѣйствительно спѣта, и что больше ему не встать.

Простояв над ним минуты двѣ и убѣдившись в том, что сторожить его больше безполезно, я быстрыми шагами направился обратно через ту же маленькую дверь во дворец, но помню ясно, что в промежуток моей стрѣльбы по Распутину по панели на улицѣ прошло два человѣка, из коих второй, услышав выстрѣл, кинулся в сторону от рѣшетки и побѣжал.

— Что дѣлать? что дѣлать? — твердил я себѣ вслух, пройдя в гостиную. Я один; Юсупов невмѣняем; прислуга в дѣло не посвящена; труп лежит там у ворот, каждую минуту может быть замѣчен случайным прохожим, и пойдет исторія. Мнѣ самому не втащить его, ибо одна мысль о возможности прикоснуться к Григорію Распутину вызывала во мнѣ отвращеніе и гадливое чувство, но медлить было нельзя.

— Нѣт, — рѣшил я, раз дѣло пошло не так, как мы разсчитывали сначала, то и дальше должно пойти своим путем. Положим, выстрѣл Юсупова в комнатах прислуга могла не слышать, но нельзя допустить мысли, чтобы два солдата, сидящіе в передней у главнаго входа могли не услыхать четырех громчайших выстрѣлов во дворѣ из моего „соважа", и я быстрыми шагами направился через тамбур к главному под'ѣзду.

При видѣ меня два сидѣвшие там солдата сразу вскочили.

— „Ребята, — обратился я к ним — я убил... При этих словах они как-то вплотную придвинулись ко мнѣ, как бы желая схватить . . . — ... я убил, — повторил я, — убил Гришку Распутина, врага Россіи и царя," — при послѣдних моих словах один из солдат, взволновавшись до послѣдней степени, бросился меня цѣловать, а

другой промолвил: — „Слава Богу, давно слѣдовало“.

— „Друзья, — заявил я, — князь Феликс Феликсович и я надѣемся на полное ваше молчаніе. Вы понимаете, что, раскройся дѣло, царица нас за это не похвалит. Сумѣете ли вы молчать?“

— „Ваше превосходительство, — с укоризной обратились ко мнѣ оба, — мы русскіе люди, не извольте сомнѣваться, выдавать не станем“.

Я обнял и поцѣловал того и другого и попросил их немедленно оттащить труп Распутина от рѣшетки во дворѣ и втянуть его в маленькую переднюю, что находилась у лѣстницы перед входом в столовую.

Распорядившись этим и узнав, куда прошел Юсупов, я направился к нему, чтобы успокоить.

Я застал его в ярко освѣщенной уборной наклонившимся над умывальной чашкой, он держался руками за голову, и без конца отплевывался.

— „Голубчик! что с вами, успокойтесь, его уже больше нѣт! Я с ним покончил! Идем со мною, милый, к вам в кабинет.“—Испытывавшій, очевидно, тошноту, Юсупов посмотрѣл на меня блуждающим взглядом, но повиновался, и я, обняв его за талію, бережно повел на его половину.

Он шел все время повторяя: — Феликс, Феликс, Феликс, Феликс... — Очевидно, что-то произошло между ним и Распутиным в тѣ короткія мгновенія, когда он спустился к мнимому мертвецу в столовую, и это случившееся сильно запечатлѣлось в его мозгу.

Мы проходили через тамбур как раз в то время, когда солдаты Юсупова втаскивали труп в переднюю там у лѣстницы, внизу.

Юсупов, увидѣв, над кѣм они возятся, выскользнул от меня, бросился в кабинет, схватил с письменнаго стола резиновую гирю, данную ему Маклаковым, и, повернувшись обратно, бросился вниз по лѣстницѣ, к трупу Распутина. Он, отравлявшій его и видѣвшій, что яд не дѣй-

ствует; стрелявшій в него и увидѣвшій, что его и пуля не взяла, — очевидно, не хотѣл вѣрить в то, что Распутин уже мертвое тѣло, и подбѣжав к нему, стал изо всей силы бить его двухфунтовой резиной по виску, с каким-то диким остервенѣніем и в совершенно неестественном возбужденіи.

Я, стоявшій наверху у перил лѣстницы, в первое мгновеніе ничего не понял и оторопѣл тѣм болѣе, что и к моему глубочайшему изумленію, Распутин даже и теперь еще, казалось, подавал признаки жизни.

Перевернутый лицом вверх, он хрипѣл, и мнѣ совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачек праваго, открытаго глаза, как будто, глядѣвшаго на меня безсмысленно, но ужасно (этот глаз я и сейчас вижу перед собою).

Но вслѣд за сим я пришел в себя и крикнул солдатам скорѣе оттащить Юсупова от убитаго, ибо он может забрызгать кровью и себя и все вокруг и в случаѣ обысков, слѣдственная власть, даже без полицейских собак, по слѣдам крови, раскроет дѣло.

Солдаты повиновались, но им стоило чрезвычайных усилій оттянуть Юсупова, который как бы механически, но с остервенѣніем, все болѣе и болѣе возраставшим, колотил Распутина по виску.

Наконец, князя оттащили. Оба солдата под руки подняли его на верх и всего сплошь забрызганнаго кровью опрометчиво усадили на глубокій кожаный диван в кабинетѣ.

На него страшно смотрѣть, до такой степени ужасен был его вид и со стороны внѣшней, но и со стороны внутренней, с блуждающим взглядом, с подергивавшимся лицом и безсмысленно повторявшим: — Феликс, Феликс, Феликс, Феликс! . . . .

Я приказал солдатам поскорѣе достать гдѣнибудь матеріи, обернуть ею плотнѣе труп с головы до ног и туго связать его спеленатаго веревкой.

Один из них принялся за исполненіе моего приказанія, а другого я позвал через нѣсколько минут на верх и, услышав от него, что стоявшій на посту, на углу Прачешнаго и Максимиліановскаго переулков городовой, приходившій освѣдомляться о том, почему здѣсь стрѣльба, через полчаса будет смѣнен другим и должен будет доложить своему начальству обо всем произошедшем в его районѣ во время его дежурства, приказал позвать его к себѣ.

Через десять минут городовой был введен солдатом в кабинет. Я быстро окинул его взглядом с ног до головы и сразу понял, что это тип служаки стараго закала, и что я допустил ошибку, позвав его к себѣ; но дѣлать было нечего, приходилось считаться со случившимся.

— „Служивый! — обратился я к нему. — Это ты заходил нѣсколько времени тому назад справиться о том, что случилось и почему стрѣляют?“—

— „Так точно, ваше превосходительство!“ — отвѣтил он мнѣ.

— „Ты меня знаешь?

— „Так точно,“ — отвѣтил он вновь,—„знаю“.

— „Кто же я такой?“

— „Член государственной думы Владимір Митрофанович Пуришкевич“.

— „Вѣрно! — замѣтил я. — А этот барин тебѣ знаком? — указал я на сидѣвшаго в том же состояніи князя Юсупова“.

— „И их знаю,“ — отвѣтил мнѣ городовой.

— „Кто это?“

— „Его сіятельство князь Юсупов“.

— „Вѣрно! Послушай, братец, — продолжал я, положив руку ему на плечо. — Отвѣть мнѣ по совѣсти: ты любишь батюшку царя и мать Россію; ты хочешь побѣды русскому оружію над нѣмцем?“

— „Так точно, ваше превосходительство, — отвѣтил он. — Люблю Царя и отечество и хочу побѣды русскому оружію“.

— „А знаешь ли ты, — продолжал я, — кто злѣйшій враг царя и Россіи, кто мѣшает нам воевать, кто нам сажает Штюрмеров и всяких нѣмцев в правители, кто царицу в руки забрал и через нее расправляется с Россіей?“

Лицо городового сразу оживилось.

— „Так точно, — говорит, — знаю, Гришка Распутин“.

— „Ну, братец, его уже нѣт: мы его убили и стрѣляли сейчас по нем. Ты слышал; но можешь сказать, если тебя спросят: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.“ Сумѣешь ли ты нас не выдать и молчать?“

Он призадумался. — „Так что, ваше превосходительство, если спросят меня не под присягою, то ничего не скажу, а коли на присягу поведут, тут дѣлать нечего, раскрою всю правду. Грѣх соврать будет“.

Я понял, что всякіе разговоры не приведут ни к чему и, узнав от него, что дежурство его кончается через полчаса, и что полицмейстером этого района является полковник Григорьев, человѣк, насколько я знал, очень порядочный и хорошей семьи, я отпустил его с миром, рѣшив положиться на судьбу в дальнѣйшем.

Вошел солдат и доложил мнѣ, что труп уже упакован.

Я спустился посмотрѣть: тѣло было плотно запеленато в какую-то синюю матерію; мнѣ показалось даже, что это была оконная занавѣска, туго перевязанная веревкой; голова была закрыта. Теперь я увидѣл, что Распутин несомнѣнно труп и ожить уже не может.

Дѣлать было нечего, приходилось терпѣливо дожидаться возвращенія великаго князя, Лазаверта и поручика С., и я, поднявшись в послѣдній раз в кабинет Юсупова и передав его в руки слуг с просьбой помочь ему немедленно обмыться, переодѣться с ног до головы и переобуться, сѣл в кресло и стал ждать.

Минут через пять послышался стук автомобиля, и великій князь со своими спутниками, быстро поднялись по лѣстницѣ со двора в кабинет.

Дмитрій Павлович, был почти в веселом настроеніи; но взглянув на меня, понял, что что-то случилось.

— Qu est ce, qui est arrivè? [1]) — озираясь вокруг, спросил он меня, я в двух словах раз'яснил пріѣхавшим, в чем дѣло, прося торопиться, но послѣдняя просьба моя была излишней: они сами поняли, что медлить было нельзя ни одной минуты и мы, поручив Юсупова полеченіям одного из его солдат, втянули труп Распутина в автомобиль великаго князя, туда же положили двѣ двухпудовыя гири и цѣпи, привезенныя мною в квартиру Юсупова этою ночью, и, усѣвшись в автомобиль, двинулись к мѣсту условленнаго потопленія трупа убитаго.

Теперь шоффером был великій князь, рядом с ним помѣстился поручик С., а в карету сѣли с правой стороны д-р Лазаверт, с лѣвой я, а на трупѣ умѣстился второй солдат из слуг Юсупова, коего мы рѣшили взять с цѣлью помочь нам сбросить в прорубь тяжелое тѣло.

Уже в пути я замѣтил, что в каретѣ оказалась и шуба Распутина и его боты.

— „Почему это не сожжено в поѣздѣ, — спросил я д-ра Лазаверта, как было условлено, и вы все это привезли обратно?"

— „Потому, — отвѣтил он, что шуба цѣликом в печь не влѣзала, само собою разумѣется, а ваша жена сочла невозможным заняться распарываніем и разрѣзываніем этой шубы на части и сжиганіем ея по кускам".

„У нее даже на этой почвѣ вышло столкновеніе с Дмитріем Павловичем, и шубу и боты так и пришлось привезти обратно. Мы сожгли его верхнюю поддевку, перчатки и, не помню, еще что-то.

— „Шубу и галоши придется выбросить с трупом в воду" — добавил он.

---

[1]) Что случилось?

— „А вы протелефонировали, господа, спросил я его вновь, в Вилла Родэ, согласно уговору?“

— „Да, конечно,—отвѣтил он, это сдѣлано“.

Мы замолкли и в таком состояніи продолжали наш путь.

Автомобиль по городу шел сравнительно медленно. Час был очень поздній, и великій князь, очевидно, опасался быстрою ѣздою возбудить какія-либо подозрѣнія полиціи.

Окна автомобиля были спущены. Свѣжій морозный воздух бодряще дѣйствовал на меня. Я был совершенно покоен, не смотря на все пережитое, но мысли одна за другою, все вертѣвшіяся вокруг Распутина и его прошлаго и тѣх усилій, которыя употреблялись даже членами императорской фамиліи для избавленія царя от этого гада, мысли отчетливыя и ясныя и картины этой борьбы против Распутина вихрем проносились в моей головѣ.

Я вспомнил мое посѣщеніе великаго князя Николая Михайловича в началѣ ноября, тотчас же по возвращеніи моем с фронта. — посѣщеніе, опять-таки, связанное с именем Распутина. Я вспомнил, как редактор „Историч. Вѣстника“ Глинскій, позвонив мнѣ по телефону, передал приглашеніе великаго князя Николая Михайловича пріѣхать к нему в любой день и час, когда мнѣ это будет удобно; вспомнил, как я боролся с самим собою: ѣхать или не ѣхать, ибо великій князь Николай Михайлович, в своих историческихъ трудах выставлявшій в крайне неприглядном видѣ своих царственных дѣдов и прадѣдов и маравшій их, мнѣ казался крайне несимпатичным.

Но я рѣшился, назначил день моего визита и поѣхал.

Меня встрѣтил в кабинетѣ дряхлѣющій лев, в генерал-ад'ютантских погонах говорившій почему-то с восточным акцентом и с первых же слов остановившійся на ужасном положеніи, в которое поставлена Россія и династія Романо-

вых, благодаря исключительному вліянію на царя через Александру Федоровну, Распутина.

Я поразился откровенностью великаго князя, с которым познакомился лишь сейчас, в момент, когда к нему вошел; но, видимо, у него в душѣ накипѣло слишком много, и он хотѣл провѣрить себя и свое настроеніе по настроенію других русских людей, иных взглядов даже и направленій, чѣм его собственное (я узнал потом от Юсупова, который у него завтракал в этот день, что через два часа послѣ моего визита, у него был с визитом Бурцев).

Он говорил сам, почти все время не останавливаясь, изрѣдка вопросительно взглядывая на меня, отвѣчавшаго ему либо одобрительным наклоненіем головы, либо коротким „да", „вѣрно", „конечно", „так".

— „Вы знаете, В. М., — говорил великій князь, — что почти вся наша семья Романовых подала Государю записку о Распутинѣ, прося взять бразды правленія над Россіей в свои руки и прекратить вмѣшательство в государственныя дѣла Императрицы Александры Федоровны, во всем инспирируемой этим хлыстом; из записки, как и слѣдовало ожидать, конечно, ничего не вышло. Я ее даже не подписал, ибо видѣл ея безцѣльность и понял, что записка спеціальная только по этому вопросу не даст результатов для дѣла, а приведет к плачевным результатам для подписавших.

— „Я сдѣлал иначе: получив серьезное порученіе от Государя и выполнив его, я написал доклад по существу порученнаго мнѣ дѣла, и в этом докладѣ ярко и выпукло, но как бы между прочим, указал на весь ужас современных общественных настроеній Россіи, с которыми хорошо знаком, — настроеній, являющихся слѣдствіем распутинскаго над Россіей „радѣнія" и вмѣшательства во всѣ дѣла чужой народу и Россіи царской жены.

— „Написав доклад, продолжал великій князь, — я, в бытность Государя в Петроградѣ,

попросил его назначить мнѣ день для личнаго и устнаго ему его изложенія, добавив царю: — боюсь, однако, что послѣ моего доклада, ты прикажешь арестовать меня и выслать подальше от столицы с казаками.

— „Развѣ доклад так страшен у тебя,“ — отвѣтил мнѣ Государь назначая день, — „ну что дѣлать, прослушаем, надѣюсь, все обойдется мирно.“ И я ему доложил, а в результатѣ — ко мнѣ немилость, опала и полное охлажденіе. „Хотите, закончив разсказ, обратился великій князь, я вам прочту этот доклад“. — Я выразил желаніе его прослушать, и Николай Михайлович прочел мнѣ небольшую, но очень сильно и рѣзко написанную записку, в коей обращалось вниманіе Государя на то, что в случаѣ дальнѣйшаго вмѣшательства Александры Федоровны и Распутина в государственныя дѣла, династіи грозит гибель, а Россійской Имперіи — катастрофа.

Я вспомнил, что, когда великій князь кончил чтеніе записки, я нѣсколько минут, под впечатлѣніем прослушаннаго, сидѣл, как загипнотизированный, и пришел в себя только послѣ того, как великій князь, предлагая мнѣ сигару, добавил: — „Вы знаете, этот доклад я представил императрицѣ Маріи Федоровнѣ, находящейся в Кіевѣ, через князя Шервашидзе, и хотите знать о нем мнѣніе матери-царицы? — Вот оно,“ — и, порывшись в бумагах, великій князь дал прочесть мнѣ телеграмму. В ней стояло только три слова французскими буквами и подпись: „браво, браво, браво! Марія“. „Но осторожный Шервашидзе, добавил великій князь, повидимому, боялся оставить среди бумаг старой царицы столь компрометирующую бумагу, как моя записка, и вот при этом письмѣ ко мнѣ (Николай Михайлович протянул мнѣ письмо Шервашидзе), выражающем опасеніе, что я могу остаться без нужнаго для меня документа, возвратил мнѣ мою записку, вызвавшую столь яркое сочувствіе и одобреніе мнѣ со стороны царицы-матери“ . . .

Вот, что припомнилось мнѣ сейчас в каретѣ,

когда в ногах моих лежал бездыханный труп „старца", котораго мы увозили к мѣсту его вѣчнаго упокоенія.

Я выглянул в окошко. Мы выѣхали уже за город, о чем говорили окружающіе дома и безконечные заборы. Освѣщеніе вокруг было крайне скудное. Дорога стала скверной, попадались ухабы, на которых лежавшее у наших ног тѣло подпрыгивало, несмотря на сидѣвшаго на нем солдата, и я чувствовал, как по мнѣ пробѣгала нервная дрожь всякій раз, когда на ухабѣ моего колѣна касался мягкій и еще не успѣвшій, несмотря на мороз, окончательно застыть отвратительный для меня труп.

Наконец, вдали показался мост, с котораго мы должны были сбросить в прорубь тѣло Распутина.

Дмитрій Павлович замедлил ход, в'ѣхал на мост с лѣвой стороны и остановился у перил.

Яркіе фонари у автомобиля на одно мгновеніе ударили снопом своего свѣта в сторожевую будку, находившуюся на той сторонѣ моста справа, но вслѣд за сим великій князь потушил огонь, и даль очутилась во мракѣ. Мотор машины продолжал стучать на мѣстѣ.

Безшумно, с возможною быстротой открыв дверцы автомобиля, я выскочил наружу и встал у самых перил, за мною послѣдовали солдат и д-р Лазаверт; к нам подоспѣл сидѣвшій рядом с великим князем поручик С., и мы вчетвером (Дмитрій Павлович стоял перед машиной на сторожѣ), раскачав труп Распутина, с силой бросили его в прорубь, бывшую у моста, позабыв привязать к трупу цѣпями гири, каковыя побросали вслѣд за трупом впопыхах одну за другой, а цѣпи засунули в шубу убитаго, каковую также бросили в ту же прорубь. За сим, обшарив впотьмах автомобиль и найдя в нем один из ботов Распутина, д-р Лазаверт швырнул его также с моста.

Все это было дѣлом не болѣе двух-трех минут, послѣ чего в автомобиль сѣли д-р Лазаверт,

поручик С. и солдат, а я умѣстился рядом с Дмитріем Павловичем, и мы зажгли опять огни в автомобилѣ, двинулись через мост дальше.

Как мы не были замѣчены на мосту, представляется мнѣ и по сей день до нельзя удивительным, ибо, проѣзжая мимо будки, мы замѣтили около нее сторожа, который однако спал крѣпким сном и не проснулся, повидимому, даже в тот момент, когда, в'ѣхав на мост с трупом, мы внезапно освѣтили его будку и направили свѣт фонарей и на него самого.

Проѣхав мост, великій князь пустил автомобиль быстрѣе, но машина была у него не в порядкѣ, мотор давал перебои и приходилось даже нѣсколько раз останавливаться, ибо машина не хотѣла двигаться вперед.

Д-р Лазаверт в таких случаях соскакивал, возился у свѣчек автомобиля, прочищал их, и мы кое-как вновь пускались в путь.

Послѣдняя починка и остановка случилась с нами на Каменноостровском проспектѣ, почти насупротив Петропавловской крѣпости, гдѣ починившись, мы двинулись уже скорѣе и благополучно прибыли во дворец Сергѣя Александровича, гдѣ проживал Дмитрій Павлович.

По дорогѣ я разсказал великому князю обо всем, что произошло во дворцѣ Юсупова в часы, когда Дмитрій Павлович уѣхал сжигать вещи убитаго, и, закончив свой разсказ, сказал ему: — „А вы знаете, Дмитрій Павлович, я считаю большой ошибкой с нашей стороны то, что мы кинули труп в воду, а не оставили его гдѣ-нибудь на виду. Мнѣ кажется, что могут появиться лже-Распутины, т. к. это ремесло довольно выгодное".

— „Может быть, вы и правы, — замѣтил великій князь, — но вѣдь сдѣланнаго не передѣлаешь".

В'ѣхав в ворота дворца, мы, выходя из автомобиля, к крайнему изумленію нашему нашли в нем второй незамѣченный нами бот Распутина,

и усмотрѣли на коврѣ, устилавшем автомобиль, пятна просочившейся крови убитаго.

Великій князь приказал своей прислугѣ, встрѣтившей нас у крыльца и производившей на меня впечатлѣніе посвященной во все дѣло, сжечь ковер и галошу Распутина, послѣ чего поручик С., д-р Лазаверт и я распрощались с Дмитріем Павловичем и, выйдя из дворца, на двух извозчиках отправились на Варшавскій вокзал, поручик С. забрать оттуда свою жену, которая в теченіе этой ночи находилась у моей жены, а я и д-р Лазаверт уснуть в теченіе тѣх нѣскольких часов, которые оставались нам до посѣщенія моего поѣзда с цѣлью его осмотра членами Государственной Думы, которые должны были прибыть на вокзал в 9 часов утра.

Был уже 6-й час утра, когда, расчитавшись с извозчиком на мосту варшавскаго вокзала, мы пробрались к своему вагону, нас никто не замѣтил, все вокруг спало мертвым сном.

В коридорѣ вагона, при видѣ нас, мелькнула бѣлая, сестринская косынка моей жены, ожидавшей нашего возвращенія, и мы безшумно проскользнули каждый в свое купэ, гдѣ я тотчас же заснул, не раздѣваясь!

Еще не было половины девятаго в день 27-го декабря, когда, кто бы сказал, свѣжіе и бодрые, несмотря на проведенную ночь, мы с доктором Лазавертом, разставив дневальных санитаров у вагонов, стали поджидать думских гостей; они явились в началѣ десятаго с А. С. Шингаревым, как врачем, во главѣ, и детальнѣйшій осмотр поѣзда длился почти до полудня, при чем оба мы давали гостям всѣ нужны разъясненія, характеризуя работу наших отрядов.

В началѣ перваго члены Государственной Думы уѣхали, а я, сѣв на автомобиль, заѣхал к матери попрощаться, да заѣхать в Государственную Думу, чтоб послать телеграмму в Москву В. Маклакову. „Когда пріѣзжаете?“ обозначавшую, как было обусловлено, что „Распутин убит“.

Из Государственной Думы я проѣхал во дворец принца Ольденбургскаго, с цѣлью увидать управляющего его канцеляріей генерала Кочергина и, наконец, в четвертом часу, заѣхал еще на Инженерную, в главное управленіе Креста, чтобы встрѣтиться с управляющим его дѣлами — Чаманским.

Всѣ эти визиты, изыскивая для них предлог, я, не нуждавшійся уже рѣшительно ни в чем для поѣзда, дѣлал с единственною цѣлью для того, чтобы меня сегодня с самаго ранняго утра видѣли за обычным дѣлом посторонніе мнѣ люди разнообразных профессій и классов общества и могли бы, если бы понадобилось, удостовѣрить, что я был таким же сегодня, каким они меня знали всегда.

В пятом часу вечера я возвратился на поѣзд, погрузил и второй мой автомобиль, отдав распоряженіе в своей канцеляріи добиться у администраціи дороги отхода моего поѣзда не позже 8 часов вечера, но едва я успѣл у себя в поѣздѣ сѣсть за стол со всѣм персоналом моего отряда, как слышу под'ѣзжает автомобиль, и поручик С., выйдя из него, направляется ко мнѣ.

Мы прошли в мое купэ, гдѣ С. передал мнѣ просьбу Дмитрія Павловича немедленно пріѣхать к нему во дворец.

Я сѣл с ним в автомобиль, и мы поѣхали.

Во дворцѣ я застал, кромѣ хозяина, еще и Юсупова, оба они были чрезвычайно взволнованы, пили чашку за чашкой черное кофе и коньяк, заявив, что не ложились спать вовсе этой ночью и что день провели до нельзя тревожно, ибо императрица Александра Федоровна уже освѣдомлена об исчезновеніи и даже смерти Распутина и называет нас виновниками его убійства.

Фрейлина Головина, секретарша Распутина, сообщила, куда поѣхал Григорій Ефимович вечером, вся полиція и все сыскное отдѣленіе уже поставлены на ноги, в цѣлях розыскать труп убитаго и найти всѣ нити этого дѣла.

— „Я,— замѣтил мнѣ Юсупов, должен был из-за этого гада застрѣлить одну из лучших моих собак и уложить ее на том мѣстѣ во дворѣ, гдѣ снѣг окрасился кровью убитаго вами „старца“.

— „Сдѣлал я это на случай, если наши шерлокихолмсы, попав на вѣрный слѣд исчезнувшаго Распутина, пожелают анализировать кровь или прибѣгнуть к полицейским собакам. Я, закончил он, всю оставшуюся часть ночи провел с моими солдатами над приведеніем дома в порядок, а теперь, как видите, В. М., мы сочиняем письмо Александрѣ Федоровнѣ с Дмитріем Павловичем, которое и надѣемся сегодня же ей доставить“.

Я принял участіе в дальнейшем изложеніи этого письма, которое мы и закончили часа через полтора послѣ моего прибытія.

Когда письмо было закончено и запечатано, Дмитрій Павлович вышел из кабинета отправить его по назначенію, хотя мы всѣ трое чувствовали нѣкоторую неловкость друг перед другом, ибо все в письмѣ написанное было умѣло продуманной ложью и изображало нас в видѣ незаслуженно оскорбленной добродѣтели.

Воспользовавшись его уходом, я спросил Юсупова: — „скажите, князь, что произошло у вас с Распутиным в тѣ немногія минуты, когда вы в послѣдній раз спустились в столовую, откуда мы ушли всѣ вмѣстѣ, как вы помните, оставив его, казалось, при послѣднем издыханіи на холодном полу?“

Юсупов болѣзненно усмѣхнулся: — „Произошло то, — отвѣтил он мнѣ, — чего я не забуду во всю мою жизнь: спустившись в столовую, я застал Распутина на том же мѣстѣ, я взял его руку, чтобы прощупать пульс, — мнѣ показалось, что пульса не было, тогда я приложил ладонь к сердцу—оно не билось, но вдруг, можете себѣ представить мой ужас, Распутин медленно открывает во всю ширь один свой сатанинскій глаз, вслѣд за сим другой, впивается в меня взглядом непередаваемаго напряженія

и ненависти и со словами: „Феликс! Феликс! Феликс!“ вскакивает сразу, с цѣлью меня схватить, я отскочил с поспѣшностью, с какой только мог, а что дальше было,—не помню“.

В эту минуту возвратился великій князь Дмитрій Павлович, и я, попрощавшись и обнявшись с ним, Юсуповым и поручиком С., уѣхал в автомобилѣ великаго князя обратно в поѣзд, а в 10 час. вечера двинулся в путь на фронт, покинув русскую столицу, которую предполагали покинуть на слѣдующій день и Дмитрій Павлович и Юсупов, собиравшійся к женѣ в Крым в Кореиз.

Таков был ход событій всего происшедшаго с вечера 16-го декабря по вечер 17-го...

. . . .

Свѣтает. Я дописываю эти строки при первых проблесках зарождающагося зимняго дня.

Еще темно, но я чувствую, что день уже близок. Я не могу заснуть. Вихрем проносится в разгоряченном мозгу моем рой быстро смѣняющих одна другую мыслей. Я не могу забыться; я думаю о будущем, не мелком, не личном: нѣт, а о будущем того великаго края, который дороже мнѣ семьи и жизни, — края, который зову Родиной.

Боже мой! Как темно грядущее в эти тяжелые годы ниспосланных нам рукою Всевышняго бранных испытаній!

Вынесем ли мы всю тяжесть бремени духовной непогоды или обезсилим, и уставшіе и измученные, вѣру в себя потерявшіе, утратим и то мѣсто в мірѣ, которое занимали мы в теченіе многих вѣков нашего историческаго существованія.

Кто скажет? Кто отвѣтит? Кто сдернет завѣсу и разсѣет туман, застилающій грядущія дали?

Великій-ли мы народ, способный в руслѣ національной рѣки пробивать себѣ путь вперед, поглощая в водах своих другія племена и мелкіе народы, или?... Или для нас все кончено, и мы,

изжившіеся, измельчавшіе и растлѣнные ходом времени, обречены стать лишь ареною борьбы между собою других племен, других народов, почитающих славянство низшею расою, способною лишь утучнять чужія поля стран, шествующих по костям его к свѣту, к знанію и к міровому господству, коего нам достичь судьбою не дано.

Кто скажет? Кто отвѣтит? Кто предрѣчет поток событій в густом молочном туманѣ просыпающагося дня?

18 декабря 1916 г.
В пути.

Ген. от кавалеріи Влад. Александр. Сухомлинов,

б. н—к. Штаба Кіевскаго Воен. Округа (при ген. Драгомировѣ), н—к. Ген. Штаба и, печальной памяти, Военн. Министр в эпоху вел. войны.

С несомнѣнным природным умом соединившій военно-научную отсталость и удивительное легкомысліе, опортунист и типичный царедворец. Женат на красавицѣ, разведенной женѣ нѣкоего Бутовича, особѣ не разборчивой в средствах и знакомствах, дал обильную пищу сплетням и слухам, по обвиненію в государственной измѣнѣ (дѣло полк. Мясоѣдова, Алтшулера, Гольдштейна, Фрейдберга).

Был предан суду и отставлен от должности.

В настоящее время этот преклонный старик скромно проживает в Германіи, гдѣ недавно изданы на нѣмецком и русском языкѣ его „Мемуары", в которых с настойчивостью, достойной в свое время лучшаго примѣненія, занят реабилитаціей своей дѣятельности.

По слухам, жена его разстрѣляна большевиками.

Крестовскій остров

+ **Мѣсто, гдѣ найден труп Распутина**
○ Дворец князей Бѣлозерских
◘ Ст. Петровскій Дворец

23 декабря 1916 г.

Великій Князь Николай Михайлович обратился с слѣдующим письмом к Государю:

— „Ты неоднократно выражал твою волю довести войну до побѣднаго конца.

Увѣрен ли ты, что при настоящих тыловых условіях это выполнимо?

Освѣдомлен ли ты о внутреннем положеніи не только внутри имперіи, но и на окраинах?

Говорят ли тебѣ всю правду или же многое скрывают? Гдѣ кроется корень зла?

Разрѣши в кратких словах выяснить тебѣ суть дѣла.

Пока производимый тобой выбор министров при таком же сотрудничествѣ был извѣстен только ограниченному кругу лиц, дѣло еще могло идти, но раз способ стал извѣстен всѣм и каждому, и об этих методах распространилось во всѣх слоях общества, так дальше управлять Россіей немыслимо.

Неоднократно ты мнѣ говорил, что тебѣ некому вѣрить, что тебя обманывают.

Если это так, то же явленіе должно повториться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся, благодаря злостному сплошному обману окружающей ея среды.

Ты вѣришь Александрѣ Федоровнѣ. Оно и понятно. Но что исходит из ея уст, есть ре-

зультат ловкой подтасовки, а не дѣйствительной правды.

Если ты не властен отстранить от нея это вліяніе, то по крайней мѣрѣ огради себя от постоянных систематических вмѣшательств этих нашептываній через твою супругу.

Если твои убѣжденія не дѣйствуют, — а я увѣрен, что ты уже неоднократно боролся с этим вліяніем,—постарайся изобрѣсти другіе способы, чтобы навсегда покончить с этой системой.

Твои первые порывы и рѣшенія всегда замѣчательно вѣрны и попадают в точку.

Но как только являются другія вліянія, ты начинаешь колебаться и послѣдующія твои рѣшенія уже не тѣ.

Если бы тебѣ удалось удалить это постоянное вторженіе во всѣ дѣла темных сил, сразу началось бы возрожденіе Россіи, и вернулось бы утраченное тобой довѣріе громаднаго большинства подданных твоих. Все послѣдующее быстро наладится само собой.

Ты найдешь людей, которые при измѣнившихся условіях согласятся работать под твоим личным руководством.

Когда время настанет, — а оно уже не за горами, — ты сам с высоты престола можешь даровать желанную отвѣтственность министерства перед тобой и перед законодательными учрежденіями.

Это сдѣлается просто, само собой, без напора извнѣ и не так, как совершился достопамятный акт 17-го октября 1905 года.

Я долго колебался открыть тебѣ всю истину, но послѣ того, как твоя матушка и обѣ сестры меня убѣдили это сдѣлать, я рѣшился.

Ты находишься наканунѣ эры новых волненій, — скажу больше: наканунѣ эры покушеній.

Повѣрь мнѣ: если я так напираю на твое собственное освобожденіе от создавшихся оков, то я это дѣлаю не из личных побужденій, которых у меня нѣт,—в этом ты уже убѣдился и Ея Величество тоже,—а только ради надежды и упо-

ванія спасти тебя и твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых послѣдствій". (Письмо датировано 1-го ноября 1916 г.)

30 декабря 1916 г.

По тѣм или иным соображеніям, только спустя 12 дней послѣ убійства Пуришкевич нашел возможным отмѣтить в дненникѣ о том важном фактѣ, что участники заговора сдѣлали личное заявленіе министру юстиціи об убійствѣ ими Распутина.

Надо было принять какое нибудь рѣшеніе.

Доктор Лазаверт внес предложеніе немедленно заявить министру юстиціи об убійствѣ Распутина, что было принято единогласно и тут же было рѣшено снестись по телефону с министром юстиціи А. А. Макаровым о предстоящем визитѣ всѣх трех.

Вызов министра по телефону оказался не таким легким дѣлом, пошли безконечные разговоры и торг с курьером министра, так как, очевидно, он ни за что не хотѣл будить его в 5 часов утра, все это отняло массу времени, подѣйствовало только категоричное заявленіе, что его высочество великій князь Дмитрій Павлович должен немедленно переговорить с министром.

Курьер заявил, что он пробудет доложить...

Минуты казались вѣчностью, пока министр подошел к телефону.

—„У телефона член Государственной Думы Пуришкевич, Владимір Митрофанович, простите ваше высокопревосходительство за безпокойство в такой неурочный час. Случилось событіе большой государственной важности. . . о котором по телефону неудобно распространяться. Разрѣшите нам немедленно: мнѣ, его высочеству великому князю Дмитрію Павловичу, его сіятельству графу Феликсу Сумарокову—

Эльстон—князю Юсупову к вам пріѣхать и лично обо всем доложить...", стараясь возможно спокойным голосом сказал я.

—„А в чем дѣло?"—взволнованно еще раз спросил министр.—„Я повторяю, дѣло государственной важности и не терпит отлагательства, — не в состояніи себя болѣе сдерживать", заявил я.

Повидимому, боясь отказа, трубку схватил Дмитрій Павлович, заявив, что настойчиво просит его принять.

Это возымѣло дѣйствіе и он заявил, что ждет у себя нас в своей квартирѣ по Итальянской улицѣ.

Сѣв на тот же управляемый доктором Лазавертом автомобиль всѣ трое помчались на пріем к министру, который нас ждал уже одѣтый в своем просторном кабинетѣ.

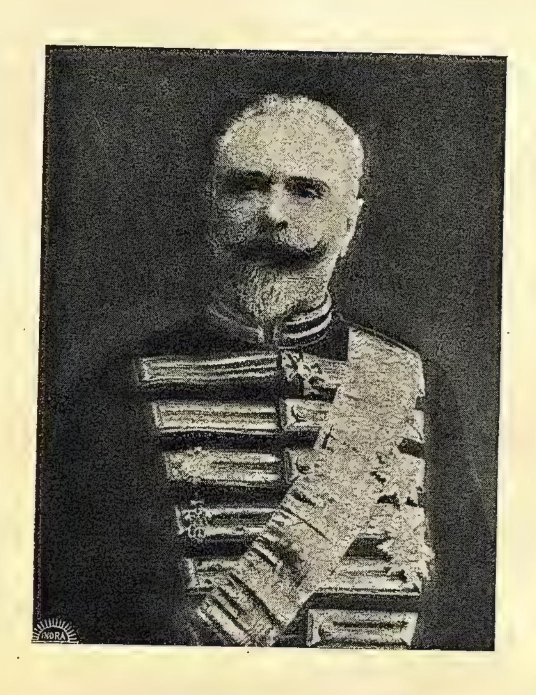
Было около полчаса седьмого.

Не садясь (и сам министр стоял), я обратился к нему с заявленіем: — „Ваше высокопревосходительство, побужденные чувством любви к своему монарху и долгом патріотизма перед своей родиной, мы всѣ трое сообща с заранѣе обдуманным намѣреніем убили извѣстнаго вам мерзавца и подлеца Григорія Распутина"...

От неожиданности Макаров, повидимому, опѣшил, почему задал такой пелѣный вопрос — „то есть, как убили?"

— Очень просто — замѣтил я; убили и труп его уничтожили . . . Кончено, Распутина больше нѣт...

— Доведя до свѣдѣнія об этом вашему высокопревосходительству, как министру юстиціи и генерал-прокурору Правительствующаго Сената, осмѣливаемся просить вас, в виду того, что у каждаго из нас имѣются общественныя обязанности, требующія нашего присутствія, не подвергать нас лишенію свободы, а отпустить нас под честное слово о явкѣ по вашему первому требованію или требованію соотвѣтствующих властей — доказательством, до чего растерялся министр, может служить то, что он сразу не

† Б. В. Штюрмер.

Род. в 1854 г. в обрусѣвшей нѣмецкой семьѣ, кончил Петрогр. Университет и долгое время служил по церемоніальной части придворнаго вѣдомства и дальнѣйшую карьеру сдѣлал исключительно путем закулисных интриг и крайней угодливостью перед „власть имущими", не обладая ни умом, ни знаніем, ни даже трудолюбіем

В 1895 г. послѣ разгрома Тверского Земства назначен предсѣдателем Тверской Губернской Управы. Потом был Новгородским и Ярославским губернатором, наконец —Директором Департам. Общих Дѣл при Плеве, цѣнившаго в нем безгласнаго и безпринципнаго исполнителя.

Послѣ убійства Плеве, сошел со сцены, числился член. Госуд. Совѣта и закулисными интригами укрѣплял свое придворное положеніе.

Пресмыкаясь перед Распутиным, в 1916 г. назначен Минист. Внутренних Дѣл (послѣ Хвостова), а с увольненіем Горемыкина — предсѣд. Сов. Мин. Не разбираясь совершенно в дѣлах и не считаясь с обстоятельствами времени, он ознаменовал свое нахожденіе у власти массой нелѣпых и произвольных распоряженій, при нем особенно усилилась „министерская чехарда", т. е. постоянная и неосновательная смѣна руководителей вѣдомств.

Несмотря на это к изумленію русских и союзнических кругов назначен лѣтом 1916 г. Министром Иностр. Дѣл, не имѣя о дипломатіи ни малѣйшаго понятія.

По настоянію послов Англіи — Бьюкенена и Франціи — Палеолога в январѣ 1917 г. был уволен.

При революціи был арестован и заключен в Петропавловскую крѣпость и там умер от мочеотравленія незадолго до большевистскаго переворота.

нашел, что отвѣтить и, точно не допуская возможности убійства Распутина, он отрывочными вопросами старался выяснить обстоятельства, сопровождавшія убійство. Удовлетворить в деликатной формѣ высказанное требованіе министра, гдѣ произошло убійство, кто именно из трех нас убил Гришку и гдѣ труп убитаго — мы уклонились, заявив о самом только фактѣ.

Нѣсколько придя в себя, министр просил нас садиться и об'яснил, что освободить нас не может, что не для того писаны законы, чтобы он, как министр юстиціи, их не исполнял и обязан подвергнуть нас всѣх троих аресту домашнему.

Я от лица всѣх заявил готовность идти на эту мѣру пресѣченія и тут же должен был по предложенію министра набросать слѣдующее заявленіе:

Его Высокопревосходительству
Г-ну Министру Юстиціи Россійской Имперіи.

Заявленіе.

Настоящим нижеподписавшіеся: член Государственной Думы Владимір Митрофанович Пуришкевич, Его Высочество великій князь Дмитрій Павлович Романов и князь Феликс Юсупов—граф Сумароков-Эльстон доводят до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства, что в ночь на 17 дек. 1916 г. в Петроградѣ по взаимному между собою сговору и всѣ сообща убили крестьянина села Покровскаго Тобольской губерніи, Григорія Ефимовича Новых.

Под этим заявленіем первым подписался я, подписался „Дмитрій Романов“ великій князь и стоя набросал обычную свою подпись — „Феликс Юсупов“. Министр прочитал указанное выше заявленіе, положил на углу резолюцію:

„Впредь до особаго распоряженія подвергнуть указанных в сем лиц домашнему аресту с отобраніем от них подписки о не выѣздѣ из Петрограда А. М.“

И подписавши эту собственноручную резолюцію, министр написал: — „о состоявшемся постановленіи об'явлено", послѣ чего он попросил нас еще раз подписаться.

По окончаніи всѣх этих формальностей, не подавая друг другу руки, мы отвѣсили глубокіе взаимные поклоны и всѣ трое очутились быстро на улицѣ и, сѣв в автомобиль, помчались обратно в штаб квартиру исполнительнаго комитета в особняк графа Сумарокова-Эльстон гдѣ, быстро обсудил все создавшееся, пришли к заключенію, что оставаться в столицѣ, гдѣ отсутствует сильная поддержка, гдѣ возможны всякія неожиданности, далеко не безопасно, рѣшили раз'ѣхаться, при чем мнѣ на фронт, графу в имѣніе к женѣ и только одному Дмитрію Павловичу рѣшено было остаться в столицѣ.

Горячо и тепло распростились; граф Сумароков с первым поѣздом выѣхал в Москву и далѣе в имѣніе; сообщить я успѣл только по телефону домой и поспѣшил выѣхать на фронт, только великій князь остался в Петроградѣ ждать дальнѣйших событій.

12 января 1917 г.

По распоряженію Императора великій князь Дмитрій Павлович выслан в Персію в дѣйствующій отряд Генерала Баратова.

Князь выѣхал в сочельник в сопровожденіи флигель-ад'ютанта Кутайсова.

Всѣ опасались организованнаго покушенія на царственнаго юношу со стороны распутинской партіи. Родственники усиленно просили Кутайсова об охранѣ.

Петроград стал очень нервен, очень взбалмучен в послѣдній мѣсяц. Политическая его атмосфера раскаляется.

И даже безпечные люди, отмахивающіеся от всякой политики, даже они должны говорить и думать о том, что происходит.

И наша исторія — стала вдруг темна и непонятна и бѣшенный шквал слухов разразился с особенной силой.

И настроеніе в них звучит совсѣм особенное.

К. П. пишет, что надняхъ по столицѣ полѣзли зловѣщіе слухи, что яко бы Дмитрій Павлович по вступленіи в отряд Баратова отравлен на смерть. Государь немедлено телеграфировал Баратову, что он своей головой отвѣчает за жизнь великаго князя.

В. М. Пуришкевич.

(По личным воспоминаніям).

В. М. Пуришкевич родился в 1870 г. в Бессарабіи, обучался в Одесском Унив., но окончил Историко-Филологическій Институт в Петроградѣ.

Послѣ кратковременной службы посвятил себя земской работѣ и в 1906 г. избран членом Гос. Думы от Бессарабской губерніи, заняв мѣсто в рядах крайней правой фракціи. Затѣм был избираем во 2, 3 и 4 Думы, в послѣднюю уже от Курской губерніи.

Он был одним из дѣятельнѣйших думцев, стяжавшим громкую извѣстность своими многочисленными выступленіями, далеко не всегда соотвѣтствующими общественным настроеніям и желаніям, но всегда яркими. . .

Со времени начала войны, В. М. Пуришкевич совершенно отказался от политики и всю свою энергію отдал фронту в работѣ по уходу за больными и ранеными и устройству питательных пунктов для солдат. Результаты его дѣятельности были безпримѣрны и популярность его в войсках была огромна.

Вмѣстѣ с нею значительно измѣнилось к лучшему отношеніе к нему и общественных дѣятелей, даже лѣвых: достаточно вспомнить про его дружбу с кн. В. Головани, тоже думцем из эс'эров, который работал с ним вмѣстѣ на фронтѣ. Послѣ развала войск и февральской революціи, В. Пуришкевич вновь стал участвовать в основанном им еще в 1916 г. обществѣ „Государственной карты Россіи", постепенно принявшем конспиративный характер, в особенности со времени апрѣльскаго выступленія большевиков (отставка Милюкова). Это общество сыграло значительную роль при подготовкѣ Корниловскаго выступленія, как извѣстно, ускорившаго большевицкій переворот. . . По наступленіи послѣдняго, В. Пуришкевич был освобожден из тюрь-

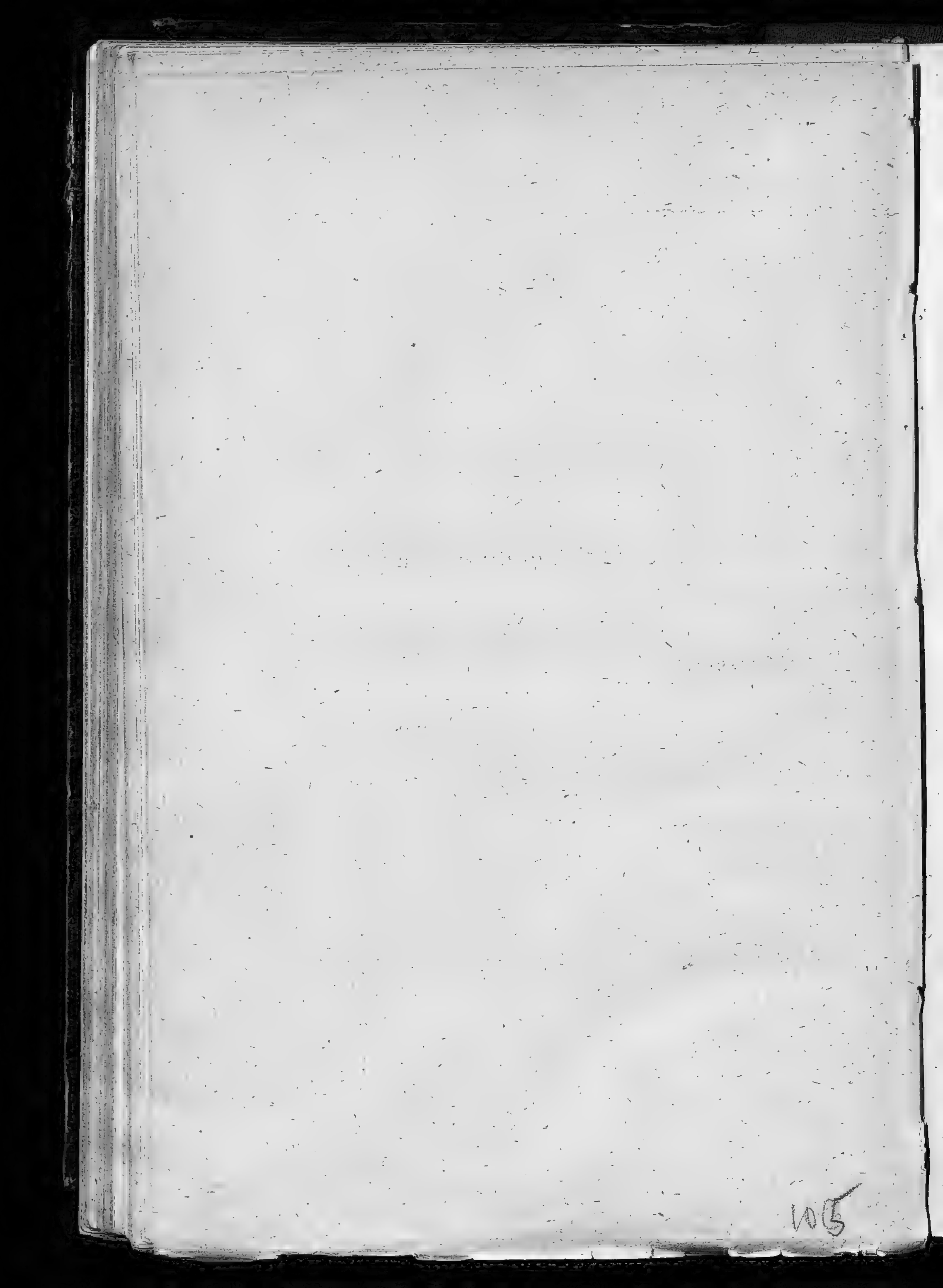
мы, в которой находился около двух мѣсяцев при Керенском, как корниловец, и уѣхал из Петрограда на юг Россіи. Весною 1918 г. он умер в Одессѣ от сыпного тифа, избѣжав, к счастью, болѣе мучительной и насильственной смерти. В. М. Пуришкевич был человѣком далеко не заурядным. Он обладал громадной иниціативой, чрезвычайно обширным и разносторонним образованіем и начитанностью (в особенности, по исторіи и классической литературѣ), большим ораторским талантом, и обнаруживал на всѣх поприщах не совсѣм обычную для русских неутомимую дѣятельность... Но был у него и недостаток, в значительной мѣрѣ сводившій к нулю его таланты и дѣятельность: это неустойчивость мышленія, так назыв. „отсутствіе задерживающих умственных центров". Увлекаясь какой либо идеей, он доводил ее до послѣдних крайних предѣлов, иногда до абсурда, и казался фанатиком, неспособным на твердое отношеніе к жизни. Это свойство в особенности ярко сказалось в его политической дѣятельности 1906—1914 года, когда он, предвидя неминуемую в Россіи революцію со всѣми ея послѣдствіями боролся с нарастающим революціонным настроеніем не только в его отрицательных проявленіях но и во всѣх теченіях общественной мысли, казавшихся ему причастными к этому настроенію.

Но во всѣх своих дѣйствіях и словах он был неизмѣнно искрен и честен. Никогда и ни при каких условіях не преслѣдовал он скрытых цѣлей, тѣм болѣе — в видах личной для себя пользы. Это был в полном значеніи слова — неподкупный рыцарь, господин своего слова.

В послѣдній раз мнѣ пришлось видѣть его 16 іюня 1917 г. когда он был у меня вмѣстѣ с своим другом и сотрудником д-ром Лазавертом, по дѣлам того-же общества „Государственной карты". Он сильно был озабочен усилившимся развалом фронта и антагонизмом между офицерским и солдатским составом. . .

Мир его праху!

Кн. С. Мансырев.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА И ПАМФЛЕТЫ 1894—1918 г.

IV. часть

Прилагаемые сатиры и памфлеты — одни из весьма многочисленных, которые, при наличіи цензуры в Россіи, не могли быть напечатаны, но ходили по рукам и зачастую пользовались большою извѣстностью в высших, по преимуществу — служебных кругах Петрограда во время Николая II. Большею частью они написаны лицами высокопоставленными; в числѣ авторов есть: сенаторы, придворные, депутаты Г. Думы. Уже из этого обстоятельства видно, что темныя, часто нелѣпыя стороны послѣдняго царствованія бросались в глаза и осуждались тѣми лицами, которые, казалось-бы, по своему положенію, дожны были-бы стоять на стражѣ интересов верховной власти и оберегать ее от нападок и высмѣиванія.

Приводимые памфлеты извлечены из бумаг В. Пуришкевича.

† Великій Князь Николай Михаиловичъ

род. 14 апр. 1859 года, сын великаго князя Михаила Николаевича, внук Императора Николая I. Один из либеральнѣйших князей, обратившійся к Императору Николаю II с ходатайством о дарованіи отвѣтственнаго министерства. Извѣстный историк, оставившій ряд цѣнных научных изысканій. Разстрѣлян большевиками.

Пріем депутацій.

Депутатам от сословій,
Областей и городов
Царь, без дальних предисловій,
Заявляет пару слов:
„За подарки поздравленья,
От души благодарю;
Чувств покорных из'явленіе
Любо русскому царю.
Но я вам сказать обязан —
Извините, господа:
Конституціею связан —
Я не буду никогда.
Получил я по преемству
Абсолютнѣйшую власть —
И, вы думаете, земству
Уступлю я хоть бы часть.
Да с чего вообразили,
Что такой я либерал.
Видно, скоро вы забыли,
Как отец мой управлял.
И вы слушайте, дворяне,
И крестьяне, и купцы,
И вы, эй, там Тверитяне,
Либеральные земцы:
Мнѣ не нужны депутаты;
Нужны русскому царю —
Лишь казенныя палаты.
Я открыто говорю".

(Февраль 1895 г.)

Первый-же год царствованія Николая II, от котораго ожидалась замѣна реакціоннаго режима его отца болѣе либеральным, преподнес русскому обществу горькое разочарованіе: на пріемѣ депутацій от земств и городов, Николай II произнес знаменитую фразу о недопустимости „безсмысленных мечтаній," выразившихся в указаніи на необходимость призыва к управленію свѣдущих людей из общественных кругов.

Особенно ярко эта мысль была высказана в адресѣ Тверской депутаціи.

К назначенію И. Л. Горемыкина мин. внутренних дѣл.

Друг, не вѣрь пустой надеждѣ:
Говорю тебѣ, не вѣрь:
Горе мыкали мы прежде,
Горе мыкаем теперь.
Граф Валуев горе мыкал,
Мыкал горе Маков-цвѣт,
Но немного он намыкал
И увял во цвѣтѣ лѣт. . .
Мыкал горе Лорис сам,
И, в Европѣ угасая,
Горемыкой умер там.
Граф Игнатьев тут на смѣну
На Лориса мѣсто сѣл:
Повернулся, мыкнул горе —
И не долго усидѣл. . .
А Игнатьеву на смѣну
Горе мыкать стал Толстой,
От усердья лѣз на стѣну
И намыкал. . . ой, ой, ой!
По примѣру-же Толстого
Мыкал горе Дурново.
Дурно во как это было —
И прогнали Дурново. . .
Так не вѣрь пустой надеждѣ,
Говорю тебѣ, не вѣрь,
Горемыки были прежде —
Горемыкин стал теперь!

(Конец 1895 г.)

Наша гордость.

Так, всѣ гордятся славные
Народы міра главные,
Кто — роскошью, кто дивами,
А кто — прерогативами. . .
А мы? Самодержавіем,
Поповским православіем,
Насиліем, безправіем,
Различных царств коронами,

Остзейскими баронами,
Иванами Кронштатскими,
Прицессами Дармштатскими,
Саксонскими, Кобургскими,
А также — Ольденбургскими,
И прочими, и прочими,
До тайных ссуд охочими.
Курсисткой, забастовкою,
Скандалом, потасовкою,
Пожарами, засухами,
Да Гессенскими мухами. . .
Весеннимъ причитаніем
Над молодой царицею,
Рождающей с стенаніем
Дѣвицу за дѣвицею.
Машиной просвѣщенія
С развинченными гайками,
Орудіем внушенія —
Казацкими нагайками.

Пріем членов IV Думы в Зимнем Дворцѣ в декабрѣ 1912 г.

„Вы откуда братцы?“ — Мы
Из далекой Костромы.
„А откуда взялись вы?“
— Мы из матушки — Москвы.
„По фамиліи каков?
— Знаменитый Маклаков.
„Губернатор“? — Его брат,
— Не совсѣм не демократ.
„Молодец, я очень рад.
Из столицы люди есть?
Их как будто было шесть“.
Точно так, но здѣсь один,
Самый крупный господин,
То Калугин. Из Калуги,
Велики его заслуги.
„Ну а кто из казаков?“
— Вот пріѣхал Воронков,
„Очень рад, но отвѣчай-ка?
Гдѣ висит твоя нагайка?

Поѣзжайте-ж, члены Думы
Поскорѣй, да без шума,
Вы на праздники домой:
Вот совѣт вам царскій мой.
Ну а послѣ возвращайтесь
В Петербург, да постарайтесь
В самой Думѣ, или внѣ
Послужить на славу мнѣ.
. . . .
Разошлась тут оппозиція,
С нею вмѣстѣ и полиція,
Вечером — же, на диванѣ
Во французском ресторанѣ
Виден был такой „ландшафт“:
Пуришкевич с Челноковым
Замысловскій с Маклаковым
Дружно пили брудершафт.

Горе-кабинет.

„Горемычная Русь испрохвостилась
и распутной стала“.

И в безсистемьи есть система. . .
Я доказать это готов,
Хоть, может быть, такая тема
Небезопасна для стихов.
„О счастьи мысль из думы выкинь“.
Так отвѣчали вмѣсто „мѣр“ —
А горе мыкать — Горемыкин
Не подходящій ли премьер.
Тянуть за хвост, по нуждѣ глядя,
То граждан надобно, то суд, —
И вот Хвостовы (первый — дядя,
Второй — племянник) оба тут. . .
Чтоб ширь духовнаго простора
В плоть осязательно облечь,
На должность обер-прокурора
Не мудро-ль Волжина привлечь. . .
Когда „узлы“ — предмет заботы,
Их можно просто растрепать, —
А для такой простой работы
Резонно Трепова позвать . . .
Вѣдь помиришься и на маркѣ,

Когда монет достать нельзя, —
Так можно ѣхать и на Баркѣ
За неимѣньем корабля. . .
Для земледѣльца не новинка,
Что в глинкѣ колос не взойдет,
Но там, гдѣ не поможет Глинка,
На ум Наумов наведет. . .
Так символично к кабинету
Подобран каждый новый член.
Теперь сказать вам по секрету,
В чем корень этих перемѣн.
Грядущій день наш сѣр и мутен,
Конца распутью нѣт как нѣт, —
Вот почему один Распутин
Весь замѣняет кабинет.

1915 г. Ноября 15.

Наши настроенія.

(Начало 1916 года).

Мы не скорбим от пораженій
И не ликуем от побѣд;
Источник наших настроеній:
Дадут нам водку, или нѣт?

Зачѣм нам шумныя побѣды?
Нам нужен мир и тишина,
Интриги, сплетни и обѣды
С приправой женщин и вина.

Нам надо знать, кто будет завтра
Министром тѣх, иль этих Дѣл,
Кто с кѣм уѣхал из театра,
Кто у Кюба к кому подсѣл?

Кто занял Вырубовой мѣсто
Кто пьян Кувакою водой,
Как нѣмцы мѣсят тѣсто,
И — отчего вдруг Шаховской?

Не надо-ль новаго святого,
Распутин в милости, иль нѣт,
И как Кшесинская здорова,
И как у Шубина обѣд?

Была-ль с великим князем „Дина“,
И „Мак-Диди“ каков удѣл. . .
Ах, если-б нас из цепелина
Скорѣй бы нѣмец бы огрѣл.

К назначенію Н. Хвостова мин. внутрен. дѣл.

Слѣд Горемыкина пантофель
Пониже чувствуя спины,
Щербатов свеклу и картофель
Копать отправился в Терны.
Прокляв в душѣ отмѣно — шаткій
Со смутой свой конкубинат,
Он утѣшался мыслью сладкой,
Что он — почти — что Цинцинат.

Сидѣть меж стульев двух — дилемма,
Не стоит ломаннаго су:
Малѣйшій сдвиг — и вся система
Летит, а ж. . . на вѣсу.
Но все-ж, назначенный указом
На самый видный из постов,
Усѣлся на два стула разом
Огромной з. . . . Хвостов.

Ну, этот, вѣрно, не слукавит,
И государство не продаст:
Он кресла, может быть, раздавит —
Но им раздвинуться не даст.

(Конец 1915 года).

Стихотвореніе „Штюрмерія“ написано В. М. Пуришкевичем в 1916 году, во время одного из пріѣздов его с фронта в Петроград, как раз совпавшим с назначеніем А. Д. Протопопова министром внутренних дѣл. Знаменательно, что к назначенію этому и общество и Дума в большинствѣ своем и почти вся пресса — от „Новаго Времени“ до „Дня“ — отнеслись далеко не отрицательно: в нем усматривали „побѣду“ общественных теченій в высших сферах и привѣтствовали новаго министра, как человѣка, обладающаго „волей“ к власти и стремленіем ее осуществить в цѣлях побѣдоноснаго окончанія войны и благоустройства разлагающагося тыла... Пуриш-

кевич был один из весьма немногих членов Г. Думы, который не ждал от новаго министра ничего и видѣл в его назначеніи лишь продолженіе той „Чехарды“, которую он ярко изобразил в одной из думских своих рѣчей за нѣсколько мѣсяцев перед тѣм. Уже в теченіи перваго-же мѣсяца дѣятельности А. Д. Протопопова выяснилось, насколько были основательны почти всеобщія надежды.

Член Госуд. Думы кн. Мансырев разсказывает:

— „Как-то раз утром Пуришкевич встрѣтился со мною в ротондѣ Таврическаго дворца и спросил: „хотите новое стихотвореніе про „любимчика?“ — „Чье?“ — „Да я только что сам сочинил“.

И здѣсь-же, на бланкѣ Дворца, под диктовку В. М., это стихотвореніе было мною записано; заглавіе „Штюрмерія“. К назначенію почтеннаго А. Д. Протопопова“ сдѣлал сам Пуришкевич, он-же собственноручно его подписал. Стихотвореніе нигдѣ напечатано не было, да и по рукам мало ходило, так как автор на другой день уѣхал на фронт, я же его также дальше не пустил.

Штюрмерія

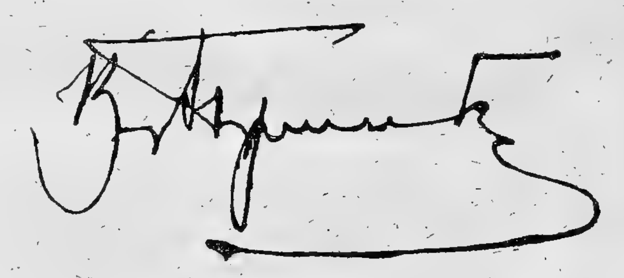
К назначенію почтеннаго

ТАВРИЧЕСКІЙ ДВОРЕЦЪ

А. Д. Протопопова

От безпрерывной „Штюрмеріи“
Сейчас нельзя ни встать, ни сѣсть,
Пускай нѣт многаго в Россіи,
За то министров всѣх — не счесть!
В ней государственный порядок
Системой прочной водружен;
К портфелю нынче всякій падок
И, как ничто, доступен он.
Идут, в „затылок“ став, министры,
Всѣ без программы, налегкѣ,
Порой, как Бобринскій, рѣчисты,
Порой с замком на языкѣ,
Придут, понюхают закуски:
Увы! До блюда не дойти. . .
И обругавши всѣх „по русски“
Уходят с торнаго пути.
Что день — то свѣжій „нѣкто в сѣром“
К Фонтанкѣ под'ѣзжает вскачь,

И слышен шопот по курьерам:
„Ишь, снова вынимай, да прячь!“
Мелькают фалды виц-мундиров,
Кресты и звѣзды тут, как тут:
То — новоявленных кумиров
Лобзать чиновники текут.
Но, ободренные привѣтом,
Все-жь чешут крѣпко в головах:
„Не усидит на мѣстѣ этот:
Ох, через мѣсяц — чебурах!
Исчезнет перелетной птицей“.
И, глядь, министра голова
Уже разцѣнена столицей
На мѣсяц, изрѣдка — на два.
Их жизни срок сейчас минутен,
Уйдут, оставив сѣрный дым:
И прочен лишь один Распутин,
Да долгогривый Питирим.

Спряженіе.

Давно прошедшее время:

Горемыкин страной управлял, как премьер
Нѣмцы шли через Вильно и Равку.
Дума тщетно ждала новых мѣр —
Царь катался из Царскаго в Ставку.

Прошедшее:

Горемыкин все шамкал беззубой десной
Получил и Распутин прибавку.
Депутатов созвать обѣщались весной—
Царь же — ѣздил из Царскаго в Ставку.

Настоящее:

Горемыкина Штюрмер смѣнил бюрократ,
Горемыкин убрался в отставку.
Гинденбург и фон-Бѣлов под Ригой торчит
Царь же ѣдет из Царскаго в Ставку

Будущее:

В февралѣ депутаты разсмотрят бюджет
Перейдем мы от мяса на травку.
Будет вновь крупный выпуск бумажных монет—
Царь поѣдет из Царскаго в Ставку.

К назначенію Протопопова.

Из недалека от окопов
Приходят вѣсти в Петроград —
Министром будет Протопопов,
Ни либерал ни ретроград;
Царю и родинѣ служитель
На новый собственный манер
Избранник Думы, предводитель
И бывшій конно-гренадер,
Который тоже отличался
В войнѣ, чуть-чуть не сдѣлав мат,
Когда в Стокгольмѣ повидался
С ним иностранный дипломат.

Сперва под флагом октябриста
И с позументом на кормѣ
Он думал в роли журналиста
Себѣ составить реномэ,
Но бросил мысль через газету
Искоренять в отчизнѣ зло,
И, сѣв в придворную карету,
Он с'ѣздил в Царское село.
Пріем фон-Штюрмера и Рейна
Ему казался очень прост.
И под сурдинку „Wacht am Rein'a“
Он получил желанный пост.

Так узел гордіев с разбѣга
Он перерѣзал пополам!
А там — суди его collega,

Не по словам, а по дѣлам.
Сыны поруганнаго блока
Поют на разные лады:
„Мы так ошиблись в нем жестоко —
Аллаверды, аллаверды!“
Пройдя такой же ценз примѣрно,
Рок неудачливый кляня,
Волконскій думает навѣрно:
„Зачѣм его, — а не меня“.

И плохо вѣрят Милюковы,
Что, как итог его игры,
Падут еврейскія оковы
На министерскіе ковры,
Довольно только два-три банка,
Его домашніе, он сам,
Неунывающій Родзянко,
Симбирск в лицѣ дворян и дам,
Пан Гарусевич — и в Парижѣ
Второстепенные листки.
Молчит фон-Штюрмер рыжій!
Молчат и пашут мужики.

Войска стѣной стоят на фронтѣ
И ждут побѣднаго вѣнца
И не видать на горизонтѣ
Ни перемѣн и ни конца!
И я был тоже озадачен,
Но мнѣ отвѣтил хиромант
На мой вопрос: „зачѣм назначен?“
„Вѣдь он — суконный фабрикант!“

Во первых, на Руси исконный
И циркуляров, и бумаг
Язык, как водится, суконный;
А, во-вторых, сей новый маг
Хоть и не в силах всѣ дефекты
Из'ять и выбросить в окно,
Но либеральные проекты
Он может спрятать под сукно.

Да будет с ним Святой Егорій!
Но интереснѣе всего,
Какую сумму взял Григорій
За назначеніе его?

(1916 г.)

Про то Попка вѣдает...

У премьера Трепова
В клѣткѣ золоченой
Есть для блока лѣваго
Попугай ученый.
Кто про что бесѣдует,
Кто кого ругает —
Про то Попка вѣдает,
Про то Попка знает.

Время испытанія
Массам надоѣло;
Дѣло пропитанія —
Внутреннее дѣло.
Сытно кто обѣдает,
Иль недоѣдает,
Про то Попка вѣдает,
Про то Попка знает.

Кѣм бы чѣм бы ни было.
Трудно стать сатрапом
В сто раз больше прибыли
От торговли драпом.
Кто дает гдѣ слѣдует —
Тот и получает. . .
Про то Попка вѣдает,
Про то Попка знает.

Наши учрежденія —
Рай для фабриканта,
В коем вожделѣніе
Больше, чѣм таланта.
Кто куска отвѣдает,
Пирога взалкает. . .
Про то Попка вѣдает,
Про то Попка знает.

Ах, у нас в Имперіи
От большого штата
Много фонаберіи
Мало результата
Гришка проповѣдует —
Аннушка гадает.
Про то Попка вѣдает
Про то Попка знает.

Сѣй рукою мелкою —
Два пожнем посѣва
Знай, кивай головкою,
Иногда налѣво.
Вдруг указ послѣдует —
И мираж растает. . .
Про то Попка вѣдает,
Про то Попка знает.

Штюрмер — министр иностранных дѣл.

Дипломаты растерялись —
Штюрмер в их вступает роль.
Deutschland, Deutschland über alles!
Russland, Russland lebe wohl!

Друг россійских фармазонов,
Проклиная Петроград,
Удалился лорд Сазонов
На финляндскій водопад.

Нас спасает от кошмаров
Болтовни и лишних нот
Нынѣ Бурхард Вальдемаров
Штюрмер — русскій патріот.

Шульцев нѣт, исчезли Шмиты,
Кто на плахѣ, кто в бою
И остался для защиты
Только он в родном краю.

Это кажется обидным:
Есть погромче имена,
Но для них еще, как видно,
Не настали времена.

„Stürmer, Stürmer, very shoking!"
Шепчет Грей, идя в Гайд-парк:
„Говорит—Ордын-Нащекин
А окажется—Бисмарк!"

„Он не даром с виду шельма,
Шерсть рыжа, как у лисы,
И совсѣм, как у Вильгельма
Вверх закручены усы".

— Ах грядущій день не вѣдом! . . “
Мыслит—сумрачен и строг,
Свѣтских дам кормя обѣдом,
Господин Палеолог.

— Здѣсь случилось очень быстро
Много странных перемѣн! —
Так про новаго министра
Пишет в Лондон Бьюкенен.

„Не напрасно-ль мы старались
И не сѣсть бы нам на мель!“
Deutschland Deutschland über alles!
England, England far the wall!. . .

Я — поэт. Мои сужденья
Только личная игра
Моего воображенія
Или шалости пера.

Если вру, то знаю мѣру. . .
Но тишайшаго царя
Он напрасно вспомнил эру,
Ибо строго говоря,

И Морозов и Матвѣев
И посольскіе дьяки
От нѣмецких чудодѣев
Были очень далеки.

И едва-ль когда прославят
Нас за то на небеси,
Что приказ посольскій правит
Гер фон-Штюрмер на Руси.

Вот когда подпишет мир он,
Нессельроде, Коцебу,
Миних, Остерман и Бирон
Зашевелятся в гробу,

Словно и не разлагались. . .
И послышится оттоль —
„Deutschland, Deutschland, über alles!
„Russland, Russland lebe wohl!“

Декабрь 1916 г.

К убійству Распутина.

Твердят газеты без конца
На счет извѣстнаго „лица".
Мольбой взволнованы сердца. . .
„Лицо" сидѣло у „лица",
Когда мотор привез к крыльцу.
„Лицо" к извѣстному „лицу",
Войдя вручило письмецо
„Лицо" при лицах двух „лицу".
„Лицо" с взволнованным лицом
К „лицу" поѣхало: с „лицом"
Пять „лиц" сидѣло за винцом.
„Лицо" пред трапезѣ концом
Лицом к лицу сошлись с „лицом",
Пустил в присутствіи „лица"
„Лицу" в лицо заряд свинца
Потом пять „лиц" перед крыльцом
Тотчас увидѣлись с „лицом"
И увезли быстрѣе птиц
С „лицом" автомобили „лиц".
Пропажа с „лицами" „лица"
„Лиц" огорчило без конца
И об „лицѣ" из двух столиц
Пускали много небылиц,
Но все-ж „лицо" перед „лицом"
В грязь неударило лицом
И опознали в мертвецѣ
„Лицо" в лицо и при „лицѣ".
„Лицо" ж. . . Ох! слышать не могу
Ей-ей, распутица в мозгу
И, право можно быть глупцом
От „лиц" в исторіи с „лицом".

Убійство Распутина на слѣдующее-же утро стало извѣстно в Петроградѣ; по газетам было стражайше запрещено о том печатать, почему онѣ прибѣгали в сообщеніях о фактѣ к разным обинякам, намекая на происшествіе с нѣким „лицом" или печатая: „убит жилец из дома № 64 по Гороховой."

Принадлежит перу талантливаго фельетониста Амфитеатрова и написано в 1916 году.

Акафист Гришкѣ Распутину.

— „О, Григоріе, новый угодниче сатаны, вѣры Христовой хулителю, русской земли разорителю, жен и дѣв осквернителю, того ради поносимую смерть пріявшій и восхвалим тя, развѣ глаголюще сице:

— Радуйся церкви Христовой поруганіе, радуйся синода оплеваніе, радуйся Владиміра изгнаніе, радуйся Макара прозябаніе, радуйся Питирима взыграніе, радуйся Варнавы превознесеніе, радуйся Иліодора удаленіе, радуйся Гермогена заточеніе, радуйся, Григоріе, великій скверНотворче, радуйся царева помрачненіе, радуйся царицы услажденіе, радуйся царевича развращеніе, радуйся, Григоріе, распутниче великій.

— Радуйся Штюрмера обрѣтеніе, радуйся Протопова возвеличеніе, радуйся Саблера удаленіе, радуйся Самарина низверженіе, радуйся Джунковскаго отстраненіе, радуйся Андронникова окрыленіе, радуйся, Григоріе, распутниче великій.

— Радуйся таинственнаго питанія взалканія, радуйся блудных страстей взыграніе, радуйся блудных бѣсов служителю, радуйся ложа братскаго осквернителю, радуйся дѣв совратителю, радуйся жен соблазнителю, радуйся Григоріе, распутниче великій.

— Радуйся вѣры православной хулителю, радуйся хлыстов насадителю, радуйся пляски бѣсовой устроителю, радуйся казнокрадов начальниче, радуйся лихоимцев прибѣжище, радуйся, Григоріе, великій скверНотворче.

— Радуйся темных сил игемон, радуйся русской земли злой демон, радуйся нѣмцев оплот и прибѣжище вѣрное, радуйся сатаны вмѣстилище скверное, радуйся, Григоріе, великій скверНотворче.

— Радуйся любострастія причина, радуйся лжесвидѣтельства ревнителю, радуйся хулиганов покровителю, радуйся, Григоріе, великій сквернотворче".

Начало 1916 года.

К образованію прогрессивнаго блока.

Лѣсной царь XX вѣка.

Кто в Думу во мракѣ спѣшит одинок.
То лидер кадетов, в руках его блок.
В испугѣ дитя к Милюкову приник;
Обняв его, держит и грѣет старик.
„Мой блок, что так робко ко мнѣ ты прильнул."
— Родимый, сам Штюрмер в глаза мнѣ сверкнул,
Придворный мундир на нем вижу, отец.
„О нѣт, то Распутин идет во дворец".
„Дитя, оглянись и со мною пойдем,
Сокровищ не счесть в кабинетѣ моем,
Портфель министерскій для друга готов
И кресло уступит любому Хвостов".
— Родимый, фон-Штюрмер со мной говорит,
Роскошныя кресла, портфели сулит,
„Дитя, успокойся, ты бредом томим,
То шепчется с кѣм-то мой друг Питирим".
„Дитя, ты мнѣ дашь и престиж и бюджет,
Вильгельму направим покорный привѣт,
А послѣ конгресса я лѣвых распну
И с Думой покончим, закончив войну".
— Родимый, фон-Штюрмер зовет на конгресс,
Отчизну положит под мраморный пресс.
„О нѣт! Мы щетиной стоим на Двинѣ
И бравый Мардарій поет о войнѣ."
„Дитя, ты родился с покорным умом,
Неволей иль волей — но будешь рабом".
— Родимый, фон-Штюрмер крадется, как тать,
Уж здѣсь он, мнѣ тяжко, мнѣ больно дышать. —
. . . .
Испуганный вождь по Шпалерной летит,
А блоку все хуже, он бредит, кричит.
Кадет погоняет, кадет доскакал,
В руках его мертвый младенец лежал.

Подобно тому, как смерть Распутина Амфитеатровым была воспѣта в „Акафистѣ", ему посвященном, так в дни революціи был удостоен соотвѣтствующаго акафиста послѣдній министр внутренных дѣл Протопопов.

„Акафист Александру Протопопову,—иже во прохвостах славному симбирскому сукноторговцу".

Радуйся, о лицедѣйное в Думѣ предсѣданіе,
Радуйся, Іудино Думы преданіе,
Радуйся, о распущеніи Думы стараніе,
Радуйся, сил темных собираніе,
О, симбирскій сукнотворче, радуйся. . .

Радуйся, в странах иноземных блужданіе,
Радуйся, о мирѣ воровское совѣщаніе,
Рудуйся, всяческія лжи зерцало,
Всѣх прохвостов глава и начало, радуйся. . .

Радуйся, Гришкиной милости исканіе,
Радуйся, у него же в передней стояніе,
Радуйся, грязной десницы лобзаніе,
Радуйся, до высокаго сана доползаніе,
Радуйся, о родины преданіе,
Новый Іуда, Христопродавче радуйся. . .

Радуйся, племени ярыжнаго пріумноженіе
Радуйся, царицѣ непрестанное кажденіе,
Радуйся, Штюрмера угожденіе,
Радуйся, всякой правды попраніе,
Радуйся, Манусевича оправданіе,
Велій воров начальниче и защита, радуйся...

Радуйся, о Гришкиной смерти рыданіе,
Радуйся, о ней же лицейное обмираніе,
Радуйся, убіеннаго ложа виденіе,
Радуйся, Курлова возлюбленіе,
Новый Іуда, Христопродавче радуйся. . .

Радуйся, противо обороны радѣніе,
Радуйся, пораженія ради боренія,
Радуйся, всея Руси ко гладу приведеніе,
Радуйся, Гришкиной падали хранителю,
Радуйся, о великой измѣны зиждителю,
Новый Іуда, Христопродавче, радуйся...

Кайзер.

Gott bewahr! Я очень рад
Скушать с маслом Петроград,
Только время не настало:
Нынче масла слишком мало!
Я, конечно, к вам приду,
Но покамѣст обожду:
Обожду, пока порядки
Обратятся в безпорядки,
Подожду, пока ваш флот
Сам себя в Неву запрет.
Подожду, пока повсюду
Мнѣ, как нѣкоему чуду
Рады будут всѣ и всяк;
(Это — все еще пустяк)
Подожду, покуда русскій
Проклянет англо-французскій
Столь невыгодный союз. . .
Но тогда я не явлюсь.
Я приду, когда чумою,
Овладѣвшею Москвою
Заболѣет весь народ,
Когда станет продавать
Дочерей родная мать.
Вот тогда своим жидам
Я покой и отдых дам. . .
Померанскій гренадер
Рядом самых строгих мѣр
Выбьет вашу ерунду —
А потом и я приду!

(Март 1917 г.)

От Саши Керенскаго к большевикам.

Лишь волненья разыгралися,
Был свершен переворот,
Как за „бабушкой" помчалися,
— Только вас не достает.

И из каторги сибирской,
Ѣдет „бабка" в Петроград,
Чтобы видѣть всероссійскій
Демократіи парад.

Ѣдет. . . Крики ликованія.
Сам Керенскій тут, как тут.
И в дворец для проживанія
Дуру старую ведут. . .

„Бабка“ — в новом положеніи:
Вмѣсто каторги почет;
На народном иждивеніи
Во дворцѣ она живет.

Все вокруг полно вниманія,
Всюду роскошь и уют,
Но дефекты воспитанія
Сразу знать себя дают. . .

За столом ей явства разныя
Ряд лакеев подает,
А она в них руки грязныя,
Неумытыя сует. . .

Вся прислуга улыбалася
И качала головой,
Как старуха угощалася,
И пыхтѣла за ѣдой.

Чѣм то вродѣ добавленія. . .
Для Керенскаго она. . .
И с ея благословенія
Разрушается страна.

Либеральные Конфуціи
Эту старую „madame“
„Бабушкою“ революціи
Приказали звать войскам.

За газетную замѣтку,
За фонтан хвалебных слов
Золотую статуэтку
Получил министр Чернов.

Быстро бабушка от'ѣлася
Разжирѣла, как свинья,
И в Москву ей захотѣлося —
„Там не видѣли меня!“

Совѣщанье. . . Что такое?
Это — „бабка“ рѣчь ведет:
И, забыв приличье, вдвое
Перегнулася вперед.

В том высоком учрежденіи
Экспансивный „янки“ был,
Это „бабушкино“ рвенье
Он достойно оцѣнил:

Дал ей крупную монету —
— Смѣло „бабушка“ вперед!
Издавайте-ка газету,
Просвѣщайте свой народ.

И, с Черновым в единеніи,
„Бабка“ орган издает;
Вдруг—октябрьское смятенье
Сашка Керенскій — банкрот!

И в подполье снова скрылася
„Бабка“ с Керенским своим.
— „Будет! ты повеселилася
Дай же мѣсто и другим!

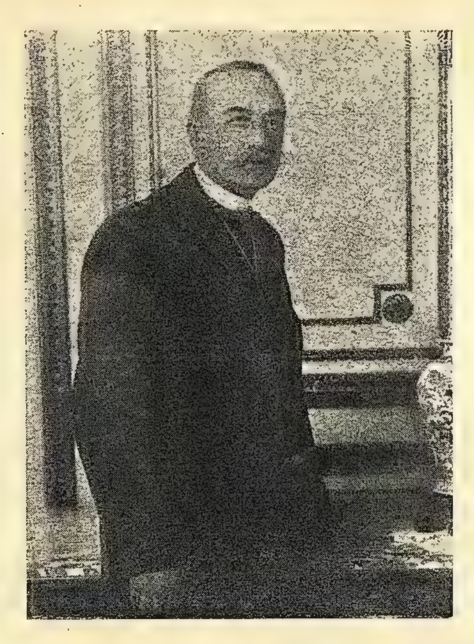
Ты оттѣнок фарса пошлаго
Бунту русскому дала,
Потому средь тѣней прошлаго
Мнѣ особенно гадка“.

(Веч. Вр. 30 V. 1917 г.)

Любить Россію? вздор какой,
Ее отдать германцам можно.
Нам что Россія? — звук пустой!
Идея наша так несложна:
На все плевать! Хоть час — да мой!

Ты рычишь, как грозный лев
Робеспьерик из картона,
Опереточный Бабеф,
Цербер Смольнаго притона.
Кто ты? Грозный Іоанн?
Іуда, Каин, Чингисхан,
Или — просто шарлатан?

(15 декабря 1917 г.)

Министр внутренних дѣл послѣдняго Императорскаго правительства † А. Д. Протопопов.

Первоначально товарищ Родзянко, видный член Думскаго президіума хотя никогда не проявлял ни политическаго, ни ораторскаго таланта, ни государственнаго такта, ни даже темперамента и интереса к живой идеѣ.

Трудно сказать, почему, собственно он выдвинулся все же и занял пост товарища предсѣд. Гос. Думы. В этом можно усмотрѣть нѣкоторую ошибку Родзянко, который вскорѣ таким презрѣніем и негодованіем встрѣтил политическую карьеру своего недавняго товарища.

Муть и хаос дворцовой жизни, министерская чехарда, смѣна вліяній и постов, быстрая и неожиданная возможность „высокаго пути — все это понемногу закружило честолюбивую и недалекую голову Протопопова.

Знакомство с Распутиным и оказавшаяся у них общая черта „грубой хитрицы“ — благодаря которой они поняли друг друга и послѣдній его провел в министры.

Протопопов был единственный министр, котораго „старец“ провел без обычной крупной мзды.

По мнѣнію Бадмаева, — Протопопов был слѣпым орудіем в руках Распутина, лелѣявшаго какой то план.

Протопопов увѣрял Александру Федоровну в возможности для нея сыграть в Россіи роль Екатерины II.

Он настоял перед Государем, чтобы тот не давал отвѣтственнаго министерства, когда за 6 недѣль до революціи этот вопрос обсуждался на совѣщаніи в Царском Селѣ при участіи Голицына, Воейкова, Нилова и Штюрмера.

— Петроград мутят каких нибудь 200 — 300 человѣк, сказал он, и испрашивал кредита в 400 тысяч рублей для подавленія революціи в корнѣ.

Мнѣніе Протопопова одержало верх. Были сдѣланы попытки борьбы. Разстрѣлян большевиками в 1917 году 18 декабря, пятидесяти трех лѣт от роду.

„И стало мнѣ, мои друзья,
„И кюхельбекерно, и тошно"...
Пушкин.

Кто виноват — так думал — я
Что слава родины безслѣдно
В концѣ исчезла февраля,
Когда, казалось нам, безбѣдно
Мы жизнь устроили вполнѣ. . .
Так думал я, но стало мнѣ
Тоскливо, стыдно — и к а д е т н о.

Не злой ли наказал нас Рок
За то, что тупо, изувѣрно
Мы как заученный урок
Долбили глупости безмѣрно
На обалдѣнье всей странѣ?
От этих мыслей стало мнѣ
И тошнотворно, и э с е р н о.

На радость дураков и дур
И всѣх мошенников, конечно,
Мы хлам копѣечных брошюр
Законом нарекли безпечно
Не потому-ли мы на днѣ?
Так думал я, и стало мнѣ
Совсѣм противно и э с д е ч н о.

Когда-ж помыслил я о том,
Как в результатѣ мы отлично
Попали в сумасшедшій дом,
Уже совсѣм аполитично
В гражданской потону в войнѣ, —
Я понял все и стало мнѣ
Опредѣленно б о л ь ш е в и ч н о.

. . . .

Но то людских творенье рук,
А жизнь всегда пряма как призма
Она свершит обычный круг
И доведет. . . до монархизма.

К ПАМФЛЕТАМ.

К назначенію Горемыкина. 1895 г. вмѣсто И. Дурново, был назначен Мин. Внутр. Дѣл И. Л. Горемыкин, служившій по судебному вѣдомству; это обстоятельство вновь воскресило надежды страны на перемѣну внутренней политики. Перичисляется ряд министров с 1861 г., из которых нѣкоторые возбуждали подобныя надежды; таковы были: кратковременный диктатор гр. Лорис-Меликов (1880—1881 г.), автор конституціоннаго проекта, одобреннаго Александром II в самый день его убійства и гр. Н. Игнатьев, (1881—1882) мечтавшій о созывѣ Земскаго Собора. Оба они были быстро смѣщены.

Пріем членов IV-ой Думы. Вскорѣ послѣ созыва, из Мин. Имп. Двора получено было извѣщеніе, что Император из'явил согласіе (котораго никто не просил) принять новых депутатов во Дворцѣ.

Откликнулась охотно почти вся Дума: не явилось лишь человѣк 40 из 432.

Кадеты, игравшіе в опозицію, были представлены на $^3/_4$, хотя от Петербурга из 6 депутатов, явился один М. Калугин.

Наши настроенія. Кн. Шаховской — молодой морск. офиц., внезапно назначенный Министром Торговли, обсолютно далекій от этой области народнаго хозяйства. Это назначеніе изумило всѣх, даже привыкших к Министерской „чехардѣ".

„Дина" и „Мак-Диди"—петербургскія дамы полусвѣта, имѣвшіе высоких покровителей.

К назначенію Хвостова. Кн. Щербатов, неожиданно для себя из Управ. Госуд. Конозавод. назначенный Министр. Внут. Дѣл, несмотря на полную неподготовленность, был одним из немногих старавшихся сблизиться с Думскими и общественными кругами.

Такое „сидѣніе между двумя стульями“ не прошло даромъ для него: через 5 мѣсяцев он был уволен.

К назначенію Протопопова Мин. Внутр. Дѣл. „Из недалека от окопов“, т. е. из Ставки, гдѣ в то время находился Государь. Назначенія на этот пост (также не без содѣйствія Распутина) добивался Тов. Предсѣдателя Гос. Думы, князь П. М. Волконскій — но ему был предпочтен Протопопов, котораго Милюков и другіе главари „Прогрессивнаго блока“ имѣли наивность считать своим; в частности от него ожидалось улучшеніе положенія евреев (7).

К стих. „Про то Попка вѣдает“. Одною из первых мѣр А. Протопопова была — передача в его вѣдѣніе из М—ва Земледѣлія продовольственной части.

Не имѣя никакого представленія об этой области хозяйства, он сразу же водворил в ней страшную путаницу, и это в скором времени послужило окончательным толчком к безпорядкам в Петербургѣ, завершившимся революціей.

„К назначенію Штюрмера Министром иностр. дѣл“. Вольшое и всеобщее негодованіе возбудило во всѣх кругах и русских и союзнических назначеніе Б. В. Штюрмера главой иностраннаго вѣдомства. В нем видѣли поворот в сторону симпатій к Вильгельму и Германіи и уклоненіе от совмѣстных дѣйствій с союзниками. Как бы в опроверженіе этих толков Штюрмер произнес рѣчь, в которой выражал намѣреніе в дипломатических сношеніях итти по стопам Ордина-Нащекина, Матвѣева и др. національных дипломатов времени Алексѣя Михайловича. При окончательной своей безграмотности в политическом смыслѣ он, конечно, ничего общаго с этими лицами имѣть не мог.

„К стих. „Лѣсной царь“. Послѣ военных неудач 1915 г. в Гос. Думѣ возникла мысль об образованіи блока различных партій для совмѣстнаго давленія на прав. с цѣлью ло-

биться смѣны Сухомлинова и нѣкоторых других министров и принудить произвести реформы и общаго и военнаго характера.

Во главѣ блока, названнаго „прогрессивным", стал П. Н. Милюков, хотя номинально предсѣдателем считался С. И. Шидловскій.

Блок, заключавшій в себѣ самые разнородные элементы, до націоналистов включительно, вовсе не способен был к агрессивным дѣйствіям и обнаружил явную склонность к соглашенію с Штюрмером, который в свою очередь, не прочь был от соглашенія, даже путем предложенія думцам двух-трех министерских постов.

Маклером тайных переговоров между сторонами явился митрополит Питирим, с которым Милюков почему то дружил.

Из переговоров конечно ничего не вышло, потому что несмотря на свою недалекость Штюрмер быстро разгадал никчемность, блока и перестал с ним считаться, довольно прозрачно приняв курс соглашенія с Вильгельмом.

Милюков долго не хотѣл этому вѣрить, приписывая толки о соглашеніи Распутину и др., наконец убѣдившись, уже почти через год, произнес знаменитую свою рѣчь **2** ноября 1916 г. о „Глупости и измѣнѣ".

— Мордарій—черногорскій монах, любимец свѣтских дам и интриган, одно время мечтавшій стать на мѣсто Распутина.

ФАКТЫ И СЛУХИ

V. часть

Разбираясь среди дневников и рукописей Владиміра Митрофановича, в этих грудах недавняго, но ставшаго уже историческим матеріала, находим цѣлый ряд отдѣльных замѣток, относящихся или к политическому событію или к какому-либо общественному происшествію; тут — факты, и отголоски прессы и политическіе слухи и т. д.

Большинство из них касаются, конечно, больного вопроса дня „Распутиніады“.

Всѣ эти записи велись без всякаго плана и системы и даже без дат, но по своему содержанію и освѣдомленности писавшаго их, представляют огромный интерес; поэтому рѣшено было часть этих отдѣльных замѣток теперь же включить в I-ый том Дневника.

—Еще до выхода в свѣт книги интерес к ней настолько возрос, что большая часть изданія оказалась запроданной до появленія книги на міровом книжном рынкѣ, поэтому сразу же возникает вопрос о выпускѣ второго и дополненнаго изданія, в которое войдут всѣ лучшія рѣчи этого выдающагося политическаго оратора.

Кн. Юсупов основой вліянія Распутина признает его необычайную гипнотическую силу, с помощью которой он совершенно поработил Александру Федоровну и через нее дѣйствует на волю Царя.

— „Лицо с такой магнетической силой, как Распутин, появляется раз в тысячу лѣт“, увѣряет он.

Основой вліянія Распутина сложное и интимное общеніе с царицей Александрой Федоровной, которое ограничивается сферой болѣзненно-религіозной.

Болѣзненная по природѣ и склонная к воздѣйствіям гипнотическаго характера она подпала под какой-то абсолютный по силѣ гипноз, который лишил ее совершенно сознательнаго личнаго отношенія к событіям и личной воли.

Трудно судить о характерѣ этого специфическаго распутинскаго воздѣйствія, в котором своеобразный, хотя и в достаточной степени грубоватый привкус мистицизма все же был; ясно одно, что этот мужик внушил Александрѣ Федоровнѣ сознаніе наличія в нем какого-то Христова начала, Божества, благодаря которому все, чего он касается, получает благодать и освященіе.

Среди всѣх теченій мистическаго характера, которыя в достаточной степени опошлили и принизили сущность этаго высокаго жизненнаго направленія, связаннаго со всѣм творческим и возрождающим, что только есть в жизни и природѣ человѣка, — самым мелким и пошленьким характером отличался мистицизм наших аристократических кругов, которые связали свое поверхностное и модное увлеченіе окультными науками и спиритизмом в одну нелѣпую смѣсь с распутинством и спиритическими сеансами. Выростают, как мухоморы одни за другим салоны*), в которых и аристократы предавались с увлече-

*) Салон графини Игнатьевой, гдѣ собирались покровители и друзья Распутина — Питирим, Вырубова и другіе.

ніем модному развлеченію и туда же провозились модные оракулы, типа Распутина.

— Распутин скандально распространяет слухи о рубашках, которыя вышивает ему сама царица, о письмах, которыя она ему пишет, об интимностях общенія с ней.

Даже в газетах был пущен документ из наблюденій охранки над Распутиным, гдѣ было описано, как Распутин кутил в Москвѣ у Яра, как хвастался своими связями с членами царской фамиліи и показывал письма Александры Федоровны к нему интимнаго характера, подписанныя уменьшительным именем „Саня".

Тогда началась просто свистопляска подкупов, лести и шарлатанское прикрытіе личных корыстных цѣлей масками мистических увлеченій.

Этому сибирскому хаму пришлось не мало затратить своей энергіи и изворотливости, чтобы дойти до царских хором.

Во многом ему способствовало какое то слѣпое счастье. Царица страдала припадками в крайне тяжелой формѣ; эти припадки, по заключенію профессора Бехтерева, были на нервной почвѣ, как слѣдствіе тяжелаго душевнаго потрясенія; услуги врачей были тщетны.

Государь был в отчаяніи. Ожидали, что императрица сойдет с ума. У нея появились на этой почвѣ фанатическая религіозность и непонятная склонность к „странникам", „Божьим людям"...

Это то и послужило к тому, что Распутину удалось проникнуть во дворец и завладѣть помраченной душой Александры Федоровны.

Документально установлено, что Гришка вряд-ли попал-бы во дворец, если этому не способствовала в полной мѣрѣ Анна Вырубова, единственная приближенная фрейлина, с'умѣвшая войти в исключительное довѣріе царицы и снискать ея горячую дружбу, которую она использовала в своих личных интересах.

Она рѣшается использовать болѣзнь и ея склонность к странникам; она тщательно вы-

искивает и привозит во дворец всевозможных малоумных и прочих проходимцев.

Нѣкоторые жили во дворцѣ по нѣсколько мѣсяцев и порою изгонялись, уличенные в мелкой кражѣ.

Привозится монах Илліодор, но он у царицы никакого успѣха не имѣл.

Безрезультатность всѣх предупрежденій, всѣх мѣр, принятых для предотвращенія грязнаго скандала с Распутиным и возникшая сумятица и хаос вокруг двора, вызвали ссору императорской четы с великими князьями и — возникновенія двух враждебных лагерей.

Вел. князья бойкотируют царицу, платящую им открытым пренебреженіем и вызывающей холодностью; послѣдняя вычеркнула князей из своего обихода.

Атмосфера стала очень тяжелой: вдовствующая императрица переѣхала на жительство в Кіев.

Она опасалась и ждала какого то взрыва вродѣ дворцоваго переворота, убійства и пр. . .

Возможные планы честолюбивой и упорной „нѣмки", в связи с пьяными стремленіями Распутина, вызывют опасенія и будят тревогу.

Исключительность обстановки, в которой дѣйствовала царица, исключительность той роли, которую играли в ее планах и рѣшеніях нѣсколько лиц, вродѣ Вырубовой, Распутина, и потом Протопопова, отдалили от нее всѣх родственников царя.

Между семьей Романовых и Царем и царицей была проведена явственная черта отчужденія и даже враждебности.

Князья бойкотируют двор и Александра Федоровна платила им той же монетой.

В отвѣт на послѣднюю попытку супруги Кирилла Владимировича удержать Государя и его жену на краю пропасти, Александра Федоровна гордо отвѣтила:

„Мы помазанники Божіи, и мы должны спасать Россію, и спасем ее. Говорят, что я нѣмка. Что же, Катерина была также нѣмкой, но исторія назвала ее Великой“.

Много разсказывают о чудесах и таинственных проявленіях „благодатной“ силы Гришки во Дворцѣ. Наслѣдник Алексѣй страдает с дѣтства гемофиліей (кровоточивостью). Распутин с помощью Вырубовой совершал шарлатанскія исцѣленія.

В отсутствіе Распутина, Вырубова подмѣшивала в пищу и питье наслѣдника толченный корень Жень-Шеня, китайскаго лѣчебнаго сильно дѣйствующаго снадобья, доставаемаго, по сообщеніям, у пріятеля Распутина и Протопопова, тибетскаго врача Бадмаева.

Средство это увеличивало кровоточивость, появленіе же во дворѣ и его гипнотическіе пассы производившіеся над Алексѣем, совпадали с отсутствіем „притравливанія“ Алексѣя Жень-Шенем.

Сообщают также, в связи с именем наслѣдника, случай с люстрой в Царско-Сельском дворцѣ, которая сорвалась и упала в залѣ, куда часто уходил играть царевич, именно в тот день, когда Распутин не велѣл пускать мальчика в эту залу.

Между тѣм ствол люстры был заранѣе подпилен.

Ген. Рузкій подчеркнул особую силу вліянія Александры Федоровны на Царя. Соединяя ее имя с именем Распутина в общих мотивах религіозно-бытовых и политических, Рузкій отрицает какія либо интимныя отношенія царицы с этим хамом.

Нѣмецкая принцесса, англійскаго воспитанія на русском тронѣ, впавшая в мужицкую хлыстовщину пополам со спиритизмом в общей

исторіи русскаго мистицизма, столь странно и оригинально казалось бы смѣшавшая в себѣ совершенно не смѣсимые основные элементы от курной избы до англійской школы, не оригинальна. Это г-жа Крюденер или г-жа Татаринова, взобравшаяся на трон.

И вот — один из осязательных признаков грознаго удушія: в странѣ являются все растущія в небывалом количествѣ порожденія Мелкаго Хама.

Явленіе это трагическое, вѣщее и значительное.

Они возникли здѣсь и там. И вокруг них сплачиваются и смыкаются всѣ тѣ, кто тяготѣет к мутным водам, к авантюризму, к „рванію“ и грабежу.

С лже-пророком спутался мелкій мошенник, провокатор, предатель и вор и заюлил подлѣ него подленькой мелкой рысью и в общем создалось подлинное впечатлѣніе вихревого движенія бѣсов, что с визгом, воем и побѣдным нахрапом налетѣли и окутали политическим туманом Россію.

Фрейлина Анна Вырубова.

Ея наружность совершенно противорѣчит тѣм слухам, какія носились о ея увлеченіях и ея дѣятельности. Никаких слѣдов, никаких признаков духовных устремленій, переживаній в ней незамѣтно

Наоборот, вся ея внѣшность слишком ясно говорит о земном, реальном, чисто плотском и тѣлесном.

Она пожалуй красива, но „слишком в русском стилѣ“: высокая, полная, породистая, с развитыми формами, с большими голубыми глазами, с пышными волосами, пепельнаго цвѣта.

Среди придворной аристократіи, она выглядит настоящей московской боярыней XVII столѣтія. Бросалось, что она без корсета. От-

носительно этаго интимнаго обстоятельства говорят, что это дѣлается по желанію Распутина, который „не любит корсета".

Поэтому дамы, которыя особенно дорожат его расположеніем, отправляются к нему, обыкновенно эмансипируясь от этой принадлежности туалета.

Эти свѣтскія дамы во главѣ с Вырубовой, не мало продѣлали всевозможных фокусов, символизирующих их благоговѣйнѣйшее отношеніе к „святому старцу", они принимали от него, как нѣкое причастіе, раздаваемыя им яйцы, при чем прятали скорлупу в сумочку.

Вырубова подавала Распутину на кускѣ хлѣба часть огурца, от котораго „старец" откусывал и возвращал ей, с'ѣдавшей оставшійся огурец с выраженіем благоговѣнія и наслажденія.

Одна из прибывших на этот „завтрак у Распутина" старуха, вся украшенная ленточками и позументами, войдя, упала с воплем перед Распутиным на колѣни и закричала:

— „Отец. . . Бог. . . Саваоф". . .

Оказалось, дама взяла на себя „личину юродства", она все время бросалась к Распутину с неистоивыми криками „Отец Григорій, Бог Саваоф" и видимо смертельно надоѣла старцу. Он отбивался от нея и кричал:

„Отстань от меня, тварь поганая". . . когда и это не дѣйствовало, и она лѣзла цѣловать ему руки, он бросился на нее с кулаками, крича во все горло: — „Отойди от меня, дьявол, а то вот как перед Истиным, расшибу тебѣ башку".

Наглость Распутина.

Вот любопытный монолог Распутина, обнаруживающій его наглость и нахальство. Он не стѣснялся передавать первому встрѣчному слѣдующее:

— „ У царя я человѣк свой. . . вхожу без доклада. Стукотну, вот и все А ежели два дня меня нѣту, так и устрѣляют по телефону! . .

Григорія Ефимовича дожидаются. Вродѣ я у них как примѣта. Всѣ меня уважают. Хороша царица, баба ничего. И царенек хорош. И всѣ ко мнѣ...

Вот раз, значит, я пріѣхал и прямо к царю. Дверь раскрываю, Николай Николаевич там был, великій князь. Не любит меня, звѣрем смотрит. А мнѣ ничего. Я к нему злобы не питаю. Сидит он, а меня увидѣл — уходить собирается. А я ему: посиди, говорю, чего уходить, — время раннее. А он то значит, царя соблазняет, все на Германію его наговаривает. Ну а я и говорю: — кораблики понастроем, тоды и воевать, а теперь, выходит, не надо. Разсерчал Николай Николаевич, кулаком по столу и кричит. Ну а я ему: кричать то зачѣм? . . Он царю докладывает: — ты бы говорит, его выгнал. Мнѣ с ним о государствѣ не разговарить. А я царю об'ясняю, что я правду знаю, и все наперед скажу и что ежели не гоже Николаю Николаевичу со мною в одной комнатѣ, то пускай сам уходит. Христос с ним. Вскочил Николай Николаевич, ногою топнул и прочь. Дверью потряс крѣпко".

Необычайная судьба трупа Распутина.

Как, когда и куда уѣхал Распутин — никто не знал, но домой в эту ночь он не возвратился, а в 3 часа дня 17 декабря семьѣ его доложил один из секретарей „старца" Симанович, как о безспорном фактѣ, об убійствѣ Распутина.

Днем 18 декабря на берегу Невки оказался выброшенным на берег труп, в котором с несомнѣнностью всякій сразу узнавал Григорія Распутина.

Труп оказался завязанным, с перевязанными бичевкой ногами и с двумя огнестрѣльными ранами — на головѣ и груди.

Тѣм временем к мѣсту, гдѣ был выброшен замерзшій труп Распутина, стали стекаться цѣлыми вереницами, главным образом женщины, начиная с самых верхов и кончая низами с кувшинами и бутылками в руках, чтобы запастись „освященной" распутинскими остатками Невской водой.

В 4 часа дня Петроградскій градоначальник отдает по телефону приказаніе н-ку Инвалиднаго Дома генералу Волховскому о том, чтобы в лазаретѣ приготовились к принятію в часовнѣ трупа Распутина, чтобы была вытоплена печь для отогрѣванія трупа и чтобы к трупу без особаго распоряженія никого не допускали.

Всѣ эти распоряженія отдаются согласно воли императрицы Александры Федоровны.

В 6 часов во двор Инвалиднаго Дома въѣхало два автомобиля с чинами полиціи во главѣ с ген. Курловым и чинами прокурорскаго надзора.

При них оказалось два тюка, в одном Распутин, а в другом его шуба.

Не только весь двор, но и весь квартал был к этому времени оцѣплен усиленным нарядом городовых и чинами охранной полиціи.

В ночь с 20 на 21-е экстренно был вызван для вскрытія трупа Распутина профессор по кафедрѣ судебной медицины при Военно-Медицинской Академіи Косоротов, который в присутствіи слѣдственных властей при помощи полицейскаго врача Транта произвел вскрытіе и бальзамированіе. При чем сердце было вынуто и вложено в спеціальный сосуд. Самое вскрытіе носило характер нѣкоего священнодѣйствія, говорить дозволялось только самое необходимое и то только шопотом.

Как строго охраняется труп, видно из того, что еще до вскрытія утром пріѣзжали обѣ дочери Распутина с его приживалкой Лапшиной и умоляли допустить их проститься с трупом.

Им это не было разрѣшено, но один из чинов сжалился и пустил их через дверь взглянуть только, за что был немедленно уволен с мѣста.

Не был допущен к трупу друг покойнаго епископ Исидор, хотя он и рвал, и метал, и грозил, и по телефону просил разрѣшенія у всѣх, у кого только было возможно.

Только перед самым вскрытіем в богадѣльнѣ появились дочери Распутина с дамой в глубоком траурѣ, то была сама императрица.

Онѣ были сейчас же допущены.

Послѣ вскрытія епископу Исидору было дозволено совершить заупокойное богослуженіе, а в четыре часа ночи за трупом, вложенным в цинковый гроб и затѣм заколоченный в деревянный ящик прибыл грузовик с переодѣтыми в штатское городовыми.

О мѣстѣ отправки трупа никому не сообщалось.

Был только кѣм то пущен слух, что его отправляют в Тобольск на родину, что вызвало большое сомнѣніе.

Дѣйствительно, труп был доставлен в Царское Село, гдѣ был помѣщен в Феодоровском Государевом Соборѣ, находящемся при большом Алскcандровском дворцѣ.

Там был установлен временный склеп, в котором и стоял гроб свыше трех недѣль.

Императрица вызвала с фронта Государя, который с семьей и с близкими присутствовал на отпѣваніи, совершенном митрополитом Питиримом и епископом Варнавою.

При чем во время отпѣванія с Протопоповым случился истерическій припадок, он пал на колѣни у гроба Распутина, стал кликушествовать и в иступленіи кричал:

— „Я чувствую, что на меня сошел дух великаго старца“. . .

Спустя три недѣли, труп был перевезен из собора куда-то, но куда,оставалось глубокой тайной.

Извѣстно было то, что фрейлина Анна Вырубова стала строить вблизи дворца часовню.

Недалеко от часовни был склад лѣсных матеріалов, к каковому ни с того ни с сего стали выставлять караул воздушной батареи из солдат. На постройку часовни ежедневно пріѣзжала государыня то с Вырубовой, то с дочерьми.

Открыть могилу „старца“ совершенно случайно удалось, и то уже послѣ переворота, капитану Климову, служившему в то время в Царском Селѣ.

Могила оказалась под строящейся часовней и была расположена таким образом, что приходилось под самым алтарем часовни, гдѣ над крышкой гроба разыскивающіе драгоцѣнности солдаты обнаружили небольшой деревянный образок без оправы, на оборотной сторонѣ котораго химическими чернилами были начерчены собственноручныя надписи одна под другой:

Александра,

Ольга,

Татьяна,

Марія,

Анастасія

и в уголкѣ Анна (Вырубова) и дата 11 декабря 1916 г. Новгород.

Извѣстіе о находкѣ облетѣла с быстротой молніи все Царское Село и Петроград.

Неистовствующая толпа черни и распущенных солдат, предводительствуемая нѣким Брамсом, окружила часовню и требовала удаленія трупа из часовни.

Несмотря на протесты нѣкоторых офицеров, труп был вырыт, и на грузовом автомобилѣ отправлен в Царское Село, гдѣ по распоряженію Керенскаго был помѣщен в товарный наглухо заколоченный вагон для отправки в Петроград для погребенія на Волковом кладбищѣ.

Случилось иначе.

Ночью в Царское Село прибыл сильный грузовик Бенц с частями для машин. Этим грузовиком и воспользовались.

Распечатали вагон, в котором стоял гроб, забрали его на автомобиль, накрыли брезентом и отправили в Петроград.

По прибытии рано утром в Петроград, поставили грузовик в гараж придворнаго вѣдомства рядом с придворными свадебными каретами и оставили его там до наступленія ночи.

Письмо Распутина

(относится к концу 1916 года).

Начальнику Николаевск.
желѣзной дороги.

+

Милый
дорогой
извиняюсь
простите
спасите
бѣдную
дѣвочку
трудом
распутин

— Поздней ночью грузовик в сопровождении легковаго автомобиля, при наличіи трех придворных лакеев, двух шофферов и трех спеціально-командированных лиц, личности которых и по сіе время не установлены, отправились на Выборгское шоссе.

Повѣлено было в сторонѣ от дороги, прямо в глубоком снѣгу, вырыть могилу, закопать гроб, сравнять землю и засыпать ее снѣгом так, чтобы не осталось никакого слѣда.

И тут не вышло, как думали. Неожиданно, находившіеся до того в полной исправности обѣ машины стали, ни в зад ни в перед, хотѣли уже снять гроб и временно его спрятать в снѣгу.

Но в это время подозрительные автомобили успѣли на себя обратить вниманіе милиціонеров, была поднята тревога.

В тѣ дни, как извѣстно, какіе то таинственные черные автомобили раз'ѣзжали по Петрограду и пострѣливали, очевидно, с провокаціонной цѣлью по народу, послѣ чего на полном ходу скрывались.

Автомобиль с гробом Распутина и был принят за один из таких таинственных автомобилей.

Милиціонеры потребовали пропуск, таковой был им пред'явлен, но таинственность от этого не уменьшилась.

Вызвали коменданта и лицам, сопровождавшим прах „старца", пришлось разсказать всю правду.

Созвали совѣт, в котором приняли участіе вызванные комендантом солдаты, взвод Волынскаго гвард. полка, взвод Казачьяго Гвардейскаго Своднаго полка и двѣ бронемашины.

Солдат Локошников произнес митинговую рѣчь, против Распутина и его вліянія, не стѣсняясь в выраженіях, послѣ чего было рѣшено труп тут же на мѣстѣ сжечь.

Немедленно соорудили огромный костер, вытащили труп из гроба, при чем оказалось, что труп был набальзамирован, а лицо подкрашено, швырнули труп на костер, облив его предвари-

тельно бензином, потом бросили цинковый гроб, который быстро расплавился.

Знаменательно то, что труп Распутина сожжен на том мѣстѣ, гдѣ до этого возвышался особняк „тибетскаго знахаря "Бадмаева*), особняк, который был сожжен неистовствующей чернью, послѣ того как в нем нашли укрывшагося в первые дни революціи друга Распутина министра А. Д. Протопопова.

---

*) Тибетскій врач Бадмаев, сыгравшій нѣкоторую роль в Распутинской исторіи, жил у Поклонной горы, на Выборгском шоссе, в роскошном барском особнякѣ, пріобрѣтенном врачеваніем по тибетскому способу. Одѣвался Бадмаев в длинный чесучовый кафтан и мягкіе кожаные сапоги. Бадмаев лично показал, что Распутин у него познакомился с Протопоповым еще до поѣздки послѣдняго в Англію, при чем оба „дипломата" быстро поняли друг друга и поладили. На глазах Бадмаева совершилось прежде обѣщанное Распутиным назначеніе Протопопова в министры, как своего человѣка Бадмаев приводит мнѣніе Протопопова о Распутинѣ.

— „Григорій Ефимович умный толковый мужик и дай Бог по больше таковых". Сознался Бадмаев, что рекомендовал Протопопову ген. Курлова, как администратора, который обладает техникой и освѣдомленностью по полицейским дѣлам. Бадмаев был извѣстен, как искуссный врачеватель „секретных болѣзней", а также знал секрет „возстановленія молодости".

Смерть Распутина была, по существу, безразлична для русскаго общества; но существенное и большое значеніе имѣла для всего происшедшаго, жизнь этого знаменитаго авантюриста, святоши и развратника.

Распутин сослужил роль подтачивающаго трон, червя, он был дѣятельным и энергичным шарлатаном, дискредитирующим с неслыханным цинизмом самодержавіе.

Смерть Распутина была необходима для искорененія именно того, что служило этой невольной пропогандѣ: дабы спасти фамилію Государя, от послѣдней дискредитаціи, нс оказалось слишком поздно, дѣло Распутиным уже сдѣлано.

В цѣлом всѣ обстоятельства, создавшія сложную и исключительную обстановку вокруг трона, в которой протекало все происшествіе, походят на сложный и изобилующій приключеніями роман писателя такого типа и силы, как Достоевскій; роман, в котором много исключительных и своеобразных характеров, много человѣческой мути и „подлиннаго матеріала“.

Кто такой был этот знаменитый Распутин, как он возник в мутной и отравленной атмосферѣ россійской обывательщины и что в общем собой представлял?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главныя замѣченныя опечатки:

На стр.	Стр	Напечатано.	Слѣд читать.
86	12 сверху	полеченіям	попеченіям
92	15 снизу	27	17
99	12 снизу	пробудет	попробует.
100	16 снизу	пелѣный	нелѣпый.
102	11 сверху	обсудил	обсудив.
109	5 снизу	выраживишхся	выразившихся.
111	12 снизу	не	но.
116	4 сверху	торчит	торчат.
119	14 снизу	вожделѣніе	вожделѣнія.
123	16 снизу	взалканія	взалканіе.
127	13 сверху	явства	яства.
130	7 снизу	имѣвшіе высоких	имѣвшія высоких.
„	12 снизу	обсолютно	абсолютно.
131	13 сверху	(7)	(?).
„	18 сверху	никаго	никакого.
„	18 снизу	Вольшое	Большое.
„	18 снизу	ло	до.
137	17 снизу	вызывют	вызывают.
138	9 снизу	Рузкій	Рузскій.
141	17 сверху	разговарить	разговаривать.
144	3 сверху	находилось	находилась.
„	16 сверху	облетѣла	облетѣло.

В подписи при портретѣ Родзянко:

земледѣлец	землевладѣлец
отстать	стать.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Книжный и нотный склад

„Національ-Реклама“

Латвія, Рига, Дерптская 50, почт. ящик 566

Предлагает оптом и в розницу всѣ новинки книжнаго рынка:

В. Маргерит „Холостячка“ (La garçonne)
Бюрроуз „Тарзан“, роман.
Бланко-Ибаньес „Кровь и песок“.
Шолом Аш „Мотька вор“.
„ „ „Дядя Мозес“.
А. Адов „Учебник любви“ (для взрослых).
Хвостов „Перед грозой“ роман.
„Русло жизни“.
Ген. Сухомлинов „Мемуары“ (1870 – 1920 года).
А. Н. Толстой „Полное собраніе“.
Первухин „Изобрѣтатели“.
Елец „На крестном пути“.
Краснов „Понять — простить?“

Сенсація!
„Записки краснаго генерала“
в печати.

Классики, Поэзія, Беллетристика, Художествен. критика, Философія, Религія, Искусство, Соціально-экономическія науки, Мемуары, Точныя науки, Сельское хозяйство, разные учебники, словари, пособія, представлены в исчерпывающем выборѣ и солидном количествѣ.

Спеціальное изданіе календарей отрывных и настольных.

Ноты русскіе, так и всѣ модные шлагера.

При книжном салонѣ имѣется „**Библіотека**“, пополняемая всѣми новинками сейчас же по выходѣ в свѣт.

БИБЛИОТЕКА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв №.........

